

Владимир
Лароу

Звёздные
прыгуны

2017

Главный Герой терпит крушение на далекой планете. Но его спасают. Спасает девушка, прекраснее которой, он не встречал в жизни. Но на планете нет, и не может быть людей. Он не сдался, он разыскал ее. Осторожнее в желаниях — они исполняются.

Невольничьи рынки и галеры рабов, полумифические Призраки и загадочные Телепаты, восставшие Боги и звездные интриги. Могущественная Гильдия, повелевающая тысячами миров и горстка Повстанцев. Не стоит искать встречи с незнакомками...

Владимир Лароу
Звёздные прыгуны

Ни с чем вернулась спасательная экспедиция, отправленная на поиски пропавшего более месяца назад Антона Левицкого — главы компании «Левицкий инк.».

Напоминаем, последний раз мистер Левицкий выходил на связь с планеты Б-327, более известной, как Порта. Так как ни один летательный аппарат не покидал поверхности планеты, спасатели были уверены в успехе.

Глава департамента чрезвычайных происшествий, господин Сам У в интервью нашему каналу заявил: «Я лично курирую операцию и не остановлюсь, пока не отыщу хотя бы след мистера Левицкого», — конец цитаты. Напоминаем, совет директоров «Левицкий инк» назначил премию за спасение своего босса в размере ста миллионов кредитов.

Теперь о погоде...

Выдержка из программы новостей канал «1+2»

1.

Треснувшее стекло разбивало мерное сияние солнца на сотни бликов.

Один из лучей, рожденный паутиной трещин, впивался прямо в левый зрачок Дункана Трегарта, побеждая в причинении беспокойства многочисленные ранения.

Голубеющее за стеклом, на редкость чистое, без единого пятнышка небо, прихотью импрессиониста, служило праздничным фоном происходящему.

Ремни безопасности ненасытными кровососами впилась в тело, намертво приковав Трегарта к креслу модуля.

Странно, металл, специально созданный, прошедший тысячи проверок на прочность, сплав не выдержал, а ремни — полоски искусственной ткани — продолжали служить, медленно убивая того, кого призваны оберегать.

Дункан знал, что умирает. Быстротечные минуты потери сознания все реже перемежались медленными периодами бодрствования.

Если его не прикончит солнце, дело довершит собственный организм.

Трегарт скосил глаза — из покореженного пола, экзотической порослью, торчали остовы развороченных креплений кресла — еще одной вещи, рожденной сохранять жизнь пилота и в критический момент, изменившей предназначению.

Ремни больно впивались в тело, с каждой минутой ощущения усиливались, побеждая даже надоедливый луч.

И жажда.

Дункан знал, он умрет от нее.

Обезвоженный потерей крови и нестерпимым зноем организм, в конце концов, не вернется из очередного погружения в спасительное беспамятство.

Дункан почти мечтал об этом.

Наблюдая в фильмах, читая в книгах молебны героев о смерти — избавительницы от

мучительных страданий, Трегарт мало понимал их. Смерть в любом случае неминуема и не уйдет от тебя. Пока жив — нужно бороться!

Вырванное с корнями тяжелое кресло надгробным памятником возвышалось над подобными мыслями и над самим Трегартом.

Это был обычный полет, на новой работе он уже совершил десятки подобных. Трегарт вспомнил свою радость, когда удалось устроиться космолетчиком-испытателем. В мирное время у бывших военных пилотов было два пути — заседать в барах, пропивая награды и заливая воспоминания бурного армейского прошлого, или идти внаем к частникам. Если повезет — будешь летать на каком-нибудь шикарном лайнере по одному из модных туристических маршрутов — эдакая кукла, увешанная наградами, такая же неотъемлемая часть тура, как бар, бассейн и бесплатный туалет. Основная масса прозябала на почтовых ракетах, бороздящих объятные просторы соседних систем.

Трегарту повезло, очень повезло — профессия испытателя, помимо неплохого заработка, была лишена скуки первого варианта и однообразия второго.

Лети, куда вздумается, ни тебе начальства, ни занудных пассажиров, только ты — и звезды. Единственное условие — налетать не менее одного парсека, только после такой обкатки звездолет признавался годным для дальнейшей эксплуатации.

От покоренных креплений, глаза переместились к собственной конечности. Нога Трегарта, выглядывающая из-под станины кресла, была выгнута под неестественным углом. Непромокаемая ткань комбинезона, обжеванным удавом, набухла от набравшейся крови. Открытый перелом.

Кроме ноги, от удара, наверняка, сломалось несколько ребер.

Самый захудалый медблок справился бы с его ранами в считанные часы. Но в том-то и дело, что медблоки в спасательных модулях не предусмотрены. А даже, капризом инструкторов, окажись он на борту, Дункану в его положении все равно ни за что не добраться до электронного доктора.

Что предусмотрено в модулях, так это — передатчик, автоматически посылающий сигнал бедствия, едва капсула покидает звездолет.

Хорошая придумка, если ты латаешь вблизи оживленных космических трасс.

Б-327 — по атласу Галлея — забитая и забытая система. Дункан не мог сейчас вспомнить, почему его потянуло в этот медвежий угол галактики.

Еще повезло, что рядом с местом аварии оказалась планета.

Повезло.

Пока сюда долетят спасатели, они как раз обнаружат его труп. Из-за жары не холодеющий, однако, вполне возможно, разлагающийся.

Себяжаление Трегарта прервали звуки, совсем не свойственные пустыне: лязг сбруи, крики животных, голоса...

«Вот и галлюцинации начались», — проползла вялая мысль.

— Местный корабль, что-то вроде спасательного челнока.

— Удар был очень сильный.

— Посмотрите, возможно, кто остался в живых.

Первые два голоса были мужскими, с подобострастными интонациями. Третий — женский, молодой, приятный голос, слегка подпорченный стальными нотками, говорящими о том, что женщина привыкла повелевать.

Панораму безоблачного неба нарушило темное пятно.

Дункан напряг зрение, пятно оформилось в темнокожую голову, словно младенец, укутанную в белый тюрбан.

— Госпожа, человек, пилот, один и он... дышит!

«Какой реальный мираж», — устало подумал Дункан.

2.

За спинами находилось три десятка боксов, набитых медицинским оборудованием и столько же кают — корабль строился в расчете на оказание помощи большому количеству пострадавших.

Вместо того, чтобы отлеживаться перед, возможно, опасным заданием, спасатели собрались здесь, в рубке.

— Откуда сигнал? — процедил сквозь зубы Берт Кинг — самый юный участник команды, вследствие молодости усиленно изображавший бывалого астронавта.

— Б-327/4, - не отрывая взгляда от монитора со столбиками расчетов, ответил Корелла — штурман корабля.

— От кого? Надеюсь, не лайнер. Прошлый раз, загрузившись, мы едва смогли оторваться от поверхности.

— Еще та толстуха со сворой собак.

— Точно, по-моему, их у нее было не меньше двух дюжин!

— Двадцать три, — уточнил Золтан Левицкий — врач команды, — я считал.

— И всю эту свору, она потянула за собой!

— Людей девать некуда, а тут — собаки!

— Как она визжала, когда Кэп велел ей оставить живность.

— Собак жалко, — внес свою лепту еще молодой, но уже лысый, как бильярдный шар Мойер Мойер — штатный радист.

— А людей тебе не жалко?

— Собак больше, — честно признался Мойер.

— На этот раз один человек — испытатель.

— Испытатель? Вот уж собачья работа. Я б не смог — несколько недель, а то и месяцев — один, меж звезд...

— А спасатель не собачья работа?

— Может, оставим собачью тему?

— Интересно, чего его занесло в такую глушь?

— Через двадцать два часа будем на месте, — от монитора возвестил штурман, — и то, если повезет.

— А если нет?

— Часов через тридцать.

— Посмотрим, насколько парень везунчик.

— Б-327, - почесал затылок Сигурд — рыжебородый здоровяк — дитя простой жизни и чистого воздуха дальних поседений, — уж не та ли эта система, где пропал Антон Левицкий?

— Слышь, Док, твой однофамилец.

— А, может, родственник, — оскалился Кинг. — Золтан, не подкинешь пару

миллиардиков?

— Когда это было?

— Да около года назад, может, чуть меньше, точно, в октябре. Эх, эх, сколько денег, связей, домов, кораблей... и все...

— Говорят, Левицкий входил в десятку самых богатых людей сектора.

— Входил, да только на тот свет богатства не заберешь.

— Тела так и не нашли, — напомнил Мойер Мойер.

— Зато нашли корабль — пустой и, если мне не изменяет память, как раз на четвертой планете.

— Куда он мог деться?

— Мало ли. Слышал, аборигены тамошние не вышли из каменного века. Как пид дать, сожрали беднягу, несмотря на все денежки.

— Точно, — загоготал Кинг, — дикарям все одно, миллиард у тебя в кармане, или одна кредитка, лишь бы поупитаннее был.

— На тебя они точно не позарятся, — хмуро вставил Мойер.

3.

Тело Трегарта оторвалось от земли и легко воспарило в воздух. Помятый пол модуля с осколками приборов отделился от Дункана.

«Я лечу», — вяло подумал пилот.

Открывшиеся способности его совершенно не удивили. На фоне невесть откуда взявшихся голосов и голов в турбанах, левитация казалась естественным продолжением.

— Переверните, только осторожно.

Вместе с креслом, тело проделало незамысловатый кульбит, крутанувшись вокруг своей оси. Неубранный пол, сменил потолок модуля с мирно мигающими лампочками.

— Теперь на воздух, и придерживайте ногу!

Дункан поплыл.

Летать оказалось неожиданно приятнее лежания под креслом.

«Почему идея полетать не пришла мне в голову раньше?»

«Пусть все это — иллюзия? Зато, какая приятная!»

Ушел потолок, затем дверь шлюза, наконец, появилось старое знакомое — голубое небо.

Наслаждаться пейзажами немного мешали несколько размытых пятен на периферии зрения. Пятна странным образом походили на головы в турбанах. Темная, почти черная кожа контрастировала с белоснежной тканью.

— Ложите сюда.

Трегарт опустился.

— Расстегните ремни.

Давление на тело ослабло. Страшно захотелось почесаться.

Дункан повернул голову — покореженный модуль, полузарывшийся в желтый песок, лес волосатых ног с широкими копытами, что принадлежали приземистым горбатым животным. Между животными ходили, или сидели люди — темные от загара лица под светлыми турбанами, двухцветные — белые с голубым свободные одежды с длинными, до

земли рукавами.

— Он будет жить?

— Сейчас посмотрим.

Вопрос задал знакомый женский голос. Дункан повернулся к источнику звука и увидел... ее.

Изображение появлялось частями, постепенно, словно начинающий фотограф неумело наводил резкость.

Сначала проступили кончики ресниц, самые кончики, наверняка, потому, что это была наиболее выдающаяся вперед часть тела. Ресницы были густые, черные, приятно загнутые. За ресницами Дункан увидел глаза, большие, как у лани, дырочка зрачка почти сливалась с угольной радужкой. За глазами, словно этого ждали, выступили тонкие брови, ровный нос, плотно сжатые, ярко-красные губы, щеки и, наконец, все лицо молодой девушки.

Возможно, виной тому его состояние, Трегарту она показалась самым прекрасным созданием, какое он видел в жизни. Словно ангел.

— Ангел спустился за мной с небес.

— Что он сказал? — между бровками залегла милая складочка.

— Бредит, моя госпожа.

Из-под парчового тюрбана со множеством цепочек, переливающихся камней, брошек выбились вьющиеся пряди неожиданно, в сочетании с темными бровями и ресницами, светлых волос.

Рядом с прекрасной незнакомкой замер худой мужчина средних лет, помимо привычных бело-голубых одеяний на мужчине был длинный кафтан со сложной вышивкой — наверняка не дешевая вещь. Жилистая рука сжимала портативный анализатор, Дункан никогда не видел таких, однако это не мешало ему определить назначение предмета. Направляемый конечностью незнакомца, прибор медленно двигался вдоль тела.

— Внутренние органы не повреждены, кровотечений нет. Парень родился в рубашке. Остаются нога и ребра.

— Как он оказался здесь? — изящная ручка выудила платок и промокнула влажный лобик. — Я считала, Мергла — закрытая планета.

— Возможно, сбил один из охранных спутников, здешние власти утыкали ими все окрестности.

Так вот что это было — охранный спутник! Дункан вспомнил, как за миг до аварии, одна из глыб астероидов, в беспорядке усеивающих близлежащее пространство, ринулась к нему.

Странно, если это был спутник-сторож, еще до атаки, он должен был связаться с пилотом и сообщить, что тот залетел на охраняемую территорию.

Если бы Дункан мог, он хлопнул бы себя по лбу.

Он же сам отключил рацию! Зачем она, когда ты в открытом космосе, вдали от коммерческих трасс?

— Мы можем что-нибудь сделать?

— Не волнуйтесь, моя госпожа, жить будет.

Еще Дункан вспомнил, что пока летел на модуле, отчетливо видел, простирающуюся под ним пустыню. На сотни миль в ней не было ни пятнышка.

Откуда же взялся это караван, возглавляемый прекрасной незнакомкой?

Еще одно доказательство, что все происходящее — мираж и наваждение.

— Вы позволите? — жилистая рука потянулась к платку, которым девушка продолжала осушать свой лоб.

— Да, конечно.

— Необходимо зафиксировать обломки кости, ну а прибор довершит остальное.

Тело Дункана пронзила резкая, кинжальная, нечеловеческая боль, словно кто-то вставил в рану корявый осколок и медленно проворачивал его.

— Будет больно, — запоздало предупредил голос худого.

Неожиданно боль прошла.

— Противошоковая сыворотка, вкупе с анестетиком, — старые добрые методы иногда лучше любых электронных штучек.

Тело, освобождаясь от боли, начало заполняться приятным теплом. Веки внезапно отяжелели, голову стало трудно удерживать в желаемом положении.

— Я ввел ему еще и снотворное. Когда проснется, будет почти здоров.

Тени, лица начали растворяться, затягиваясь белесой дымкой.

«Стойте, куда же вы!» — хотел крикнуть Дункан, но язык, одеревеневший язык, даже не думал слушаться хозяина.

4.

— Как он выжил в этой мясорубке? — Кинг не без интереса оглядывал внутренности капсулы.

— Спроси лучше, как он выбрался наружу.

— С креслом на плечах!

— Не уходи... мираж... красавица!

— Снова бредит.

— Ничего не понимаю, — Золтан Левицкий, сжимая диагностический аппарат, склонился над пострадавшим.

— В чем дело, док?

— У него явно следы нескольких переломов, и... они срастаются! Такое ощущение, пилоту уже кто-то оказал помощь. До нас!

— И что вам не нравится? Пока был в сознании, парень дополз до медицинского бокса, подлечился...

— На спасательных модулях нет медицинского бокса!

— ...

— Я... люблю... да, люблю, имя, скажи имя?..

Сигурд почесал огненную шевелюру.

— Забыть имя любимой...

— Шмякнулся, что надо!

— Золтан, брось хмуриться, — Корелла положил шершавую ладонь на узкое плечо доктора, — ну помог ему кто-то из местных...

— Б-327/4 — отсталая планета, здесь нет, да и не может быть достаточного оборудования, специалистов...

— Какой-нибудь шаман, — высказал неожиданно взрослую мысль Берт Кинг.

— Точно, — поддержал его штурман, — помнишь, как было на Панде — племенной

колдун при помощи толченой коры и танцев умудрился излечить космическую чуму, которая едва не выкосила пол системы.

— Это другое...

— Какое другое, вот и перевязали его, — Кинг наклонился над пострадавшим, чтобы снять с ноги платок, режущий глаз среди блеска комбинезона.

Спасатель едва успел распусть узел.

Неожиданно, до этого едва живой испытатель, рывком поднялся, горячие пальцы выхватили пыльный кусок ткани.

— Это мое!.. Нет, ее... — глаза на худом лице лихорадочно блестели.

— Фу ты, черт, — молодой спасатель медленно осел на песок. — Чуть зайкой не стал.

— Лежите, лежите, — не без труда, доктору удалось уложить спасаемого обратно.

— Могли бы предупредить, док, что он способен на такие выкрутасы, — обиженно выдавил Кинг.

— Давайте убираться отсюда, — прижмурившись на солнце, Мойер погладил лысый череп, — пока сами не попадали.

На пороге звездолета, в синем мундире, как всегда застегнутом до самой верхней пуговицы, появился Дугов — капитан корабля спасателей.

— Приказано забрать не только пострадавшего, но и его модуль, даже следа не должно остаться от технической цивилизации.

— Да что они там, с ума посходили, они вообще представляют себе, что значит вытянуть на орбиту...

Под голубыми, под цвет кителя, глазами капитана, Кинг неожиданно, или ожидающе смешался.

— Забрать, так забрать... начальству виднее.

5.

Клерку за конторкой было скучно. Клерку, наверняка, хотелось домой, к любимому головизору и удобному креслу. Вместо этого, клерка ждали еще три часа нудной работы и еще более нудные посетители. Все это настолько явно читалось на сучающей веснушчатой физиономии, что Трегарту было впору заподозрить в себе экстрасенсорные способности.

— Я вам в который раз повторяю, планета Порты — закрытый мир, без визы соответствующих органов...

В отличие от клерка, Трегарту совсем не было скучно, более того — волна гнева начала зарождаться где-то внутри. Скоро месяц, как он вышел из больницы и весь этот месяц был потрачен на ходьбу по инстанциям: звездная служба, комитет новооткрытых земель, общество защиты гуманоидов и такое же, касающееся негуманоидных форм жизни, антимонопольный комитет, профсоюз археологов...

В кафе тихо играла музыка, в такт звуковым переливам, на матовых стенах плясали цветные пятна, как на вкус Дункана — слишком яркие. Трегарт не любил этих новомодных заведений со светомузыкой. Призванная успокаивать, отвлекать клиентов от сутолоки внекафешной жизни, Трегарта она раздражала.

К сожалению, единственное кафе на территории института, оказалось

светомузыкальным.

— Поймите, Порта, или, как вы — космолетчики, называет ее — Б-327/4 — уникальный мир! — напротив Дункана сидело типичное воплощение ученого сухаря — растянутый на коленях и локтях, забывший слово «чистка» мышиный костюм, широкий в плечах и узкий в раздавшихся бедрах. Длинные худые пальцы, словно щупальца, выростали прямо из серых рукавов; на тонкой шее болталась объемная голова с редкими волосками и глазами... лихорадочно блестящими — единственной живой вещью, среди царства пепла.

— Чем же она уникальна? — увлекшись одним из световых пятен — ярко-алым, Трегарт на некоторое время потерял нить разговора.

— Как же! — глаза ослепили порцией блеска. — Девственная, не тронутая цивилизацией, первобытная культура, пребывающая — редкая удача — в бронзовом веке, по нашим меркам, хотя бронзу, хе, хе, аборигены еще не научились обрабатывать, да это и не важно...

Очередное световое пятно отвлекло Трегарта от речей ученого.

— Здесь у меня разрешение санитарной службы, согласование с Контролем Качества, пограничниками, таможенной и даже справка о прохождении прививок и курса на бактерионосительство, чего вам еще?

Дункан не представлял, что выбить разрешение на посещение одной единственной, всеми забытой планеты так сложно.

Веснушчатые — подстать физиономии — пальцы чиновника принялись перебирать коричневые бумажки.

— А справка из экологического контроля о соответствии корабля последним требованиям?

— Вы слушаете?

— А? — Трегарт понял, что снова увлекся очередным пятном. Кажется, он потихоньку начинал ненавидеть эти светомузыкальные заведения. — Очень интересно, профессор.

— Ну так вот, как я уже говорил, помимо прочего, Порта уникальна тем, что религиозные воззрения аборигенов почти не отличаются от верований наших первобытных народов.

— Что вы говорите, — Дункан начал уставать от собеседника, судя по всему, попасть на планету, тот ему не поможет, а пляски у костра местных дикарей, Трегарта волновали мало.

— Почти классический набор: боги — огромные существа, пришедшие с неба и подарившие детям своим огонь и жизнь, а также, научившие их охоте и искусству врачевания. Естественно, периодически возвращающиеся, дабы поощрить верных и наказать виновных. Вы слушаете?

— Да, да, — проклятые пятна.

— Но что самое необычное, — ученый сделал паузу, достойную опытного трагика, — боги портиан имеют сходство с... человеком!

— Гуманоидным формам жизни, а людям в особенности, вообще запрещено посещение Б-327/4, что-то связанное с религией, кажется, мы можем сойти за местных богов, — сраженный настойчивостью Трегарта, чиновник снизошел до объяснений.

— Однако, у меня имеются сведения, не так давно, люди посещали Порту, — рука

нащупала, спрятанный в кармане, шелковый платок — если бы не он, Трегарт охотно согласился бы со всеми и списал произошедшее на расшалившееся воображение. Не платок и не... лицо — смуглое, в обрамлении светлых кудряшек. Это лицо, его очертания постоянно стояли перед глазами Трегарта. Оно стояло все время реабилитации, и никуда не исчезло после. Он читал, слышал, про любовь с первого взгляда, но никогда не думал, что испытает нечто подобное сам. В шевелении листьев Трегарту виделось хлопанье густых ресниц, в блеске ручьев сверкали темные глаза незнакомки, в дуновении ветра слышался шепот прекрасных губ. Она приходила во сне, наяву и даже в краткий период между. Дункан был на все готов, на все, чтобы только раз, всего лишь один раз, еще раз узреть эти черты, услышать голос...

— Последнее разрешение на посещение Порты выдано год назад на имя Антона Левицкого.

— А после?

— Поисковая экспедиция.

— А после?

— Месяц назад команда спасателей.

— И все?

— Конечно.

— Значит, ваши компьютеры врут! — рука снова нащупала платок.

— Молодой человек, — в устах чиновника, не старше Дункана, обращение звучало уничижительно, — да будет вам известно, Б-327/4 окружает кольцо спутников слежения. Без кода доступа, выдаваемого нашим, заметьте, исключительно нашим ведомством, дажемышь не проскочит на планету!

Он прав, Дункан знал, что чинуша был прав, Трегарт испытал это на себе.

— На человека? — впервые с начала разговора, Трегарт почувствовал интерес.

— Совершенно верно! — профессор расцвел майской розой. — Верховное божество, точнее, богиня, и все это притом, что до открытия планеты, аборигены не сталкивались с людьми.

— Возможно, какой-нибудь заблудившийся корабль?

— Это ж как нужно заблудиться? Старые звездолеты не залетали, да и не могли залететь столь далеко, новые же... интересы, а, следовательно, и маршруты человечества лежат совсем в ином районе. Хотя, ваше высказывание, можно принять, как гипотезу.

— Сейчас на Порте присутствует какая-нибудь... экспедиция, или просто группа людей.

Ученый замахал на Дункана руками.

— Что вы! Они же все испортят — девственная культура, свободная от влияния извне. Портяне — настоящие дети природы, — дружелюбные, бесхитростные, свободные от зависти, алчности, интриганства, присущих, так называемым, цивилизованным народам.

— Вы защитили по Порте диссертацию?

— Две, если быть точным: кандидатскую и докторскую.

— Сами когда-нибудь были на планете?

— Зачем? Я — ученый, а не путешественник! — худая грудь гордо выпрямилась за пыльными лацканами. — Кстати, моя докторская касалась, так называемого, Райского Ритуала, или ритуала переселения в рай, занимающего одно из центральных мест в религии

портиан. Это, когда наиболее уважаемые, заслужившие эту честь аборигены, так сказать, сливки общества...

6.

— О-о-о, Урта! — худые руки, покрытые рыжими, словно трава в пустыне, волосами сжимали полированный многими прикосновениями бубен. — Урта, Урта! Открой врата свои! — коричневые, с раздутыми суставами пальцы истоиво терзали такую же коричневую шкуру, обнимающую полированный каркас. — Врата, врата, Урта!

Шаман Гнак — теперешний исполнитель Ритуала подпрыгнул, высоко задрал увитые венами ноги.

Гнед, стоя за кругом света, в толпе наблюдателей, ревниво наблюдал за действиями шамана, тщетно пытаясь отыскать изъян в действиях конкурента.

— Врата, врата... — выудив из поясного мешочка щепотку порошка кины, Гнак сыпанул его в костер. Пламя ответило взрывом разновеликих искр. — Врата Рая!

— О-о-о! — загудели многочисленные вожди.

Что они понимали? Гнед видел, с противоположного края площадки, за действиями исполняющего не менее ревниво наблюдают Гнир — шаман соседнего племени Иру, Гнок — колдун племени Аков, а также близнецы Гнот и Гнут — делившие между собой шаманство Отов.

— И прими...

Гнед поднял глаза. Туда, где над серой скалой, освещенная бликами костра, возвышалась статуя Верховной Богини Урты. Сделанное из камня лицо небожительницы, как всегда было спокойно. Сегодня, сейчас, в этом спокойствии, в каменном безразличии к судьбе Гнеда той, служению которой он отдал всю жизнь, престарелому шаману виделась насмешка.

— О-о-о, — многоголосый хор зрителей вернул Гнеда к происходящему. Он и не заметил, когда в круг света вошел Гнус — старший сын вождя племени Усов и сегодняшний избранный.

Повинуясь указанию Гнака, избранный пошевелил плечами. Пепельная шкура упала к ногам Гнуса, оставив сына вождя, в чем мать родила, каким он пришел в этот мир, и каким предстанет перед светлые очи Урты.

— Достойного! — едва не срывая голос, заорал Гнак.

— Достойного! — подхватили зрители.

Помимо воли Гнед скрежетнул зубами — на его, Гнуса месте, должен быть он! Он заслужил честь предстать перед богиней и до скончания веков жить, рядом с повелительницей. В раю! Он — шаман Гнед, а не кто другой!

— Гнуса! — родили десятки глоток.

Гнед едва не завыл от обиды. Нашептываниями, подкупом других вождей и старейшин, вождю Усов удалось просунуть сынка в избранные. Еще бы, дождевые тучи, словно направляемые Вуолом — извечным противником Пресветлой, упорно обходя земли племен, щедро одаривали божественной влагой Усов. Дичь, самцом к текущей самке, сбегалась на земли ненавистного племени и, казалось, сама лезла в силки и ямы. И это притом, что остальные племена натурально недоедали.

Истинно — Вуол не спит, надо же было случиться этому именно в год, когда избрание Гнеда было делом почти решенным. Гноту и Гнуту, урвав от запасов племени, Гнед подсунул несколько десятков шкур Лематов — они обещали на Совете кинуть камень за него; Гниру он подарил свой бубен — ценная вещь, доставшаяся Гнеду от его учителя, а ему — от его, за бубен Гнир обещал подговорить вождей Гниса и Гнека... все насмарку...

— Прими Гнуса!

Надышавшегося ядовитых паров костра Гнака начала бить мелкая дрожь.

Теперь придется ждать следующего года и следующего Совета.

— Открой врата Рая!

— Врата, врата, врата! — кричали зрители.

И... в мерцании костра, словно водная гладь, задрожала ровная поверхность скалы под богиней.

— Рай, рай, рай!

Понукаемый криками, жестами исполняющего, Гнус сделал шаг к дрожащему камню.

7.

Привычный гул двигателя, замечаемый только, когда корабль молчит. Сияние звезд за окном, казалось бы, такое же, как с планеты, ан нет... было в них что-то... заставляющее людей и не людей покидать насиженные, удобренные цивилизацией места, ради необъятной черноты открытого космоса.

С правой стороны угол обзора на необъятное ограничивал платок — Дункан повесил его у кресла пилота, над приборной панелью. Несколько волнистых линий, причудливо изгибаясь, сплетались в сплошной узор. Возможно, это был текст... на незнакомом языке... ее языке.

Как странно, небольшая вещица сумела перевернуть с ног на голову мировоззрение, уклад жизни Трегарта, она смогла даже повлиять на его отношение к звездам. Теперь из всех, он предпочитал и стремился к одной, с непримечательным номером Б-327 в астрономическом атласе.

То, что произошло, было сродни чуду. Волнующая сцена вновь и вновь всплывала перед глазами.

— Инструкция пребывания на планетах класса «Б» запрещает посетителям иметь оборудование, предметы обихода, это касается и одежды, которые, так или иначе, соотносятся с достижениями цивилизации.

— Не понял, — последние пол часа Трегарт пребывал, словно во сне. Где-то наверху произошла очередная кадровая перестановка. Один начальник сменил другого и, желая показать либеральность взглядов, вкупе с иным подходом к делу, с ходу подмахнул с десятков прошений, отклоненных предшественником, среди которых оказалось и заявление Трегарта.

— Ничего современнее ножа на планету брать нельзя, — разъяснил значение не к месту заумной фразы чиновник.

— А-а-а.

— Подпишите вот это.

Поверх заветного разрешения легла очередная бумага; два десятка из бесконечной

вереницы справок уже лежали там же, на глазах у Трегарта хороня вожделенный документ в шуршащей могиле.

— Что это?

— Расписка. Ни вы, ни ваши родственники в случае вашей гм, гибели, либо членовредительства, повлекшего постоянную или временную нетрудоспособность, не имеют претензий к службе, выдавшей разрешение, то есть, к нам.

— За родственников поручиться не могу.

— Подписывайте, подписывайте. И еще здесь.

— А это?

— Оборудование: звездный корабль, скафандр, посадочный модуль, за них мы также не несем ответственности.

— Хоть за что-то вы несете?

— Код доступа, естественно не универсальный, как у спасателей, после подписания всех документов, он будет введен в бортовой компьютер вашего корабля. Служба гарантирует, благодаря ему, спутники не собьют вас на подлете.

— И на том спасибо.

— Теперь поставьте отпечаток пальца сюда...

Это были самые страшные пол часа в жизни Дункана. Уголок заветного разрешения то появлялся соблазнительной кокеткой, то исчезал под грудой бесконечных справок, расписок, правил и формуляров.

К концу, он почти разуверился, что когда-нибудь получит его. Хотелось вырвать заветную бумажку из-под груды макулатуры и, подобно мальчишке, получившему вожделенный леденец, бежать... бежать...

Все кончается... универсальная мысль, высказанная одним из великих.

Заветная бумага грела карман, а заветный код, Дункан надеялся, грел плату компьютера.

Вместе с разрешением, он получил карту деревень аборигенов. Не слишком внушительно, — так называемая цивилизация Порты ютилась в небольшом, по планетным меркам, оазисе, окруженном необъятной пустыней и состояла из двух десятков поселений, или племен.

Для Трегарта почти идеально — он обойдет их все.

«Ее! — мысль, желание, намерение, заполняла естество молодого мужчины. — Он увидит ее!»

В конторе уверяли, за последний год на планету никто не садился... но он же не сошел с ума. Платок, вот он, перед глазами, и раны... когда прибыли спасатели, они уже заживали...

Ее! Он увидит ее!

8.

— Гнед, скорее, Миха, дочь охотника Пнака, ее укусила змея!

Молодой Рнак, красный от быстрого бега, стоял перед шаманом.

«Надо было под ноги смотреть!» — хотел огрызнуться Гнед.

Нарочито медленно, шаман вышел из хижины, потянулся. Рнак нетерпеливо

переминался с ноги на ногу.

— Скажи, я приду.

— Но, Гнед, Миха, она умрет, скорее...

— Мальчишка! — вскипел шаман. — Как смеешь со мной так разговаривать! Сказал — приду! Выживет, ничего с ней не станется, а если нет... на все воля Урты, — шаман сделал жест, прославляющий богиню.

Рнак автоматически повторил его.

— Иди! — прикрикнул на юношу Гнед.

Развернувшись, тот затрусил к селению.

Гнед смотрел вслед гонцу, пока мелькающие пятки не затерялись между плетеными хижинами.

Он — тот, кто уже должен был вкушать сочные плоды в райских чертогах божественной Урты, сидит здесь, среди жары и песка, врачует глупых девчонок, умудрившихся не заметить змею, а Гнус, этот выскочка, этот подлый...

Стон, полный муки стон, помимо воли, прорвался сквозь сцепленные зубы Гнеда.

Ничего, ничего, он долго думал, он не спал много ночей, он нашел как...

В рай Гнед, конечно, до следующего Совета не попадет, но зато Гнус не сможет наслаждаться плодами временной победы.

9.

Дункан устало опустился на горячий от солнца камень.

Пот, казалось, пропитал всю одежду, превратив мягкий хлопок в плотный картон. Хуже всего было то, что эта помесь ткани и собственных испарений наотрез отказывалась пропускать воздух, так что тело покрылось липким налетом, к которому удивительно легко приставали песок, грязь, насекомые и сама одежда.

Дункан снял шляпу и отер мокрый лоб. Помимо дозволенного ножа, карманы полотняных брюк оттягивала заветная карта.

На ней Трегарт отмечал уже опрошенные селения. От деревни к деревне, от племени к племени, теряя надежду.

Аборигены не только ничего не знали о прекрасной незнакомке, но и, судя по реакции, смутно подозревали о существовании людей. Некоторые вспоминали пропавшего год назад Антона Левицкого и последовавшую за исчезновением спасательную экспедицию.

После этого — ничего.

Если бы не платок, не злосчастный платок, Дункан давно бы списал произошедшее на шутки распалившегося воображения.

Это лицо, волосы, голос... стоило отвлечься, они снова и снова вставали перед глазами.

Даже себе он не мог признаться, найти причину, почему с упорством маньяка, одержимого, рискуя положением, благосостоянием, даже жизнью, ищет встречи с девушкой.

Любовь?

Но ведь он даже не знает ее, не говорил, да что там, не разглядел, как следует.

Тогда что?

От хижины отделилась темная точка и, переваливаясь, — характерная походка аборигенов — заковыляла к нему.

Нет божества, кроме Призраков и Кецаль пророк их.
 Они создали землю, и то, что в земле, и то что на земле.
 Они создали небо и то что в небе, и то что над ним.
 Они создали звезды и то что в них, и то что между ними.
 И нет ничего ни на земле, ни в небе, ни в космосе, чтобы не принадлежало им.
 Вода течет, поднимается в небо и снова падает на землю с их позволения.
 Пшено прорастает, зреет, падает в землю и снова прорастает с их позволения.
 День сменяется ночью, а ночь — днем, с их позволения.
 Рождение сменяется смертью, а смерть — рождением, с их позволения.
 Планеты крутятся вокруг звезд, а звезды — вокруг ядра с их позволения.
 Им известно, что было, что есть, что будет.
 И нет ничего такого, чтобы они сказали — мы не знаем.
 Никто не постигнет никакого знания, кроме того, что они пожелают.
 И не свершится ничего, кроме того, что они пожелают.
 И не родится никто, кроме того, что Они пожелают.
 Так было, так есть и так будет.
 Во веки веков.
 Хвала!

Точка приближалась, обрастая подробностями. Угловатое тело, облагороженное отвисшим брюшком, короткие кривые ножки, длинные, достающие почти до колен, жилистые руки и вытянутая высоколобая голова, покоящаяся на узких плечах с торчащими буграми ключиц.

— Ты — чужак!

Вопреки авторитетному мнению горящего ученого, никто на Порте не воспринимал Трегарта в качестве бога. Вот и тон нового знакомого был далек от почтения.

Судя по облачению, перед землянином стоял шаман.

— Меня зовут — Гнед, я — шаман! — подтвердил догадку Трегарта абориген.

— Дункан, — слегка поклонился тот. Рука, помимо воли, потянулась к карману штанов, тому, в котором лежал нож.

— Гнед слышал, чужак ищет себе подобных.

— Что? Да! Ты что-нибудь знаешь о них?

Неужели! Наконец! После стольких дней бесплодных поисков. Удача!

— Гнед знает, — с видом, проводящего важный ритуал, собеседник запустил скрюченный палец в нос и принялся ковырять там.

— Где, где ты их видел, когда?

— Гнед знает, — палец был извлечен, а добытое подверглось пристальному осмотру.

— Как давно это было?

— Недавно, совсем недавно, луна только один раз успела умереть и родиться вновь.

Дункан почувствовал, как сердце забилося сильнее. Она, он увидит ее!

— Платок, — из рюкзака Трегарт выудил платок, — такой вещи ты не видел у них... у одной из них?

— Видел.

В это просто невозможно было поверить. Мечты оборачивались явью.

— Где?

— Гнед больше ничего не скажет, — неожиданно отрезал абориген.

— Почему?

— Слова Гнеда могут слышать лишь уши освященного.

— Освященного?

— Только прошедший Ритуал может быть посвящен в тайну.

— Какой ритуал?

— Ритуал Рая! — торжественно родил абориген.

Дункан вспомнил, что-то такое упоминал профессор.

— Я... э-э-э, могу пройти этот ритуал?

Перед тем как ответить шаман воровато огляделся.

— Не здесь, не сейчас. Как стемнеет, приходи к священной скале, — скрюченный палец указал на темнеющую у горизонта точку. — Приходи так, чтобы тебя никто не видел.

Развернувшись, абориген заковылял обратно к деревне.

12.

Новый знакомый без всякого ритма самозабвенно колотил в потертый бубен.

— Урта, о-о-о, Урта!

Неловко задирая коротенькие ножки, он еще и пытался прыгать вокруг костра.

— Слушай, Гнед... — Дункан поморщился — перекричать орущего шамана с его музыкальным инструментом оказалось довольно сложно.

— Урта!

— Гнед, я... это... — действие все меньше и меньше нравилось Дункану. Что-то в происходящем было не так. Почему низкорослый шаман согласился помогать чужаку? Более того, первым подошел к нему? Да еще и проводит над ним один из самых главных ритуалов... или не главный? Кажется, профессор говорил, Ритуала Рая удостоиваются только избранные?.. Дункан корил себя за то, что слушал откровения ученого в пол уха.

— Врата, врата! — шаман сыпанул чего-то в костер, и тот заискрил праздничным фейерверком.

— Ох, черт! — Дункан отошел подальше.

С другой стороны, что мог ему сделать этот волосатый дикарь? Одна рука нащупала складной нож, вторая сжала его реликвию — платок. Ну, попрыгает, покричит... вот если предложит какую гадость выпить, тогда поглядим.

— О-о-о, и прими! — горячка Ритуала, пляски начала овладевать Гнедом. Ему казалось, даже статуя богини, над священной скалой, одобрительно улыбается.

— Достойного!

Скоро, скоро! Проклятый Гнус, ты узнаешь, как переходить тропу великому Гнеду, на

своей собственной, рыжей шкуре, ты почувствуешь его месть, которая настигнет тебя даже там, в недоступном раю. Месть, руками обожаемой Урты!

— Трагарта!

Гортань с трудом родила непривычное имя. Ничего, это даже лучше. Чужак — это хорошо, очень хорошо. Гнед представлял, как рассердится богиня, он почти собственной шкурой ощущал, как гнев Всемиловитвейшей обрушивается на головы...

— Прими Трагарта!

Открыть Врата еще раз, в неурочный час, почти сразу после первого Ритуала. Гнед долго думал, как отомстить обидчику, пока не придумал. Богиня рассердится, а, рассердившись, убьет обоих — Гнуса и нарушителя. Была трудность найти безумца, согласного пройти Ритуал и этим навлечь на себя гнев Всемиловитвейшей и неминуемую гибель. Чужак, чужак пришел, как нельзя кстати, воистину, сама Урта послала его Гнеду, дабы он мог совершить задуманное.

— Открой врата Рая!

Гнеда начала бить мелкая дрожь, все поплыло перед глазами.

Дикарь задергался, словно припадочный.

— У тебя все нормально? — осторожно спросил Дункан.

— Рай, рай, рай! — выталкивали побелевшие губы.

Корявый палец указывал на скалу, расцвеченную бликами костра.

Помимо воли, Дункан взглянул туда.

— Что за черт!

Или у него слезятся от проклятого дыма глаза, или шаман сыпанул галлюциногенов в огонь. Скала, твердый камень, он... дрожал. Дункан мог поклясться, по серой поверхности даже прошла рябь.

— Что за...

— Иди туда! — изломанным перстом дикарь повелительно ткнул в камень.

Неожиданно, Дункан почувствовал, что ему сделалось страшно.

— Э-э-э, нет, я, пожалуй...

— Иди!

— Сам иди!

— Рай!

— Не желаю в рай, мне и на этом свете...

Дикарь, маленький дикарь подлетел к Дункану. Космолетчик приготовился дать словесный отпор, пусть поищет другого дурака.

Худые, увитые венами, волосатые руки медленно поднялись, и... с неожиданной силой толкнули Дункана.

Он бы удержался, выстоял, это было даже смешно — абориген в полтора раза меньше человека лезет в драку, но... отступающая нога зацепилась за камень, за ней другая, Дункан протянул руку, пытаясь восстановить равновесие, упереться в скалу.

Вместо ожидаемой тверди, рука погрузилась во что-то вязкое. Это вязкое, ненасытным болотом, вслед за рукой потянуло тело. Дункан хотел удержаться, зацепиться другой рукой, однако сила, тянувшая его внутрь, была сильнее усилий человека. Успев напоследок вскрикнуть, он с головой погрузился в густую субстанцию.

Почти сразу же, после кратковременного ощущения удушья, пришло облегчение. Яркий свет, в сравнении с портианской ночью, резанул глаза. Невольно Трегарт зажмурился.

А когда открыл...

Гривастые морды с ввалившимися носами и вытянутыми глазами-щелочками внимательно рассматривали его.

— Смотри, новенький.

— Не такой, как всегда.

— Обычно старики, а этот — молодой.

— И в неурочный час.

«Где я?», «Что со мной?»

Вместо ответа, сильные руки подхватили и подняли Дункана. В просвете полуразвалившейся крыши он успел заметить два солнца — красное и желтое, сияющие в низком небе незнакомой планеты.

Дар Ваал сидел во тьме,
И весь мир был с ним во тьме.
Орта светлая пришла,
Дар Ваала прогнала.

Дар Ваал кричит — вернись,
Вашу Орту не боюсь!
Орта меч свой подняла,
Голову ему снесла.

Грозный испустился дух.
Голова и шея — бух.
Орта — победительница.
Мира — управительница

Выходи скорее вон,
Дар Ваалом будет — Он!

Детская считалка

1.

— Иди, иди! — сильный толчок в спину заставил Дункана ускорить шаг.
А шагам было от чего замедлиться.

Гомон и шум большого города окружали мужчину со всех сторон. Причудливой архитектуры здания заполняли пространство обзора. Среди не очень высоких построек выделялись подпирающие небо башни минаретов, украшенные сложной мозаикой, переливающейся в сиянии солнц, хотя... вполне возможно, это были пожарные колокольни.

Между минаретами с тихим гулом летали флаера, похожие на кареты без тяговых животных. Наверное потому, что этих самых животных с избытком хватало на земле. От небольших, размером с плохо упитанного осла на спинах которых гордо восседали ушастые карлики, до огромных, похожих на горбатых слонов, между наростов которых опасно качалась тяжелая поклажа.

— Иди! — и снова толчок ускорил передвижение Дункана, который засмотрелся на выводок полукрыс-полумартышек, семенящих за тучной мамашей.

Где он? Что с ним? Не блещущие оригинальностью вопросы вновь и вновь всплывали в голове. Каким образом, или... волшебством, он перенесся с Порты в это место?

Дункан пытался заговорить с гривастыми новыми знакомыми, однако тех, похоже, не очень занимали терзания человека.

Не обращая внимания на его реплики, встречающие связали Дункану руки, надо

отметить, связали со знанием дела, взялись за концы веревки и, разбившись на переднюю и заднюю пары, поволокли пленника в одном им ведомом направлении.

— Шевелись! Быстрее!

Даже не будь Дункан связанным, он все равно не помышлял о побеге. Слишком велико было потрясение, слишком разителен контраст между почти безжизненной Портой и этой планетой двух солнц.

— Стой!

Трегарт покорно остановился. Деревянные, покрытые облупившейся краской ворота, возвышались над путниками.

На громкий стук в воротах открылось смотровое окошко. В обрамлении губчатых краев досок возникло лицо с ввалившимся носом.

Секунду дав покрасоваться собой, лицо исчезло, окошко захлопнулось. Вместо него открылась дверь.

— Иди! — толкнули Трегарта в нее.

— Новенький? — деловито поинтересовались с той стороны.

— Ага, представляешь, только прибыл.

2.

За порогом обнаружился довольно широкий двор перед одноэтажным, глиняным зданием с маленькими окошками, похожим на барак.

По периметру двора располагались крытые клетки. Вместо животных, в клетках сидели... мыслящие существа — гуманоиды и не похожие на людей особи.

Распустив веревки, Трегарта толкнули в одну из них.

— Прости, прости, Урта, виноват!

Обретя способность более-менее соображать, Трегарт огляделся. Клеть три на три метра в которой сплошным был только потолок, он делил с неким скрюченным дрожащим существом, покрытым грязными, редкими волосами.

— Прости, прости Урта. Я не знал.

— Что с тобой? — Дункан склонился над соседом.

— Нет, нет, это не я, это все отец! Он подговорил остальных, они проголосовали за меня. Я не хотел! Я не достоин! Это отец, он и меня уговорил! — существо испуганно отползло в угол клетки.

Что удивительно, сокамерник был точной копией аборигенов Порты. Но как он здесь...

— Парень, ты откуда? — между прутьями соседней камеры возникло ухмыляющееся лицо с зеленой кожей, сплошь укрытой оспинами.

— С Земли, — автоматически ответил Дункан.

— Земли? — потрескавшиеся губы посмаковали слово. — Никогда не слышал. Закурить есть?

— Не курю, — Дункан ощупал карманы. К его облегчению, платок остался на месте. Правда, нож гривастые пленители забрали.

— Жаль, — лицо отсунулось, растворившись в темноте клетки.

— Постой! — запоздало среагировал Трегарт. — Где я, что это за место?

— Гляди, Руди, еще один двинутый.

— Да ну? — на месте первого лица возникло другое. На этот раз кожа была синяя, также в язвах.

— Я не сумасшедший, просто... я не знаю, как попал сюда...

— Двинутый, — потеряв интерес, и второе лицо отсунулось.

— Это не рай, не рай! — захныкал сокамерник.

— Не рай, точнее не скажешь, — согласилась темнота голосом зеленокожего.

— Как называется планета? — Дункан приблизился к решетке — на полу соседней камеры развалились цветнолицые.

— Кифея, — ответил спокойный голос из-за спины.

Дункан обернулся. Из противоположной клетки на него смотрел гуманоид с грушеобразным лицом и большими, удивительно грустными глазами.

— Кифея? Не помню, — а по роду своей деятельности, Дункан знал превеликое множество планет.

— Бывает, — философски согласился обладатель больших глаз.

— А про Землю, планету Земля, вы когда-нибудь слышали?

— Нет.

А вот это уже, по меньшей мере, настораживало, хотя способ, каким Дункан попал сюда...

— Наши пленители, они...

— Некронеры — работоторговцы, иногда промышляют и ловлей преступников.

— Но, но, глазастый, говори, да не заговаривайся, кого это ты только что обозвал преступниками?

— Я не вас имел в виду, — спокойно отрезал грушеголовый.

— То-то же, а то, смотри у меня.

— У нас!

— Точно, у нас!

— Можно храбриться, задираться, однако всех ждет одно — рынок рабов.

— Урта, Урта, прости!

— Ничего не понимаю. Нас что, продадут? Как скотину? Этого не может, не должно быть, я — свободный человек! Я буду жаловаться, охрана, где тут посольство...

— На Кифее нет посольств, только рынки.

— Ага, и завтра открытие сезона торговли.

— Поэтому, мы здесь.

— Точно, мы здесь.

— И вы так спокойно говорите об этом? — ужаснулся Трегарт.

— А что сделаешь? — удивился синелицкий.

— Чего ты с ним болтаешь, говорю же, парень не в себе.

— Таково устройство мира, согласно заповедям Всемиловивейшей Орты.

— Прости, прости, Урта!

В этот момент, воздух прорезал звук. Далекий и близкий, разносимый прогретым воздухом, он раздавался, буквально, со всех сторон. Дункану он напомнил игру на трембите.

И охрана, слоняющаяся по двору, и заключенные в камерах, разом плюхнулись на землю. Что удивительно, все головы были повернуты в одну сторону.

— Что, что происходит? — не понял Дункан.

— Время Наяза — благодарственной молитвы Всемиловивейшей Богине.

— Рутам, старый чертяка! Как дела?

— Не очень, не очень, торговля в этом году...

— Брось жаловаться, ходят слухи, тебе удалось добыть парочку Килотов.

— Ну...

— И один из двоих — самка?

— Ну...

— Чего же жаловаться?

Рынок гудел, рынок толкался, рынок пестрил обилием форм и видов посетителей, а также радовал глаз разнообразием выставленного товара.

— Мурдоки?

— И совсем молодые, господин. Нет и ста лет.

— Фу, что я буду делать с этими юнцами?

— Они вырастут!

Трегарта, вместе с остальными пленниками, разместили на возвышении, сковав всех одной цепью, примерно так, как они сидели в камерах. Так что слева от него оказалась парочка цветнолицых, а справа, через непрерывно ноющего портианца, грушеголовый инопланетянин.

— Что за создание?

— Орнмсимбаа с планеты Рорн, специально выведен и обучен для плотских утех и развлечений.

— Похож на жабу.

Мимо их торгового места важно прошествовала пара существ. Одежда из тонкого, наверняка, недешевого, материала обтягивала высокие гибкие фигуры. На желтом металлическом поясе у каждого висело по узкому мечу. Руки с изящными пальцами спокойно покоились на рукоятках. Лица с тонкими чертами, были по человечески красивы, даже благородны, лишь холодный, полный надменности взгляд больших глаз портил их. Попадающиеся на пути парочки посетители, поспешно отходили в сторону. Некоторые посылали вслед сложные жесты.

— Эльвы, — звякнув цепями, синекожий произвел подобный жест. — Хвала Орте, не за нами.

Зеленолицый напарник просто плюнул под ноги.

— Отродье Ваала!

— Кто они такие? — под золотистыми волосами Дункан заметил заостренные кверху уши. Кого-то эти существа ему напоминали...

— Никто не знает, — ответил грушеголовый. — Ни на одной из планет известного мира не встречаются эльвы. Но они есть, появляются, иногда покупают рабов... больше этих несчастных никто не видит.

Зеленолицый снова плюнул.

— Отродье Ваала!

— Урта, Урта, прости... — завел привычную песнь было успокоившийся портианин.

— Ну вот, опять, или заткните его, или я за себя не ручаюсь. Сперва в камере, теперь и здесь покоя нет.

— Купят, тогда успокоишься.

Грубо расталкивая прохожих, к их торговому месту приближалось существо... под два метра ростом и почти столько же в объёме. Дряблая, вся в бородавках и наростах кожа, дрожала и отвратительно переваливалась при каждом шаге.

— Урта, Урта, прости!

Даже Дункан напрягся. Холодные глаза и большой, от уха до уха рот, усеянный мелкими, иглообразными зубами далеко не способствовали поднятию духа.

— Успокойся, — почувствовав напряжение, произнес грушеголовый. — Это — Жадан — вербовщик гаремов, у нас ему делать нечего.

— Разве что Жадану приглянулась кое чья зеленая рожа! — загоготал синелицкий.

— Между прочим, моя морда многим нравится!

— Хотелось бы знать.

— Помнишь ту танцовщицу с Альварана?

— Она переспала с тобой из жалости... или, ты ей заплатил.

— Да я тебя...

— Молчать! — остудил спорщиков окрик хозяев.

— Опасайся Флостеров, — шепнул грушеголовый.

— Это кто такие?

— Торговцы — хозяйева галер.

— На галеру, я ни за что не пойду, лучше смерть! — неожиданно вскипел зеленолицый.

— Это чем же она лучше?

— Тем, что сразу и без мучений.

— Какие они, Флостеры?

— Т-такие! — дрожащий палец зеленолицего указывал вниз.

Между рядами прогуливалась группа существ. Серые одежды, к которым удивительно подходило определение «лохмотья» болтались на сгорбленных фигурах. Под спутанными гривами грязных, пепельных волос с трудом угадывались черты серых лиц с большими желтыми глазами.

— Только не на галеры! — синекотий произвел жест, подобный тому, что делал вслед эльвам.

Зеленокожий спешно повторил его.

Группа Флостеров приблизилась к их возвышению.

Дункан напрягся.

— Прости, прости, Урта!

Желтые, с вертикальными зрачками глаза уставились на него...

4.

Вели молча, периодически дергая за веревку, к которой, кроме Трегарта было привязано еще с пол дюжины рабов, в основном рослых, крепкого сложения.

Дункана, конечно же, купили, и, конечно же, Флостеры.

Помимо неопрятного внешнего вида, от новых хозяев прилично воняло. Запах давно не мытого, да еще инопланетного тела был так силен, что при небольшом ветерке забивал дыхание.

Дункан закашлялся.

Впередиидущий — гладкокожий гигант размеренно вышагивал, равнодушно взирая на новых хозяев единственным глазом. Следующий за ним — гуманоид-юнец с вытянутой головой на длинной шее тихо плакал. Дункан двигался третьим в связке.

Это было невероятно. В произошедшее невозможно было поверить. Его — Дункана Трегарта, космолетчика, свободного человека... купили.

А ведь все, что он хотел, чего желал, это еще раз, всего лишь раз увидеть спасшую его незнакомку.

Сразу за территорией рынка расположились площадки космодрома. Чего тут только не было. Блестящие полировкой, радующие глаз обтекаемыми формами современные корабли и потрепанные временем корыта. Огромные, с небоскреб звездолеты и совсем крохотные, одноместные катера.

Дункан удивленно вращал головой. К своему ужасу, среди множества представленных моделей, взгляд не отыскал ни одного знакомого контура.

Куда же его занесло?

Среди всех кораблей выделялся один — пузатое брюхо, словно у переевшего кашалота покоилось на бетоне площадки, над брюхом возвышалось — подстать ему тело из которого в полном отсутствии симметрии и порядка торчали антенны, надстройки, солнечные батареи, пушки и прочие сооружения, необходимые для дальнего космического полета.

Процессия рабов и хозяев направилась к нему.

5.

— Встать, скоты!

— Эй ты, поднимайся, да, да, носатый, я к тебе обращаюсь!

В трюме флостерского звездолета, их втокнули в полутемное помещение. Через некоторое время Дункан почувствовал вибрацию, тело вжало в пол — корабль взлетел.

— А тебе, блохастый, особое приглашение требуется?

На пороге стояло трое субъектов. Ни один из тройки не походил на хозяев звездолета. Парочка рослых инопланетян с маленькими, словно вжатыми в широкие плечи головами и один, видимо главный, гуманоид, облаченный в серую тунику, на первый взгляд, похожий на человека.

— Поднимайтесь!

— Поднимайтесь!

У каждого из тройки в руках было по электрическому хлысту, орудуя ими, словно дубинками, новоприбывшие выстроили рабов вдоль стены.

— Итак, — человек прошелся перед строем. — Приветствую вас на корабле господина Круна Флосского. Запомните одно, вы — рабы, галерное мясо. На корабле водятся гнаки, так вы ниже их.

По строю прошелестел шепоток.

— Молчать! — крикнул человек, поигрывая дубинкой. — У вас нет права голоса, права на отдых и права на еду. У вас есть только одно право — слушаться приказов и работать. Хороший работник будет иметь еду, достаточно, чтобы не подохнуть и сносную, достойную таких скотов, жизнь. Строптивцы... — человек обвел горящими глазами притихшую

шеренгу. — Для строптивых у нас машинное отделение с урановым топливом. Ни один еще не продержался дольше шести месяцев, возможно, кто-то из вас желает побить рекорд. Имеется также космос — безвоздушное пространство, куда также отправляют рабов. Смерть там наступает быстро, в сравнении с машинным, почти мгновенно. Возможно, через некоторое время, вы сами будете молить о таком исходе. Так что, это честь и ее нужно еще заслужить. Если у кого вопросы, держите их при себе, потому что мне плевать на ваши вопросы. Я — старший надсмотрщик, мое слово — закон! В моей власти покарать вас, или поставить на относительно легкую работу. Здесь, на этом корабле, я для вас богиня, отец и мать в одном лице. Мое имя Антон Левицкий, советую запомнить, скоро это имя начнет сниться вам в кошмарных снах, даже там для таких скотов, как вы, не будет покоя...

— Левицкий! — помимо воли, вырвалось у Дункана.

Неужели! Перед ним! Человек, пропавший год назад! Земляк!

— Ты что-то сказал, раб? — вкрадчиво поинтересовался надсмотрщик.

— Я тоже, как и ты, с Земли... попал сюда... тебя искали... — просто не хватало слов.

Наконец-то, встретить здесь, вдали от дома, родственную душу...

Дикая, огненная, нечеловеческая боль от разряда хлыста пронзила тело. Боль была настолько сильной, что не осталось сил даже крикнуть.

Теряя сознание, Дункан еще слышал слова:

— Так будет со всеми умниками...

6.

Славим ее — Орту Всемилоостивейшую
Широко раскинувшую руки, целительную
Единственную, которую мир телесный почитать может
Единственную, которую мир телесный восхвалять может.
Страх вызывающую, любовь вызывающую
Дома и усадьбы покровительницу,
Имущества покровительницу,
Континентов покровительницу,
Планет покровительницу.

Кто творит семя всех мужей?

Орта!

Кто уготавливает для родов жен?

Орта!

Кто делает легкими роды всех жен?

Орта!

Кто наполняет в урочное время молоком материнскую грудь?

Орта!

Славим ее — Орту Всепобеждающую
Победившую Ваала Ненавистного
Пробившую тьму,

Просверлившую устья рек,
Подарившую свет и Огонь.
Ремесел покровительницу,
Искусств покровительницу,
Торговли покровительницу,
Путешественников защитницу.

Кто заставляет прорасти зерна?

Орта!

Кто заставляет всходить колосья?

Орта!

Кто заставляет тучнеть скот?

Орта!

Кто заставляет течь молоко?

Орта!

Славим ее — Орту могучую.

К врагам беспощадную, к почитателям милостивую.

Наполнившую верой наши сердца

Наполнившую знаниями наши умы

Наполнившую надеждой наши души.

Заблудших наставительницу

Сомневающихся учительницу

Хворых целительницу

Нуждающихся радетьницу.

Кто заставляет светить звезды?

Орта!

Кто заставляет планеты идти начертанными путями?

Орта!

Кто заставляет течь реки?

Орта!

Кто наполняет любовью наши сердца?

Орта!

7.

Что-то холодное коснулось лица Трегарта, на миг почудилось — прекрасная незнакомка отирает его лоб ручкой... прекрасной.

«Я так долго искал тебя»!

Красивейшие черты растянула загадочная улыбка.

«Мне столько нужно сказать...»

Девушка продолжала улыбаться.

«Почему молчишь?»

Небесные черты поплыли, кудряшки укоротились и сделались ровными, губы и глаза уменьшились, нос, наоборот, вырос до размеров сливы... вместо прекрасной незнакомки на Дункана взидало ухмыляющееся лицо... Антона Левицкого. Но лоб он промокал холодной, мокрой тряпкой.

— Наконец-то, думал, не дождусь, пока очухаешься.

Трегарт поднялся на локте — лежал он на кровати, в тесной комнатке с облупившимися стенами и единственной тусклой лампочкой у потолка.

— Где я?

Вопрос был глупым — ставший почти привычным, но все равно ощутимый запах Флостеров витал в воздухе.

— На галере, — Левицкий отбросил мокрую ткань. — Ну, рассказывай, кто ты, как сюда попал? Неужели, вправду из моего мира?

В голове гудело, во всем теле ощущалась слабость, как после изнурительных физических упражнений.

— Что значит, из моего мира?

— Ты еще не понял, парень, очнись, ты в другом мире, измерении, вселенной, уж не знаю, как это назвать. Здесь никто, никогда не слышал ни о планете Земля, ни о солнечной системе. Более того, здесь нет этой системы, как и тысяч других звезд и созвездий, известных нам.

Конечно, нечто подобное, Дункан давно заподозрил.

— Возможно, иная галактика?

— Галактика, шмалактика, какой, черт, разница, если нельзя вернуться. Ты, кстати, как сюда попал?

— Ритуал Рая.

— А-а-а, — разочарованно протянул Левицкий, — я-то думал... Давно?

— Несколько дней.

— Любопытно, как тебе удалось уломать портиан совершить Ритуал? Мне, если честно, понадобился не один день и не одна сотня блестящих побрякушек.

— Шаман какого-то племени сам предложил.

— Надо же. Глупцы, они так стремятся сюда, интригуют, не ведая, что их рай оборачивается для избранных самым настоящим адом. Проклятое место, — Левицкий опустил голову. — Знаешь, за все время, что я здесь, дня не проходило, одного единственного дня, чтобы я не вспоминал... дом.

— Тебя искали, было несколько спасательных экспедиций.

— Выходит, ты слышал обо мне?

— Еще бы, Антон Левицкий — миллиардер-филантроп...

— Там я повелевал миллионами, здесь — кучкой грязных рабов.

— Как получилось, что ты стал... надсмотрщиком?

— А-а-а, парень, зарабатывая миллиарды, кое-чему да научишься. Деловой человек везде пробьет себе дорогу, даже в этом забитом мире. Как и тебя, меня продали на рынке рабов, как и ты, я оказался на галере, ну а потом уж...

— Ты свободен?

— Нет, — Антон устало покачал головой. — Моя свобода не простирается дальше моего ошейника. Я — такой же раб, как и ты. Да, я могу разгуливать по кораблю. Мне даже

позволено отправляться в город, но... вздумаю сбежать, на меня будет объявлена охота, как на дикого зверя. Каждый встречный посчитает за удачу поймать, вернуть беглеца. Награда — деньги. А если кто-то из сострадания, или по иным причинам укроет беглого раба, наказание — смерть. Таковы здешние законы. Теперь понимаешь, в какой мир мы попали?

— Но как, каким образом, мы перенеслись сюда?

— Откуда я знаю. Может, действительно, дикарям ведомо больше нашего. Место, где я впервые оказался после Ритуала, да и ты, наверняка, тоже, это бывшая лавка старьевщика, в одном из захудалых районов Кифеи. Нейронеры выкупили ее и теперь побираются живым товаром. Я заплатил пару монет смотрителю, зашел в лавку — обыкновенная комната, глухие стены, дырявый потолок. Чувствовал себя последним глупцом, когда пытался пройти сквозь них. Пробовал и так, и эдак, даже костер разводил с плясками — ни в какую.

— Мы застряли?

— Держись меня, парень, вместе, авось, что-нибудь придумаем. Для начала, устрою тебя на блатную работу. Ты кем был дома?

— Космолетчиком.

— М-да. Здесь это вряд ли пригодится. Флостеры на дальность собственной вони не подпускают нас к управлению. Ну да, ничего, придумаем что-нибудь. Нас ведь, как-никак, теперь — двое.

8.

— Давай, давай, шевелитесь, трюмные крысы!

Щелканье хлыста заставило раба — здорового четырехрукого детину с ушастью головой, ускорить шаг.

Здешние обитатели не ведали, что такое «крыса», поэтому оскорбление звучало не настолько обидно. Хотя, есть ли гордость у раба?

Трюмы кишели местной живностью, как и крысы, серой и примерно такого же размера, на этом сходство, во всяком случае, внешнее, заканчивалось. Бегали твари на задних лапах, словно кенгуру, в изыскивании пищи и сотворении пакостей, порой, проявляя завидный для такой черепной коробки, интеллект. Местные называли их — гнаки. Как нетрудно догадаться, слово было нарицательным.

— А ты чего стал? А ну, пошел!

Антону всюю помогали «головастики», как прозвал про себя Дункан помощников надсмотрщика, главным образом за то, что эта самая голова, явно, не была у них основной частью тела.

— Пошел, пошел, пошел!

Вереница рабов, снующая по ржавому помосту, соединяющему черный трюм и бетон посадочной площадки, слегка ускорила передвижение.

— А тебе, длинный, особое приглашение требуется?

Удар хлыста.

Дункану тоже выдали хлыст, вкупе с серой униформой и отдельной коробкой, не больше Антоновой, носившей гордое имя «каюта».

Трегарт неуверенно мял его в руках, как всегда, не представляя что делать. Ударить собрата по несчастью он не мог.

— Не стой, работай!

На этот раз окрик Левицкого относился к Трегарту. Напарник многозначительно скосил глаза в сторону хозяев корабля.

Флостеры стояли здесь же, в своих одинаково старых лохмотьях, с одинаково грязными гривами, словно близнецы-братья. Среди группы выделялся хозяин — господин Крун Флосский, почтивший высочайшим присутствием процесс выгрузки товара. В сравнении с его немой физиономией, сотоварищи выглядели свежейискупанными младенцами. Над группой витал стойкий, даже для привычных к нему рабов, запах.

Да, запах пропитал их всех — господ и подчиненных, прочно сросшись с серой одеждой, волосами, кожей, даже глазами.

В редкие минуты увольнения, в минуты между выгрузкой и получением оплаты, когда им с Антоном удавалось вырваться в город, Дункан видел, как кривились лица прохожих, или поворачивались к ним головы, с последующим сморщиванием физиономий, стоило землянам зайти в общественное заведение.

— У наших хозяев своеобразное мировосприятие, — поучал его Антон. — Вершиной творения, чуть ли не венцом эволюции, они мнят исключительно себя, всех остальных, считая кем-то вроде гнаков. Надо признать, остальные народы крысами считают Флостеров, но тех это мало волнует. Если ты ругаешься, хамишь, кричишь, они признают тебя... не то чтобы равным себе, но... стоящим где-то между Флостерами и гнаками. А если безропотно терпишь побои, примерным рабом, значит ты — ниже крысы.

Дункан оторвал взгляд от унылой вереницы рабов. Там, за высоким забором космопорта подпирала небо конусовидные башни, похожие на ложные колонны, большинство соединялось между собой ажурными, будто сотканными из паутины, мостиками. Над и под мостами мельтешили точки летательных аппаратов. Похоже, сегодня у них относительно развитый мир. К тому же космопорт...

Обычно Флостеры промышляли контрабандой, приземляясь в какой-нибудь глуши, на заброшенном космодроме ровно настолько, чтобы выгрузить товар и забрать деньги. Но не сегодня. Сегодня — официальный космопорт, город...

— Да прибудет с вами милость Орты!

— Тебе того же, — буркнул Крун Флосский.

Словно из воздуха, перед хозяином корабля соткалась группа священнослужителей. Белые сутаны с угольными передниками и капюшонами трепетали на ветру.

— Легок ли был путь на славную Лею досточтимого Круна Флосского?

— Нормально.

Священник — лысый старик с роскошными и отчего-то ярко-малиновыми усами загадочно улыбался в эти самые усы.

— Удачна ли оказалась сделка?

Флостер просто кивнул. Самодвижущиеся тележки, груженные товаром, под чутким руководством покупателей — похожих на мартышек существ — только успевали отъезжать.

— Хвала Орте.

— Хвала Орте, — вслед за малиновым, подхватили остальные священнослужители.

Не забывая ворчать, Крун запустил руку в лохмотья. Пачка лазоревых кредиток перекечала из когтистой лапы торговца в пухлую ладонь священника.

— На!

— Да прибудет с тобой милость Всемиловейшей Орты.

— Орты, — вторили белорясые.

— Ага.

Шурша подолами, священнослужители удалились.

— Понимаешь, это, по-своему, довольно интересный мир, или миры...

Многодневными перелетами, в свободное от усмирения непокорных рабов время, Левицкий посвящал Трегарта в тонкости мироустройства.

— Куда интереснее, то, как мы попали...

— Это не в счет, — Антон помахал в воздухе рукой с зажатым в ней хлыстом. — Я здесь уже больше года, или около того, посетил множество планет и везде, слышишь, везде, куда бы мы ни прилетали, одна и та же религия.

— Ну?

— Баранки гну! Ты где-нибудь видел, чтобы верили в одного бога? Даже на одной, отдельно взятой планете наберется несколько сотен, а то и тысяч божеств на которых уповают те или иные народы. О нескольких планетах и говорить нечего. А здесь... начиная с полудиких аборигенов Анзонии и заканчивая цивилизацией Гейсии, все, абсолютно все верят и поклоняются Всемиловейшей Орте.

— Действительно, немного необычно.

— Необычно! Да это из ряда вон! Такого просто не может, не должно быть! Да, на каждой планете имеются храмы Орты, священники, они поддерживают, направляют паству, но... существуют же какие-то общемировые, вселенские законы, и один из них — на всех планетах одного божества быть не может!

— Возможно, все дело в их истории. Некогда, они были одним народом, который затем расселился...

— Похожие на жуков агоры и рыбоподобные ихтиозы один народ? Не смей! Официальная версия — между планетами царил хаос, народы пребывали в невежестве и поклонялись темному богу, потом пришла Орта, разогнала тьму, начистила рыло Ваалу, подарила им огонь, письменность, искусство звездоплавания и черт знает что еще. Но... — Антон взял паузу, подняв хлыст к потолку для пушного драматического эффекта.

— Ты долго будешь молчать?

— Я разговаривал со стариками. На многих планетах. Они помнят, не они... их деды, а потом деды их дедов... словом, в старые времена, была другая религия, у каждого своя...

— Гнак и отродье гнака! Я научу тебя смотреть, куда прешь!

Левицкий во всю полосовал длинношеего, тощего раба. Дункан узнал в нем юношу, которого вместе с ним купили на рынке. Как же давно это было...

— Или к реактору захотелось! Так мы это быстро! Как раз вчера освободилось местечко!

Скорчившись на бетоне, возле помоста, юноша прикрывал голову от вездесущего хлыста.

Виновником трагедии, лежал упущенный юношей ящик. Из поврежденной стенки на холодный бетон выкатилось несколько рулонов... туалетной бумаги.

По мере роста уровня жизни, благосостояния, мыслящие существа сперва тратят деньги

на еду, затем на жилище, ну а потом уже приходит очередь культуры и... туалетной бумаги.

Воистину, сегодня им достался высокоцивилизованный мир.

Неизвестно чем бы закончилась экзекуция. Заглушая Левицкого, стоны провинившегося, глушая все прочие звуки, над полем разделся крик Мудзина. Рабы, а за ними хозяева и надсмотрщики пали ниц.

— Церковь регламентирует все: обряды, стиль жизни, вступления в брак, даже торговые сделки. Они забирают себе десятину.

— Десять процентов? Неплохо.

— Заметь, от каждой сделки! Я бы сказал, весьма неплохо. Потом, все эти богатства отправляются на Элизию, прямиком в руки к Орте.

— На Элизии у них центральный храм?

— Ты что, глухой, я ж сказал, Орта!

— Статуя? Икона?

— Нет, живая, настоящая богиня.

— Орта?

— Ну, да.

— И она живет среди смертных?

— Ну, да.

— На Элизии?

— Ну, да.

— Это что, шутка?

— Ну, д... тьфу ты! Какие шутки. Парень, мы в ином мире, уж не знаю, параллельный ли он, или потусторонний, для меня так точно что-то вроде ада, однако в этом мире боги, точнее, один бог существует, в прямом смысле, как мы, а может, живее нас.

— Бред!

— В смысле, бред? — Левицкий даже, кажется, обиделся.

— Ты же здравомыслящий человек, должен понимать, какой-нибудь парень...

— Богиня!

— Ну, девушка, захватила власть, объявила себя божеством и сейчас живет припеваючи, пока остальные ей молятся и отстегивают положенные проценты.

— И так на протяжении нескольких сотен лет.

Дункан не смутился.

— Значит, богиня — ширма, кто-то стоит за ней, выставя женщину.

— Все эжти сотни лет, женщина — одна и та же.

— Или несколько, но очень похожих, — вопреки уже произошедшему, мысль о существовании «во плоти» самой настоящей богини упорно не желала помещаться в голове.

— И одного возраста.

— А ты сам-то ее видел?

Антон почесал хлыстом висок.

— Не довелось, но у нас был один раб, с Элизии — так он много раз, и, заметь — не один он. Есть множество праздников, когда богиня показывается народу. Говорю же тебе — это, — кончик хлыста обвел серые стены «каюты», — иной мир.

— Прошу прощения, сколько человек способен взять на борт ваш корабль?

Они только что закончили выгрузку товара — несколько сотен мешков с, на редкость пахучими пряностями. Флостеры удалились в каюты подсчитывать барыши, а Дункан с Антоном, утомленные трудами праведными, растянулись в прохладной тени звездолета.

— Тебе, какое дело?

Человек, одетый в темный, застегнутый на все пуговицы костюм, что, учитывая полуденный зной, выглядело несколько странно, придирчиво осматривал звездолет.

Удовлетворенный увиденным, он кивнул чему-то своему.

— Если не ошибаюсь, в данный момент, вы свободны?

— Если так, что с того?

— Проведи меня к хозяевам.

На веснушчатом лице Левицкого читалась целая гамма эмоций, правда, несколько однобоких — от желания послать незнакомца подальше, до врезать по холеной ухмыляющейся роже.

Но рок машинного отделения по-прежнему присутствовал в их жизни.

Нехотя, нарочито медленно, заставляя ждать, Антон поднялся.

— Пошли.

Когда Левицкий с потенциальным клиентом скрылись во чреве звездолета, Трегарт выудил на свет божий заветный платок.

Как в первый день, свет заиграл узорами затейливой вышивки... почти, как в первый.

Используя в личной гигиене принцип: обсохнет — само обсыплется, Флостеры не видели причин, почему у рабов должно быть иначе.

Урывками, на планетах с теплым климатом и близлежащими водоемами, Трегарту с Левицким удавалось помыться, однако, случалось сие реже, чем хотелось, и куда уж реже необходимого.

Где ты, прекрасная незнакомка? Помнишь ли обо мне? Хоть иногда.

Я в твоём мире, но суждено ли нам встретиться?

Топот ног по металлическим сходням вывел Трегарта из меланхолического состояния.

— Собирайся, взлетаем!

— Прямо сейчас?

— Да. Считаю, тебе, нам повезло, увидим богиню.

— Неужели...

— Груз на Элизию, — кивнул Антон. — Но сначала, залетим на Нетон — планету в соседней системе.

— Зачем?

— Много будешь знать — скоро состаришься.

Они грузились тихо, очень тихо. И дисциплинированно. Хотя на первый взгляд, да и на второй, определение «дисциплина» никак не желало вязаться со столь пестрой компанией.

— Давай, давай, время! — в компании Флостеров и лично капитана Круна стоял мистер «черный костюм».

Нетон оказался небольшим безжизненным миром. Затянутое облаками кирпичное небо, серые камни с редкими пучками бурой растительности. И ни одного, не то что животного, даже насекомого.

Тем более странно, откуда на Нетоне взялось столько людей, живых людей. Впрочем, доставало и инопланетян.

Они прилетели под вечер, серый вечер в серо-буром, лишенном жизни мире. И первое, что увидели — костры. Десятки костров. Привычные гуманоиды, шестиногие, похожие на небольшого слона, гиганты, волосатые карлики и еще множество не менее экзотических видов мирно сидели, греясь в тепле огней.

Единственное, что объединяло компанию, если можно назвать компанией около сотни особей различной внешности, — оружие. Оно было у всех.

Огонь отражался от полированных боков сабель и палашей, зажигал звезды на остриях отточенных ножей и копий, нежной любовницей ласкал тусклые бока бластеров и пистолетов.

— Теперь груз! — отдал приказ «черный костюм».

На время, поток пассажиров прекратился, на звездолет начали заносить ящики. Большие и не очень, тяжелые и легко поднимаемые даже одним человеком.

— Груз должны носить рабы, — гостеприимным хозяином, предложил свои услуги Крун Флосский.

— Благодарю, мы сами.

Флостер пожал покатыми плечами. Сами, так сами.

Рабы стояли здесь же, сбившись тесной группой под кирпичным небом и взглядами надсмотрщиков.

По настоянию клиента, дабы освободить, как можно больше места, их выгнали из трюмов.

— Не нравится мне это, — шепнул Трегарт.

Напряжение, ожидание чего-то... буквально пропитали разреженный воздух планеты.

Левицкий передернул плечами.

— Крун хочет, чтобы мы полетели с ними... на всякий случай. Будто пара хлыстов что-то решает. Не нравится мне это, — эхом вернулись слова Дункана.

— Призрак!

— Призрак!

Прошелестело группой рабов.

— Что, где? — Левицкий начал затравленно озираться.

Увидев нечто за спиной Дункана, он поспешно сотворил жест, по мнению местных, отгоняющий нечистую силу.

Трегарт обернулся.

За две сотни шагов от них, над серой почвой возвышалась скала. Одинокая, словно заблудший странник в бескрайней пустыне.

На скале, на самой вершине стоял... человек.

В начальной школе им показывали фильм по «Гамлету» Шекспира. Фигура отца принца датского, когда она появлялась первый раз, в темных развевающихся одеждах, бледное лицо и седые волосы, также развивающиеся. Все это произвело громадное впечатление на Трегарта. Помнится, призрак даже снился ему какое-то время. Сейчас, он словно снова вернулся в детство. Темные свободные одежды непонятного существа также развивались на несуществующем ветру, волосы пепельного цвета, едва различимое с такого расстояния лицо. Ноги были широко расставлены, казалось, незнакомец рос из камня.

Хозяева и клиенты стояли несколько вдалеке от рабов, поэтому не заметили, или не обратили внимания на волнения.

— К-кто это? — Дункан мог поклясться, когда он оборачивался последний раз, на скале никого не было.

— Призрак, — шепотом ответил Левицкий и снова повторил жест. — Не смотри, они не любят, когда на них смотрят.

Игнорируя совет, Дункан уставился на одинокую фигуру. При повторном взгляде, человек утратил некоторую толику зловещности. Просто — одинокая фигура в черном, на одинокой скале, непонятно откуда взявшаяся на безлюдной планете.

— Готово! — последний пассажир прогрохотал сходнями звездолета. — Когда доставите людей и товар на Элизию, вернетесь сюда, снова заберете людей.

— Здесь же никого нет! — Крун Флосский обвел безжизненные камни и дрожащих рабов.

— А это, уважаемый капитан, пусть вас не волнует, — загадочно ответил наниматель. — Будут.

11.

Башни минаретов цепляли мозаичными боками белые облака. Здесь, они были выше, массивнее и... роскошнее. Не ветшающие, некогда богатые постройки, а воплощение фантазий, видение мира лучших зодчих вселенной. Переливались разноцветные камни, притягивала взор сложная лепка, поражала воображение воздушность, как для такого сооружения, форм.

С лязганьем оружия и тихим переругиванием, пассажиры покидали корабль.

В каютах отсутствовали иллюминаторы, поэтому Дункан, не стесняясь, вращал головой, впитывая подробности и ощущения нового мира.

— Вот, мы на Элизии, — Левицкий, как и Дункан, в отсутствие рабов оказался временно без работы.

Пусть они и приземлились на захудалом космодроме, даже здесь все говорило, что их окружает отнюдь не провинция.

Чистота зданий и посадочной площадки, пестрое от вспышек звездолетов небо планеты, легкое пренебрежение персонала...

Даже Флостеры, высокомерные Флостеры растеряли некоторую часть обычной спеси.

— Интересно, здесь всегда так? — Дункан кивнул на тесное от обилия летательных аппаратов поле космодрома.

— Так праздник же!

— Какой праздник?

— Марадан, или как-то так. В этот день черте сколько лет назад богиня... то ли принесла свет истинного учения, то ли забрала обратно... одним словом — один из центральных праздников религии. Будут проводиться праздничные богослужения, причем в центральном храме с участием самой Орты, а в конце недели, Орта выйдет в народ, спустится к подданным, дабы лично благословить счастливиц, местные верят, до кого дотронется всемилостивейшая, тому даруется отпущение грехов до третьего колена.

— Не густо, почему не до четвертого?

— Не придирайся. Кстати, если не ошибаюсь, меньше, чем через час, начнется очередная служба. Можем успеть. Заодно убедимся в божественной сущности здешнего вседержителя.

— Вседержительницы.

— Ну да, а...

Светлые глаза Левицкого округлились, рот так и остался в полуоткрытом состоянии.

Опомнившись, он громко захлопнул его, одновременно пытаюсь перекреститься.

— Опять, опять!

— Что? — Трегарт оглянулся.

В конце площадки космодрома, там, где серый бетон вращал в потрескавшуюся землю, стоял... темные свободные одежды развивались на ветру, грива седых волос обрамляла едва различимое с такого расстояния лицо.

Дункан почувствовал, как его собственные волосы начали подниматься.

— Это... тот же человек, что на Нетоне.

— Не смотри, не смотри! — зашипел Левицкий. — Всемилостивейшая Орта! — зываю к местной богине, он, тем не менее, усиленно крестился. — Призрак!

— Но как он... обогнал космолет?

— Ты что, тупой? Какой космолет, это — Призрак! — на всякий случай, Левицкий перекрестил и молчаливого соглядатая, впрочем, жест на том никак не отразился. — Он только похож на человека! Прикидывается, надевает личину, но бывают и другие, не как люди!

— Как же вы их отличаете?

— А ты подойди, заговори!

— И что будет?

— Ничего. Никому еще не удавалось заговорить с Призраком, как и поймать... он... он исчезает.

Дункан снова взглянул на внушающую ужас фигуру... на том месте уже никого не было.

— Помни мои слова, что-то случится... что-то нехорошее.

12.

— Не отставай!

Центральный Храм представлял собой эллипсовидное сооружение, из каменного тела которого мозаичными сталагмитами поднималось не меньше дюжины разновеликих башень.

— Давай, давай!

Золотые купала блестели в полуденном солнце.

— Слушай, Антон, может, достаточно?

— И упустить возможность лицезреть живого бога? А ты чего стал, хвостатый, а ну пропусти!

Храм окружала плотная толпа. С минуты на минуту должна была появиться богиня.

Ледоколом в замерзшем море, через толпу двигался Левицкий. В кильватере за другом протискивался Дункан.

— Еще немного, навались!

Антон пролез прямо под подрагивающим брюхом четырехногого, похожего на розового гиппопотама инопланетянина, легонько толкнул следующего — широкоплечего субъекта с щупальцами вместо волос, и пока тот удивленно тер пострадавшее место, ловко протиснулся между широкоплечим и потной дамой — обладательницей пышных форм и дюжины подбородков.

— Мое прощение, мадемуазель, — склониться Антон не мог, поэтому просто кивнул.

— Ах, что вы! — мадемуазель часто захлопала маленькими глазками, даже такое движение отдалось мелкой дрожью в подбородках. — Мы с вами раньше...

— Простите, спешу, спешу, — проявляя чудеса ловкости, Левицкий припустил в противоположную сторону.

— Ты ей понравился, — Трегарт едва не наступил на полосатый хвост чешуйчатого венца эволюции рептилий.

— Пошел ты!..

Наконец, настал момент, когда они не смогли протиснуться ни на шаг. Ближе к храму, толпа из человеческой массы превратилась в монолит. Между спрессованными телами не то что самому, лезвие было не просунуть.

— Кажется, дошли.

— И здесь неплохо.

В полста метрах от них по узорчатому телу Храма тянулся балкон. Взоры всех верующих были устремлены на него.

— Успели, сейчас начнется.

Затрубили фанфары, вслед за ними, перекрикивая медные глотки, заорал Мудзин, плотность толпы пресекала любые попытки пасть ниц, впрочем, пытался мало кто.

— Гляди, гляди!

Первыми на балкон вышли священники. Наверняка, высшее духовенство — все, как один, почтенные седобородые старцы в более чем пышных одеждах с нелепыми островерхими колпаками на трясущихся головах. Каждый поднимал руки, благословляя верующих. Каждое новое появление паства встречала одобрительным ревом.

За священниками появились... эльвы.

— А этих как сюда занесло? — и не один Левицкий был удивлен.

Вяло кивнув, остроухие заняли место за спинами служителей культа.

Потом... на балкон вышло существо... неволью, Трегарта передернуло от отвращения. Между бугристыми, словно опухшими, серыми щеками изгибался худой крючковатый нос. Трубочка рта терялась в пространстве от носа до покрытого редкой растительностью, также опухшего, подбородка. Массивное тело под серым балахоном бугрилось в самых неожиданных местах, и совсем уж невероятно из этого тела, откуда-то снизу, поднимались руки. Маленьким, безжизненными глазками существо обводило толпу.

Единая, как никогда, она не спешила издавать приветственных криков.

Насколько мог, в человекодавке, Левицкий привычно перекрестился — самое время — если это был не дьявол, то его ближайший родственник.

— Кто это? — в притихшей массе паломников стал различим даже шепот.

— Личный Телепат богини. Страшное существо. Говорят, он питается мыслями, словно вампир, высасывая их из живых тел.

— А потом?

— Откуда я знаю, что потом! Сам подумай, что делает человека человеком — мысли, без них — растение. Еще говорят, наибольшее удовольствие, он испытывает, когда жертву мучают, когда ей больно...

— Ни разу не встречал подобного вида, даже не слышал.

— Не ты один. Ни на одной из известных планет раса Телепатов не обитает.

— Откуда же взялся этот?

— Может, урод какой, а может... на то она и богиня, чтобы иметь не рядовое.

По нарастающему гулу, друзья поняли, что на балконе что-то происходит. Позади стоящие наблюдали любое появление с некоторым опережением.

— Орта!

— Орта!

Зашелестело по толпе.

— Она, она, богиня! — засуетился Левицкий, почти запрыгал.

К резным перилам, плавной походкой подплыла девушка.

Тысячи глоток, как одна, взревели на тысячи голосов.

— Гляди, Дункан, богиня, богиня, чтоб я лопнул, живая богиня! — захваченный тысячелицым ликованием, орал Антон.

Трегарту было не до общей радости. В полусотне метров, такая близкая и такая недоступная, стояла она... незнакомка с Порты.

13.

По сути своей, новомодная религия Орты ничего не принесла исповедующим ее.

Во всяком случае, ничего нового.

Да, изменились обряды — в той части, что касается имени божества, смещены старые и назначены новые священнослужители.

Но смысл, суть, как сакральной, так и светской жизни, несмотря на заявления сторонников, которые сродни лозунгам политической партии, остались неизменны.

Впрочем, одно изменение все-таки произошло. И изменение — существенное. Десятина!

Теперь она стоит первым номером в списке заповедей. Несоблюдение ее карается едва ли не строже общеосуждаемых преступлений — убийства, воровства.

В свете вышесказанного, к религии Орты следует присмотреться более внимательно. Тем более что в последнее время, она находит все больше сторонников на планетах Содружества. Если отбросить мистическую шелуху о сошедшей с небес богине, оставить ритуалы, слова о всеобщей любви, братстве —

не скрою, привлекательные, содрать избыток религиозных терминов с, так называемых, священных текстов, внутри, в самой сердцевине, сути, мы обнаружим не что иное, как...

Статья обрывается.

Руциус Латис, из труда «Об истинной природе религии»

Запрещен на планетах бывшего Содружества.
Известные экземпляры изъяты и уничтожены.

14.

Руки привычно мяли податливую ткань платка. Привычно дребезжали металлические стены тесной каюты.

С тех пор, как увидел на балконе... ее, Дункан никак не мог прийти в себя.

Вопреки очевидному, даже в мыслях, он не мог назвать девушку Ортой. Возможно потому, что отождествление с именем, означало и признание ее... богиней. Высшим, недостижимым существом!

Ну почему, почему все должно было так обернуться!

Окажись незнакомка знатной дамой, принцессой, даже королевой, в конце коцов, но богиней...

— Как взлетели, ты сам не свой, словно привидение увидел.

«Почти угадал», — Дункан спрятал платок от любопытных глаз Левицкого.

— Признаться, мне тоже не по себе. Этот рейс, пассажиры, Элизия... не знаю, что затеяли ребята, но нечто грандиозное — это точно. Что-то будет, что-то не очень хорошее, Призраки зря не появляются.

— Угу, — меньше всего Трегарту хотелось думать о Призраках и обо всем с ними связанном.

— На Ктеже видели Призрака, и не одного, как раз перед тем, как целая планета развалилась на мелкие кусочки. Потом в системе Неполь, во время эпидемии космической чумы. Болезнь выкосила три обитаемые планеты, затем... — Левицкий махнул рукой. — Не нравится мне все это.

Некоторое время только дребезжание стен нарушало тишину корабельного пространства.

— Знаешь, я... проходил мимо... в общем, слышал, как наши пассажиры говорили между собой. Они не зря прилетели на Элизию именно в праздник. В разговоре часто упоминался конец недели, кульминация Марадана и Орта. Что самое необычное, имя богини произносилось отнюдь не почтительно.

— Богини?

— Вот и я говорю, не стану повторять, но только мы — чужаки, можем себе позволить так высказываться об Орте и то, если рядом никого нет, для любого же жителя мира, это кощунственно, невозможно. Еще и оружие... не думают же они напасть на... бога. Нет, невероятно. Да и каким образом можно навредить божеству, пусть и оружием.

Болтовня Левицкого задела Дункана.

— Ну-ка, расскажи подробнее, что ты там услышал.

15.

— Ни одной торговой сделки, ни одного союза, даже брачного, не заключается без благословения церкви.

— Ну да!

— Вот тебе и нуда!

— Неплохо устроились.

— Скоро, скоро все изменится!

Таинственный наниматель не обманул, когда они возвратились на безлюдный Нетон, звездолет уже ожидала новая партия пассажиров. Стилем одежды, манерами, любовью к оружию, она была неотличима от первой.

— И что в этот праздник, как его...

— Марадан.

— Ага, Марадан, богиня, действительно, идет в народ?

— Да.

— Неосмотрительно с ее стороны.

Дункан отпрянул от щели вентиляционной решетки. Левицкий не соврал, и не ошибся, пассажиры, действительно, хотят причинить вред богине. Его богине!

Подумать только, он — Дункан Трегарт — стал верующим. Имело ли чувство, которое он испытывал в данный момент что-то общее с религиозным почитанием?

Он хотел, был готов защитить Орту, любыми средствами, сколько бы сил, жертв на это не потребовалось... даже ценой собственной жизни... Наверное, вот так же чувствовали себя люди в древности, преклоняясь перед Буддой, Христом, Магометом... было в них что-то божественное, как в Орте... но он же хочет ее защитить, не как богиню... как женщину!

Гогот, доносящийся из каюты, заставил мужчину вернуться к наблюдению за вооруженными незнакомцами.

16.

Третья партия пассажиров оказалась малочисленнее двух предыдущих. Недостаток живого груза компенсировался обилием багажа.

Дункан прозвал про себя теперешних пассажиров — руководителями, главным образом потому, что, в отличие от предшественников, они предпочитали проводить большую часть времени, запершись в каюте. Специально ради любимого времяпрепровождения и за отдельную плату, Крун Флосский уступил им кубрик, временно переселив соплеменников в трюмы рабов.

Для Дункана это было не очень хорошо, подходы к помещению просматривались со всех сторон, так что незаметно подобраться, дабы подслушать, не представлялось возможным. Последнее обстоятельство окончательно утвердило его в мысли, что пассажиры собираются навредить Орте.

— Ты видел, как они грузились?

— А? — Трегарт как раз обдумывал варианты предупреждения, а лучше спасения, богини.

Пока на ум приходил только один — взорвать корабль.

— Я говорю, погрузку наблюдал?

— Наблюдал.

— А на небольшой серый контейнер с ручками обратил внимание?

— Обратил.

Действительно, среди прочих, большей частью, громоздких вещей, пассажиры внесли на борт и упомянутый предмет. Дункану он запомнился потому, как нарочито, слишком показно, незнакомцы старались не обращать на него внимания, чем добились совершенно противоположного эффекта. Даже недалекие Флостеры провожали ящик любопытными взглядами.

— Почему ты спрашиваешь?

— А потому, не знаю, как ты, а я не намерен всю оставшуюся, прозябать в качестве раба на этом корыте.

— Но что мы можем... — ответ без труда читался в маленьких глазках Левицкого. — Нет, да и как... Нас поймают!

— В любом мире, чтобы скрыться, чтобы жить, нужны деньги. Окружающий — не исключение. Деньги — это новые имена, документы, лица, в конце концов. Я уже давно думал стащить чего-нибудь ценное и смотаться отсюда. Проблема в том, что у нищих контрабандистов нет сколько-нибудь ценных вещей, разве только корабль... слишком приметен, громоздок, дорог в эксплуатации. Угнал бы я его, что дальше? На первой же планете, меня, вместе с кораблем, отдадут Святому Трибуналу.

— Про корабль, я уже понял.

— А теперешние пассажиры — идеальный вариант. Если повезет — даже жаловаться не станут. Судя по всему, они сами затевают нечто не совсем законное.

— То есть, ты предлагаешь мне обокрасть пассажиров?

— Не обокрасть, а вырваться на свободу!

Дункан не забывал о своем намерении предупредить богиню. Похоже, подвернулся шанс воплотить намерение в реальность.

Но украсть... он не вор...

— Мы не знаем, что внутри контейнера, вдруг, какая-нибудь памятная безделушка, скажем... вышитый гладью герб родной планеты.

Левицкий хитро подмигнул Дункану.

— Я не зря толкся возле кают-компания все утро. Таки дождался. Правда мельком, и в щель... но они открыли контейнер.

— И что, что там внутри?

— Шкатулка! Такая небольшая, но с весьма недешевой отделкой. Сама по себе, она уже кое-что стоит, ну а уж вещи, которые хранят в подобных упаковках... что бы это ни было, это точно не тряпка с гербом.

Терзания совести Трегарта успокоил тот факт, что эти люди собирались причинить вред Орте, его Орте!

— У тебя есть план?

Да, в некоторых мирах с сильной, многовековой, авторитарной центральной властью, либо при полном отсутствии оной, мы потерпели поражение. Некоторые миры в силу тех или иных причин, оставили сами. К слову сказать, в большинстве оставленных, насаждаемая Гильдией религия впоследствии заняла если не доминирующее, то одно из ведущих положений. В некоторых, она опустилась до уровня местного культа.

В любом случае, почти всегда, заметьте, почти всегда, остаются последователи, верующие, а значит — даже в долгое время не посещаемых, я бы сказал, забытых мирах, нашим агентам есть на кого опереться.

Из лекции Найята Шимая студентам третьекурсникам

Академии Гильдии

Ветка с широкими кожистыми листьями, и что самое неприятное — с шипами, небольшими, но на редкость острыми, неприятно впивалась в спину.

Трегарт пошевелился — вместо упругого конца в спину уперся острый шип.

Час от часу не легче.

«Что я здесь делаю?» — за последний час, мысль не раз и не два возникала в мозгу.

«Что я здесь делаю? Я же не преступник».

Широкое окно, наполняя тенями близлежащее пространство, светило над головой.

На корабле выкрасть контейнер не удалось. Да Левицкий не очень и стремился к этому.

— Намного умнее, — шептал он Трегарту, — проверить операцию в городе. Больше путей к отступлению, легче скрыться.

Отпросившись у Флостеров, они проследили богатых попутчиков до постоянного двора.

Что необычно, в гостинице поселились только они, вооруженных пассажиров из предыдущих партий не наблюдалось.

Из полураспахнутых створок доносились запах копченого мяса и обрывки разговора.

Руки Трегарта сжимали, мокрый от пота, электрохлыст.

«Что я здесь?..»

— Как там у Грота? — спокойный, немного с хрипотцой голос обычно задавал вопросы, остальные отвечали. Судя по часто хлопающим дверям и меняющимся голосам ответчиков, хриплый с соратниками развил кипучую деятельность.

— Занял гостиницу в квартале красильщиков, как раз рядом с церковью и казармами.

— Церковники волнуют меня меньше всего. Максимум на что они способны — проклясть нас.

— Вернен со своими людьми прощупал капитана стражников. Похоже, получится договориться, тот оказался не по чину сообразительным малым.

— Отлично, лишние жертвы нам ни к чему, как и шумиха.

Хлопнула дверь.

Дункан насторожился. Разговоры все больше напоминали сводки с поля боя. А он — сидит здесь, не в силах что-либо изменить.

Стук в дверь.

— А-а, Танан, как там Нор со своим отрядом?

— Ждут возле станции ретранслятора.

— Отлично!

Орта! Его Орта в опасности! События развивались более чем стремительно, и все это происходило здесь, в полуметре от Дункана.

Потные пальцы нащупали кнопку электрохлыста. Трегарт был готов в одиночку, прямо сейчас ворваться в комнату, дабы пресечь, помешать вероотступникам.

Снова хлопок двери.

— Люди на местах и ожидают сигнала.

— Хорошо. Начнем ровно за час до праздничной церемонии. Когда сегодня, так называемая богиня, выйдет к народу, я хочу, чтобы на площади ее встретили наши люди.

«Нет!» — крик едва не сорвался с губ Трегарта. Что же он сидит? Бежать, предупредить Орту! Но как? Кто подпустит к богине беглого раба? Кто вообще станет его слушать? А если и послушают. Пока донесение пройдет все инстанции...

Крики, шум, доносящиеся со стороны постоянного двора нарушили лихорадочный бег мыслей Дункана.

Визжали женщины, плакали дети, торопливо басили мужчины.

— Проверь! — отдал приказ голос хриплого.

Дункан вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что происходит за открытыми ставнями.

Толчок в спину едва не сделал его зайкой.

Озаренная отсветами окна, нарисовалась чумазая физиономия Антона Левицкого.

Испачканные сажей губы растягивала довольная ухмылка.

Почти одновременно с языками пламени, вырвавшимися из соседних окон, пришел крик:

— По-ожар!!!

Не тратя времени на разговоры, Левицкий заглянул к подопечным.

— Осталось двое, ты того, что за столом, я — дальнего, пошли!

Не успел Дункан возразить, как Антон, вытянув хлыст, первым перемахнул через подоконник.

Далее все происходило, как в замедленном кино.

Крики за стеной, жар объятого пламенем помещения, вытянутые от удивления лица хриплого и напарника.

— Кто вы...

Хриплый еще успел потянуться за оружием, но рука запуталась в складках полосатого балахона.

Дункан, не долго думая, ткнул хлыстом в незащищенную плоть. Палец нажал кнопку.

остались сомнения и ужас содеянного. Они неслись сквозь ночь, хотя был всего лишь вечер, неслись, словно их преследовала вся полиция планеты, хотя никто не думал гнаться за двумя беглыми рабами.

Время, пространство, казалось, замедлили свой извечный бег, а может... ускорили. Дункан не мог сказать, сколько прошло после совершенного на постоялом дворе. Час... минута...

Наконец, тяжело дышащий Левицкий свернул в одну из темных подворотен в изобилии разбросанных по не самому приветливому кварталу, в котором они оказались в результате своего бегства.

— Посмотрим, что там.

Тусклый фонарь, затерявшимся проповедником, освещал заблудшую душу кучи мусора.

— Можно ли с этим соваться в приличное место, — Антон прогреб относительно ровную площадку.

Дункан без сил привалился к выщербленной стене.

«Она, она! Как предупредить? Спасти!» — мысль, мысли, желание, намерение не выходили из головы.

Крышка контейнера была откинута, в тусклом сиянии электрического света, блеснула отделка небольшой шкатулки.

— Вот, — Антон облизал пересохшие губы. — Ну...

Шкатулка оказалась не заперта и легко открылась.

Внутри, на красном, почти кровавом, бархате, лежал... камень.

Обыкновенный камень.

Серый, с зеленоватыми прожилками.

— Что за...

Вытянув его, Антон заглянул под бархатку, затем перевернул и начал трясти шкатулку.

— Нет, это... этого не может быть!.. Двойное дно, да, двойное дно!

Поиски дна также не привели к успеху.

Самое необычное, что Дункан почувствовал... облегчение. Пусть ради собственной свободы, но они пошли на преступление, окажись внутри ценности... Трегарт не знал, смог бы он себя заставить притронуться к ним.

— Нет! Нет! — Антон остервенело тряс шкатулку, затем принялся за контейнер. — Нет! — взгляд его вернулся к камню. — Он драгоценный, да, драгоценный! — палец заскреб слоистую поверхность — обгрызенный ноготь не оставил и следа. — Должно же быть хоть что-то...

— Дай посмотреть, — Дункан принял кусок породы из ослабевшей руки. Покрутил, пара граней сверкнула полировкой в свете фонаря.

Камень, как камень, похож на малахит.

Мысли, прогнанные необычностью «улова», вновь вернулись в голову. «Богиня! Опасность!» «Я должен предупредить ее!»

Лицо, прекрасное лицо Орты неожиданно со всей ясностью встало перед глазами. Только это было не то надменное божество, виденное несколько дней назад на балконе, нет, в воображении возник лик прекрасной спасительницы, той девушки, что помогла ему, как же давно это было...

Неожиданно, мир вокруг погрузился в темноту.

«Фонарь перегорел?» — успел подумать Дункан перед тем, как навалилось смутно

20.

Запирающие двери на Проходы изготавливаются из металлических сплавов с примесью благородных металлов, либо из полимерных материалов, аналогичных сплавам по свойствам.

Основное требование — устойчивость к ударам.

Двери устанавливаются таким образом, чтобы в запёртом состоянии поверхность двери находилась за десять — пятнадцать сантиметров до точки материализации, или точки окончания Прыжка, обеспечивая, таким образом, надёжную изоляцию Прохода.

С наружной стороны, в зависимости от места, назначения и важности, дверь оборудуется щеколдой, навесным, кодовым, либо папиллярным замком.

Решение об установке двери принимается...

21.

— Что дальше?

— Прием делегации от правителя Умры — представители самых знатных родов с подарками...

— Опять станут жаловаться на своеволие священников, — Орта — живое божество, прикрыла зевок изящной ручкой. — Дальше.

— Присутствие на праздничном банкете в Святилище, в честь праздника.

— Осторожнее! — одна из рабынь, одевающих богиню, слишком сильно потянула за отворот платья. — Это Данайский шелк, метр ткани стоит сотню таких, как ты!

— Простите, Ваша Божественность, — опустила глаза девушка.

Но Орта уже забыла об инциденте. Одно и то же: прием посольств, посещение банкетов, обязательные визиты... даже Марадан не развлекал привычной, растянутой в года скуки. Как же она устала!

Орта улыбнулась — может ли бог ведать, что такое усталость?

— Ваша Божественность.

— Да.

— Осмелюсь доложить, имеются некоторые бумаги, требующие вашей резолюции...

И снова легкая полуулыбка озарила прекрасное лицо.

«Вот она — работа бога: подписи, резолюции...»

Взгляд случайно коснулся Телепата. Орта поморщилась — еще одно бремя богини — постоянное присутствие этого уroda. Существо втиснуло свое бесформенное тело в нишу, между колоннами и, казалось, спало. Орту не могло обмануть показное равнодушие — богиня видела, последние дни, урод сам не свой.

«Что-то происходит...»

В этот момент, воздух, как раз между ней и спящим Телепатом... задрожал.

По обычно невидимой субстанции пошли круги, как от брошенного в воду камня, круги

начали расти, расширяться, захватывая все большее пространство. Эпицентр возмущения втянулся, подобно воронке, и... воронка выплюнула человеческое существо.

Рабыни завизжали, словно увидели Призрака, секретарь выронил листки и, бормоча несуряицу, попятился к выходу. Даже Телепат приоткрыл один из своих маленьких глаз.

«Помощнички!»

Сама Орта не без труда, но сохранила самообладание.

«Неужели Председатель прислала за мной? Или, один из Вольных?..»

Новоприбывший испуганно оглядывался по сторонам, похоже, удивленный не менее присутствующих.

Орта отмела мысли о посланнике.

— Кто вы и что вам угодно в моих покоях? — металл слов отразился от стен. Да, говорить она умела, этот голос заставлял подгибаться колени и у закаленных битвами воинов, и у правителей, властвующих над миллионами подданных.

Однако, на новоприбывшего, он не произвел ожидаемого эффекта.

Человек, мужчина, уставился на нее. На грязном, заросшем щетиной лице, горели глаза.

— Вы!

— Твоя богиня повелевает ответить! — и снова сталь интонаций натолкнулась на камень непочтения.

— Вы меня не помните, это я — космолетчик с модуля, вы меня спасли, на Порте...

Орта изогнула прекрасную бровь. «Где же стража? Когда необходимы, их вовек не дождешься».

— Вот, — темные то ли от грязи, то ли от загара руки выудили из карманов засаленного комбинезона какую-то тряпку. — Ваш платок!

Орта начала что-то...

Тихо подошел Эслап — придворный врач.

— Госпожа, похоже, это тот несчастный с Мерглы, помните.

— Но как он здесь оказался? — обращаясь то ли к Эслапу, то ли к неожиданному посетителю, спросила Орта.

— Возможно...

— Скорее! — словно опомнившись, затараторил новоприбывший. — Вам угрожает опасность. Какие-то вооруженные люди оккупируют город, у них в руках уже, по меньшей мере, несколько храмов и станция ретранслятора. Вы не должны выходить сегодня к людям, там, на площади, они будут ждать вас...

— Что за чушь ты несешь! Я — богиня, могучая Орта, кто может не только причинить мне вред, но даже подумать об этом... — взгляд Орты упал на руку мужчины, противоположную той в которой он сжимал платок.

Серая слоистая поверхность показалась ей знакомой.

— Покажи.

На этот раз, он выказал должное почтение. Грязная рука вложила в протянутую ладонь камень.

Уже по ощущениям, дрожи, которую вызвал предмет, оказавшись у нее, Орта поняла, что не ошиблась. На всякий случай, она поднесла его к свету.

— Эслап, посмотри!

Медик шумно задышал, едва не уткнувшись носом в твердую поверхность.

— Похоже, очень похоже на...

— Естественно похоже, иначе, каким бы образом, он попал сюда, — Орта повернулась к нарушителю спокойствия. — Откуда это у тебя?

— Ну... я... — тот потупил взор, — ... позаимствовал... у них...

— Вооруженных людей?

— Да.

— Повстанцы! — уже от одного слова несло нечистотами. «Они здесь, добрались до нее! Нет, не может быть, Телепат — он же молчит!»

Богиня взглянула на существо. Тот, конечно же, читал ее мысли. Сперва складками балахона прошла легкая рябь, а затем уже все уродливое тело затряслось в беззвучном смехе.

— Предатель! — все, что она могла, это вложить максимум презрения в свой голос. Но сейчас было не до Телепата, если этот спасенный космолетчик прав, дорога каждая минута. — Скорее, свяжитесь с храмами, в том числе с дальними, пусть поднимут по тревоге войска и двигают к столице...

Торопливые шаги и лязг металла прервали ее речь. От удара распахнулись широкие створки дверей. В помещение влетел запыхавшийся гвардеец.

— Спасайтесь, Ваша Божественность, спасайтесь! — блестящая кираса, была вся в вмятинах, окровавленные руки сжимали иззубренный, такой неудобный в настоящем бою, парадный палаш. — На нас напали, не знаю кто они, какие-то вооруженные гуманоиды. Прорваны внешние посты, с минуты на минуту, они будут здесь!

Взгляд метнулся к космолетчику.

— Ты же утверждал, они нападут, когда я выйду на площадь?

Тот, казалось, смутился сам.

— Не знаю, они так говорили...

— Возможно, что-то заставило их изменить планы, — Эслап смотрел на «гостя», — некое событие, в результате которого, они могли предположить, что богине станет известно о готовящейся акции.

Тот потупил взор.

— Не время искать виноватого, — наконец-то очнулся, чтобы подать дельный совет, секретарь. — Орта, — он впервые, при подчиненных, позволил себе назвать ее по имени, — войска не успеют подойти к столице. Орта, надо бежать.

«Повстанцы, горстка оборванцев, и она — богиня — Всемогущая Орта, подобно пугливой девчонке, скрывается при первых признаках опасности!»

— Он прав, Орта, — положил руку на плечо Эслап.

Решение далось нелегко, но, увы, времени на обдумывание, взвешивания «за» и «против» не осталось.

— Хорошо, пойдемте! Ты тоже, — Орта поманила грязного космолетчика.

— А Телепат? — секретарь указал на трясущегося уroda.

— Оставьте, Повстанцы все равно его не тронут. Он будет служить им.

По дороге многочисленными переходами храма, к ним присоединилось еще несколько попутчиков: парочка лопоухих симанцев и большеголовый, похожий на ногастого головастика, гуманоид.

«Она, она рядом!» — компания, включая Орту, дружно хмурила брови и напряженно пыхтела, Дункана же, в полном диссонансе с моментом, тянуло улыбаться и даже... петь. Один раз он едва не сорвался, начав мурлыкать под нос. Девушка так посмотрела на него... он поспешно проглотил остаток куплета.

«Она, она, он идет, рядом с ней! С богиней!»

В это было трудно почти невозможно поверить. Испытания, выпавшие на его долю, ритуал, месяцы рабства, преступление — все блекло, рядом с волнующим моментом и все казалось недостаточной платой, ради того, чтобы почувствовать на себе ее взгляд.

Дункан едва не начал мурлыкать снова.

— Сюда! — толкнув высокие двери, компания вбежала в... библиотеку.

Полки с цветными корешками и футлярами для свитков терялись в необозримой высоте помещения.

Присутствующие, привыкшие к подобному зрелищу, равнодушно скользили мимо представленных сокровищ. Дункан же зачарованно вращал головой, периодически приструнивая отвисшую челюсть.

Пространство одной из стен, вместо полок, занимали ниши с выставленными произведениями искусства. В основном, это были статуи, изображавшие, естественно, Орту в самых различных, неизменно величественных позах.

«Неужели, мы пришли сюда за этим?»

Не обращая внимания на собственные изваяния, богиня сдернула небольшой ковер с пространства между нишами.

Как в лучших авантюрных романах, за ковром обнаружилась потайная дверь.

Нарушая каноны, дверь оказалась открыта, распахнута. Низвергая их же, порог оканчивался... сплошной стеной.

«Для чего прикрывать дверью стену?» Трегарт едва не нарушил неуместным вопросом торжественность момента. А момент относился не к рядовым.

Орта кивнула одному из симанцев.

Протолкавшись к двери, тот замер с закрытыми глазами.

В помещении повисла нереальная, невероятная тишина. Казалось, упали волос, они бы услышали.

Большие уши инопланетянина то ли от жары, то ли от напряжения стали пунцовыми.

Дункан почти физически почувствовал, как, словно перед бурей, сгустился воздух, а затем... стена, покрытая штукатуркой кирпичная стена... задрожала. По твердой поверхности, словно по воде, пошла рябь...

— Скорее, Проход не стабилен, — выдавил симанец.

Первым в стену шагнул головастик и серая твердь, с едва уловимым болотным чавканьем, заглотила живое тело. За большеголовым последовали доктор и секретарь.

— Теперь ты, — Орта подтолкнула Трегарта.

Дункан замер у дрожащей поверхности. Ему уже приходилось проходить сквозь стены, но все же...

Перед тем, как сделать решительный шаг, Трегарт обернулся. Ему показалось... возможно, сыграло свое расшалившееся воображение, день, более чем насыщенный событиями — в дальнем конце библиотеки, между стеллажами, застыла фигура, хорошо знакомая, человеческая фигура. Темные свободные одежды, длинные волосы...

Призрак!

Призрак находился в библиотеке, спокойно наблюдая за беглецами.

Подталкиваемый богиней, Дункан ступил в стену, и... во второй раз за сегодня, испытал, начавшие становиться привычными, ощущения падения и удушья.

23.

Дункан плохо понимал, что происходило. Может, виной тому присутствие Орты, может, более чем необычный способ перемещения, скорее всего — все вместе.

Когда он вновь обрел способность дышать, то увидел, что компания находится на широком каменном плато. Серое небо с бегущими облаками едва не задевало плоские вершины группы валунов, возвышающихся невдалеке.

По-видимому, присутствующие уже бывали здесь. Без малейшего напоминания, группа двинулась к каменной композиции, одиноко торчащей на равнине.

Валуны, каждый в два человеческих роста, образовывали правильный круг, в центре его, окруженная камешками поменьше, блестела почти идеально отполированная гранитная плита.

Не сговариваясь, группа ступила на нее.

И снова на них навалилась темнота, сопровождаемая ощущениями падения и удушья.

На это раз, ночь сменилась буйством зеленого цвета. От нежно-салтного до насыщенного изумрудного. Следом за цветом, пришли щебет птиц, рыки диких животных и буйство запахов дикого леса.

Ничуть не тронутая красотами инопланетной флоры, компания двинулась к поляне, проглядывающей за близлежащими деревьями.

На противоположном краю, уже начавшего покрываться молодняком открытого места, возвышалась пара лесных великанов.

Язык не поворачивался назвать их деревьями. Это были, скорее, мифические существа, неведомо зачем пришедшие в этот лес из легенд, или сказок. Каждый из покрытых потрескавшейся корой стволов, был не менее двадцати метров в поперечнике. Дункан задрал голову, ожидая увидеть, задевающие облака, кроны. Вопреки ожиданию, лесные гиганты оказались не высоки. Видимо, все соки пошли вширь.

Перебравшись через поляну, компания замерла между двух могучих стволов.

И снова накатили ощущения падения и удушья.

Миры замелькали перед Трегартом слайдами в свихнувшемся проекторе, сливаясь в некое подобие непрекращающейся пестрой ленты. Компания задерживалась в каждом ровно настолько, чтобы добраться до очередного места перемещения.

За деревьями были снова скалы, на этот раз с бурлящим у подножий черным морем, за морем — пустыня с развалинами полузасыпанных песком строений, потом какой-то храм, или монастырь, тихо, на цыпочках, они прошли за согнутыми в поклоне спинами молящихся. Было еще поле, на противоположных концах которого застыли, готовые к атаке, войска; был и мегаполис, переполненный гомоном обитателей, неотличимым от гула тысяч механизмов...

Наконец, после очередного перемещения, они вынырнули в просторном круглом зале с высоким сводчатым потолком. Вместо ожидаемых украшений, периметр стен занимали ниши. Простые серые ниши со знакомыми дверцами. Компания как раз покинула одну из

них.

Откуда ни возьмись, появились вооруженные люди в двухцветной сине-голубой униформе.

Неизвестные Дункану устройства, очень похожие на оружие, были направлены на новоприбывших.

— Скорее! — вперед выступила богиня. — Передайте Председателю, Повстанцы захватили вселенную Орт!

Истинная религия — есть та, в которой почитается единый бог и с чистейшим благоговением познается начало всех природ, от коего и начинается, и совершается, и сохраняется вселенная. Следует всячески искоренять заблуждения тех народов, которые предпочитают служение многим богам поклонению единому истинному Агенту-Богу. Из многобожия рождаются различные школы, течения, секты. Различия в толковании вида божеств, их места во вселенной, природы силы.

С установлением Агента-Бога не должно быть никаких сомнений о том, какая религия представляет собой единственный путь и истине и блаженству.

В достижение этой цели, следует говорить верующим то, что они хотят услышать, выискивать в старых текстах, либо деяниях святых несоответствия и указывать на них. В то же время, не предлагая ничего кардинально нового.

Пользуйтесь заблудшими для собственного своего приращения, пользуйтесь язычниками, как материалом для своего действия, еретиками — для доказательства своей твердости.

Отлучение от церкви, от единого Агента-Бога должно быть высшим наказанием. Даже смерть не должна быть страшнее этого для верующего.

Ав-Гу-Стинон

Из лекции Агентам-Богам

1.

Лежа в горячей ванне, впервые за много месяцев, Дункан чувствовал, как усталость, напряжение, даже страх последних часов, вместе с многомесячной грязью, покидали тело, заменяясь блаженной истомой.

Стук-напоминание в дверь разрушил почти абсолютную идиллию.

— Выходите!

За порогом ванной комнаты, его ждал сине-голубой костюм и пара сопровождающих, весьма смахивающих на охранников. Некоторыми, малозаметными деталями любезно предоставленное облачение отличалось от униформы крепышей.

— Пошли.

Ни тебе «пожалуйста», ни «рады вас видеть».

Широкий коридор был отделан без дворцовой роскоши, но весьма и весьма со вкусом: мраморный пол, позолоченная лепка, дорогие светильники.

Украшением стен служили массивные двери с витыми ручками.

И ни одного окна.

Помимо их дружной тройцы, мрамор протирало превеликое множество существ, порою, весьма экзотического вида, но все, как один, в сине-голубой униформе.

Широкие двухстворчатые двери выделялись в чередь братьев наличием витиевато

выписанного через обе створки девиза на незнакомом языке и парочкой охранников при оружии.

Дункана, конечно же, подвели к ним.

Пару раз, во время непродолжительного посещения Земли, Трегарт наблюдал по визору заседание Лиги Планет. Огромный зал, расположенные амфитеатром ложи и существа — представители своих миров, неспешно распоряжающиеся судьбами миллиардов.

Здесь он увидел нечто подобное.

Лож было поменьше, но роскошью, богатством отделки, они с лихвой перекрывали подавляющее влияние количества.

Три из них парили в центре помещения.

Центральную и, соответственно, самую роскошную занимала женщина. Дункан ожидал увидеть широкоплечего сановника с волевым подбородком, на худой конец — отягощенного жизненным опытом старца, но... женщину. Около сорока лет, миниатюрная, темные волосы, довольно симпатичное, если не сказать красивое, лицо.

Правую ложу занимал вислоухий инопланетянин с небольшим хоботом на скуластом, широком лице, левую... Дункан мог чувствовать себя счастливым — седобородый старик с умудренными жизненным опытом глазами.

Актерами на сцене, преступниками перед трибуналом, на небольшом пяточке пола за дверью, переминалась группа гуманоидов.

Скрипнула дверь — они обернулись.

«Орта!» — едва не выкрикнул Трегарт, ибо сначала заметил только девушку, а потом уже доктора, симанцев, секретаря и головастого инопланетянина.

На всех, даже на девушке, была поднадоевшая двухцветная униформа.

— Итак, Повстанцы перешли к решительным действиям, — эхо подхватило голос женщины, по всему, она председательствовала на данном собрании, и разнесло по залу.

— Ваша Честь, — Орта тряхнула светлыми кудрями, — дайте мне людей, и я верну...

— Как же вы допустили!

От крика вздрогнули не только присутствующие, но и ряды лож.

Мало что понимая, Дункан присоединился к остальным. Кто она, кто они такие, что позволяют себе так разговаривать с богиней?

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, в вашем распоряжении были люди, в том числе войска, возможности, средства...

— Нападение было внезапным, мы просто не успели... — промямлил секретарь.

— Молчать!

— Со времени вашего прибытия, мы слышим одни оправдания, — поддержал женщину обладатель хобота.

— С адекватностью действий данной группы агентов, разберется соответствующая комиссия, — прозвучал вкрадчивый, почти ласковый голос седобородого старца. Извиваясь ужом, он пробирал до костей, Дункан вздрогнул от этого голоса, более чем от крика женщины. — Меня же, как главу службы безопасности, больше волнует чужак.

Словно кокон образовался вокруг Трегарта. Попутчики, визуально не меняя положения, внезапно оказались далеко-далеко, в помещении остались только он — Дункан Трегарт и старик с умудренными опытом, хищными глазами.

— Ваша Честь, — в обособленный мирок вторгся третий персонаж, это оказалась

Орта, — именно этот человек предупредил нас о готовящемся нападении.

Несмотря на обстоятельства, Дункану сделалось необыкновенно хорошо. Она — Орта — стала на его защиту.

— И, если не ошибаюсь, сделал это в последний момент, когда у вас практически не осталось возможностей обернуть информацию в свою пользу.

— Он спас нас!

— И оказался здесь, в святая святых — штабе Гильдии!

— Он добыл Камень Перемещения и он — Прыгун!

— Камень — это хорошо, — прогундоносил вислоухий.

— Камень — хорошо, — согласился с коллегой старик. — Если это именно тот Камень, с помощью которого Повстанцы переместились в вашу вселенную, на некоторое время, они будут скованы в своих действиях. Однако... — слово повисло в воздухе четвертой ложей, дабы подчеркнуть важность произносимого, седобородый поднял узловатый палец. — Однако, чтобы внедрить в штаб своего агента, Повстанцы могли пожертвовать и Камнем.

Председательствующая заерзала в своей кабине.

— Советник Канн, вы сами в это верите?

— То, что он — Прыгун только усиливает подозрения.

Слегка заслонив Дункана, к дискутирующим присоединился доктор.

— Уважаемая госпожа Председатель, уважаемые члены Совета, я могу засвидетельствовать, ранее, мы уже встречались с этим молодым человеком, во вселенной Лоин, которая, как известно, не опекается Гильдией. Он потерпел крушение, и мы, милостью агента Орты, оказали пострадавшему...

— Все это мы прочитали в вашем отчете, — перебил эскулапа седобородый. Однако... — и слово снова повисло в воздухе, — одно другого не исключает.

— Коллега Канн кругом видит заговоры.

— И именно поэтому, Гильдия все еще в силе!

— Что вы предлагаете? — вздохнула председательствующая.

— Его необходимо проверить, ментально, на воспоминания и лояльность к Гильдии.

— Нет! — Орта заслонила собой Дункана. — Он же ничего не сделал! Если так боитесь просто переселите на другую планету, или домой...

— Он видел путь, путь с Элизии к штабу, и он — Прыгун, мы не можем позволить себе разбрасываться потенциальными кадрами...

— Но ментальная проверка, он же...

— Риск — неотъемлемая часть нашей профессии. Мне это неприятно так же, как и вам.

— Послушайте, — хотя Дункану и было несказанно приятно заступничество Орты, ему надоело, что разговор ведется, будто его нет в помещении. — Честно говоря, я мало что понял из сказанного, однако, — подобно седобородому, он позволил слову повисеть рядом с кабинками, — я не шпион, и если, чтобы доказать это, необходимо пройти какую-то проверку, я пройду ее!

— Но... — попыталась возразить Орта.

— Да будет так! — председательствующая, знаменуя окончательность вердикта, хлопнула в ладоши.

Стук в дверь вырвал Дункана из пелены сомнений о правильности собственного, весьма поспешного, решения.

На пороге стояла Орта. На девушке бы тот же сине-голубой костюм, скрывающий ее более чем прекрасную фигуру. Несмотря на смену обстановки, одежды, для него она оставалась богиней. Во всяком случае — грез и помыслов.

— Вот... пришла... — редчайшее зрелище — смущающееся божество. Словно прочитав его мысли, Орта выпалила скороговоркой, — я не богиня.

— Я догадался.

— Понимаешь... все так сложно... существует множество... мест, и у каждого свои... — девушка щелкнула пальцами, — не могу говорить, если выдержишь проверку, пройдешь обучение, если...

— Там, в зале, ты сказала, я — Прыгун, и камень, добытый мной камень, с ним ведь тоже не все просто?

— Потом, потом... если... ты все узнаешь...

Словно решившись, Орта подбежала к Дункану и, схватив его за плечи, зашептала в самое лицо:

— Телепаты, понимаешь... они получают удовольствие... выдирают мысли, с корнем... корнями. Самое ужасное, что тебе это может понравиться, жертва умирает счастливой. Не дай ему!.. — девушка опустила голову, не находя слов.

А Дункану, как тогда, на «совете», несмотря на произносимое, было очень приятно. «Она волнуется за меня!»

— ... не дай ему... Но, без них нельзя, они помогают нам... кажется...

Мягко, дрожащими руками, каждую минуту, секунду ожидая отторжения, он взял ее ладони в свои.

— Все будет хорошо, не волнуйся.

Это он должен было волноваться, его могли превратить в растение, но ради этой минуты, ради того, чтобы сжимать маленькие холодные ручки, Трегарт был готов выдержать все испытания мира.

Поджав губы, девушка молча кивнула.

Дверь открылась, на этот раз без стука. На пороге стояли рослые охранники в сине-голубой униформе.

— Пора!

3.

— Он должен остаться нормальным, слышишь, неповрежденным. Если парень и правда Прыгун, он понадобится.

Скупцом над золотом, чревоугодником перед пиром, Телепат, высунув язык, облизывал сухие губы; маленькие глазки возбужденно блестели.

— Ты слышишь меня!

— А?.. — он дернулся, как от удара. С ненавистью взглянув на женщину, существо, тем не менее, согласно склонило голову.

Ассанта вздохнула — тяжела председательская ноша...

Она не любила Телепатов, их никто не любил, да и как можно любить существо,

которое знает, о чем ты думаешь. Впрочем, те отвечали взаимностью. Раньше, Ассанта размышляла, каково это жить в атмосфере всеобщей неприязни... должность Председателя разрешила большинство вопросов.

Тяжела ты ноша...

Охранники ввели допрашиваемого. За широкими спинами, в коридоре, мелькнуло белое лицо Орты. Переживает. Когда-то и она... переживала...

Женщина помотала головой — она должна, обязана быть жесткой, жестокой. Такие времена! Повстанцы расширяют свои базы, а теперь вот — небывалое дело — вторглись на их территорию.

— Сюда, — Председатель, стараясь, чтобы голос не дрожал, указала на кресло с ремнями.

Охранники покорно подвели допрашиваемого.

Тот держался молодцом, во всяком случае, внешне. Спокойно сел, позволяя затянуть ремни, лишь лицо, не достаточно мужественное, но симпатичное лицо, было бледнее обычного.

Ассанта в который раз одернула себя — она должна! Должна! Это ее обязанность! Сейчас, именно сейчас, Гильдия не может позволить себе просчетов!

— Он должен остаться нормальным, — как заклинание повторила женщина.

И на этот раз Телепат ее не услышал. Он весь был в предвкушении, он уже ощущал сладостную власть над помыслами, памятью человека... женщину передернуло от отвращения. Телепаты нужны, необходимы в их работе. Гильдия предоставляла им возможность подпитываться мыслями, те, в свою очередь, работали на Гильдию — всем хорошо.

— Отойдите, — прошипело существо.

Охранникам не нужно было повторять дважды, они поспешно отбежали в дальний угол комнаты.

— Он должен остаться нормальным...

А ведь когда-то... когда, она вступила в Гильдию, она мечтала о том, как будет путешествовать по мирам... плавающие меж облаков башни Флоны, поющие сады Ла-Саллы, переливающиеся радугой водопады Нигии. Она мечтала открыть новые... вот уже несколько десятков лет никто не открывает миров. Гильдия и она — ее руководитель, как и ее предшественники, заняты сохранением позиций, удержанием завоеванного...

Где ты, Хит Санников, принесший первые Камни с Эталонного Мира и подаривший людям возможность путешествий между вселенными? Где те времена — первооткрывателей, юношеского задора, энтузиазма, когда каждый Прыжок был шагом в неведомое, когда казалось, там, за поворотом, тебя ждут сказочные миры и народы... Да, они — первопроходцы, основатели Гильдии гибли десятками, сотнями, но они, так казалось Ассанте, были неизмеримо счастливее... она им завидовала, тосковала по тем временам, насколько можно тосковать по тому, чего не знаешь.

Ты обещал вернуться, Хит Санников, когда настанут смутные времена. Сегодняшние времена более чем смутные...

Телепат впился взглядом в допрашиваемого. Именно впился, как пиявка, паразит.

— Он должен...

И она должна. Выдержать.

Где те деньки, когда она — молодая девушка — работала простым агентом, потом были

несколько лет в качестве богини во вселенной Гар... ее секретарем был Д'арно. Молодой, черноволосый, с вечно смеющимися глазами... Они проводили вместе столько времени...

Стон, сдавленный стон вырвался из-за плотно сомкнутых губ, наверняка удивив подчиненных. Пускай. Плевать!

Шелест гарского океана, они на редкость прозрачные... и музыкальные, ни в одной вселенной нет таких. Она и он.

«Ассанта, — он называл ее просто по имени, минуя обязательное: Ваша Божественность, и никогда еще собственное имя не звучало столь приятно, — давай бросим все, останемся, заведем детей...»

И снова годами сдерживаемый стон прорвался сквозь камень губ.

Богиня не имеет права на любовь!

Агент не имеет права на любовь! Он не принадлежит себе! Гильдия, ее интересы...

Она сказала — нет. Это было ее решение, и оно было верным!

Пелена воспоминаний сошла с глаз. Ассанта едва не вскрикнула — допрашиваемый — глаза закатились, по бледному лицу, обезображенному безжизненными бельмами, блуждала счастливая улыбка.

Физиономия Телепата, напротив, налилась красным, как у насытившегося кровососа.

— Остановись! Я приказываю, стой!

Телепат вздрогнул — связь прервалась.

— Отвяжите и в медблок, быстро!

Охранники поспешно кинулись к пострадавшему.

— Ну? — Ассанта смотрела на Телепата.

— Он чист, — неохотно выдавил урод. — Не шпион, и ничего не знает о Гильдии.

4.

Старые храмы не должны быть разрушены. Уничтожив находящиеся в них божеств, после соответствующих обрядов следует установить изображения Богов-Агентов. Весьма важно заместить в них служение старым богам — службой Богу-Агенту. Аборигены с большей охотой идут в знакомые места, но молятся там уже Богу-Агенту.

Также заменяются присущие им и привычные обычаи, праздники.

Не следует запрещать в день старых ритуалов приходить в знакомые места. Но следует устроить все так, чтобы в этих местах, они молились уже Агенту-Богу.

Григорий Многословов

Из лекции агентам-наместникам.

5.

Он помнил страшную рожу Телепата и собственное ощущение счастья, безмерного блаженства. Хотелось остаться навсегда, слиться, раствориться в нем, до основания, без

остатка.

Лицо существа уже не казалось столь ужасным, периодически, к удовольствию Трегарта, сменяясь восхитительным личиком Орты.

В один из периодов полусна-полубодрствования, Орта окончательно вытеснила Телепата, оставшись перед внутренним взором навсегда.

Трегарт открыл глаза — Орта не исчезла. Он моргнул несколько раз, пытаясь отогнать, пусть желанное, но видение. За века человечества, видения эволюционировали, и моргание глаз на них уже не действовало.

«Ну и пусть!» — решил Дункан.

— Ты прошел испытание, — произнесло видение.

Только тогда Трегарт понял, что это не сон, и Орта — прекрасная Орта, действительно, сидит у его кровати.

— Как хорошо.

— Что хорошо?

— Ты здесь, рядом со мной...

— Я... мы... — девушка старалась говорить сухо. — Так как ты обладаешь некоторыми гм, способностями, мы предлагаем тебе стать членом Гильдии.

— Что за Гильдия?

Орта тяжело вздохнула.

— Думаю, не открою секрета, если скажу, что мир, в глобальном смысле, это не то, точнее, не только то, что тебя окружает. Существует множество, превеликое множество различных, очень различных миров. Мы называем их — вселенные. В этих вселенных свои планеты, солнца, созвездия... порою, даже свои физические законы. И мы — Гильдия — путешествуем, можем перемещаться между ними. Ты и сам это проделывал, когда попал из своего мира в мир Орт, или когда убежал, вместе со мной от Повстанцев.

Нарисованная девушкой картина, была грандиозна. Миры — десятки, сотни, тысячи миров и загадочная Гильдия — контролирующая их. Но, как верно заметила Орта, это не стало для Дункана таким уж откровением.

— Гильдия, каковы ее задачи, цели?

— Прежде всего, ты должен дать согласие, только член Гильдии может быть посвящен в ее тайны.

— Если я откажусь?

Орта пождала губы.

— Тебя высадят на планете, без Проходов, с населением твоего биологического вида, обеспечат всем необходимым, и больше о Гильдии ты не услышишь.

В сравнении с множественной вселенной, картина не очень радужная.

— Ты член Гильдии?

Девушка вскинула голову, тряхнув светлыми кудрями.

— Да?

— Тогда, я согласен.

— Хорошо, — или Дункану показалось, или она, действительно, облегченно выдохнула, — я передам о твоём решении. Возможно уже сегодня, тебе назначат наставника.

Орта поднялась.

— Мне пора.

— Так быстро! — вырвалось у Дункана.

— Тебе нужно поправляться, а я... буду мешать процессу выздоровления.

— Ты не можешь помешать!

— У меня свои дела! — отрезала Орта холодно.

Дункан подумал, а не было ли это все: заступничество, показное участие, игрой, только для того, чтобы заманить его в Гильдию? На горизонте явственно замаячил призрак мании величия.

— Мы еще увидимся?

— Не знаю. Агенты редко пересекаются. Слишком много объектов, — уже взявшись за ручку двери, девушка обернулась. — Скажи... что тебя заставило... там, в своей вселенной, войти в скалу?

— Вообще-то меня в нее толкнули, — попытался пошутить Дункан.

— После катастрофы, ты вернулся на планету, ходил, искал?

Трегарт, не мигая, смотрел на самое прекрасное создание в этом, да и в остальных мирах.

— Из-за меня? — Орта, словно, не верила собственным словам.

Трегарт кивнул.

— Я... спасибо, — покраснев, девушка покинула комнату.

— Из-за тебя... — эхом повторил Дункан.

6.

Есть власть — есть оппозиция. Есть господствующая религия — есть антирелигия. Там где существует вера в Бога — всегда найдется место поклонению его противнику.

Задача агента — отыскать данные объединения, войти в контакт. Нет нужды создавать новые — грамотнее использовать существующие. Даже в тоталитарном обществе имеется подполье.

Особо не следует пренебрегать недовольными в среде правящей элиты. Амбициозными, лучше молодыми, свободными от «устаревших» догм индивидуумами.

Далее следует этап прикармливания. Группы должны расширять деятельность, влияние, рассчитывать и в конце-концов впасть в зависимость от поставляемых средств. Как материальных ценностей, так и технических новинок (см. приложение 2.3).

Свою волю следует навязывать постепенно — от малого к большому, усиливая влияние по мере впадения в зависимость. Как непосредственным диктатором, так и смещением с ключевых постов неудобных.

«Памятка агенту»

Гильдия, закрытый курс для агентов-проповедников.

7.

Высокий, худой человек с большими, по девичьи наивными глазами, совершенно не вяжущимися с общим обликом закаленного космического волка, покинул звездолет. С высоты обзорной площадки, глаза обвели пространство перед кораблем.

Камера отъехала, показав около двух десятков встречающих — четырехруких созданий с пучком шупалец, вместо нижних конечностей.

Помахав, человек начал спускаться с трапа.

— Это Хит Санников — человек-легенда, основатель Гильдии.

За Санниковым, из распахнутого люка, показались остальные: широкоплечий здоровяк с длинными волосами, похожий на звезду боевиков, лысеющий коротышка в очках...

— Во множественной вселенной существовали и существуют расы, способные, в некотором роде, перемещаться между мирами, — экран показал уже знакомых Дункану эльфов и существ, похожих на огромных пауков. — Будучи, в некотором роде, космическим разведчиком, в одном из путешествий, Хит Санников обнаружил, как мы его называем, — Эталонный Мир, и подарил эту способность людям и другим расам, не рожденным с подобным даром.

Экран потух, в комнате зажегся свет.

На возвышение, перед местами зрителей, точнее, одного зрителя, выбрался невысокий гуманоид. Небольшой рост, длинные, ниже колен, руки, сгорбленная спина и особенно кукольная физиономия с роскошными бакенбардами, вызывали ассоциации с... мартышкой. Даже то, как во время разговора, он морщил свой маленький, совершенно обезьяний нос.

«По крайней мере, он произошел от приматов», — подумал Дункан.

— Случилось это, в некотором роде, эпохальное событие, более тысячи лет назад...

Примат был его наставником. Едва Дункан заикнулся, что лучше себя чувствует, обучение не заставило себя ждать.

— ... и нигде, ни в одном из известных миров нет могилы Хита Санникова. Он ушел, тогда, десять сотен лет назад, ушел в один из бесчисленных поисков, но обещал вернуться.

— Вернуться? И вы верите в это?

Наставник нахмурился — маленькое личико пошло складками.

— В некотором роде, многие верят. Это одна из легенд, легенд путешественников между мирами.

Дункан рассмеялся.

— Насколько я понимаю, он был, пусть и легендарным, но человеком. Обычным человеком. Отправляясь в дорогу, этот человек произнес: «Еще увидимся», «До скорого», — ну или что-то около того, а вы превратили обычную вежливость в легенду о тысячелетнем призраке.

— Вот вам первый совет, молодой человек, совет, в некотором роде, наставника: держите подобные мысли при себе. Многие, очень многие почитают Хита Санникова, как бога, и с нетерпением ожидают его возвращения.

— Ладно, проехали. Откуда все это?

— Что это? Конкретнее!

— Различные вселенные, планеты.

— Что значит, откуда? В некотором роде, всегда было. Как уже упоминалось, Хит Санников только подарил возможность путешествий. Мы — не создатели, мы — пользователи, пусть и одни из немногих. По одной из версий, в начале начал существовал единственный — Эталонный Мир, по мере развития, из него, или от него начали

образовываться остальные вселенные. Та же гипотеза, хотя она больше похожа на легенду, гласит, что когда-нибудь эти миллиарды миров снова сольются в один. По другой версии, Эталонных Миров — несколько, по одному на каждую вселенную. Возможно, и это верно, однако следует учитывать, никому, никогда еще не удавалось отыскать Эталонный Мир. А ведь поиски проводились... в некотором роде, они и сейчас проводятся.

— Меня уже не один раз называли прыгуном, и вы употребляли это слово. Что оно означает?

— Прыгуны, это как раз те особи, которые имеют способность путешествовать между мирами. Этому невозможно научиться. Способности Прыгуна, в некотором роде, — врожденные, их можно только развить, и встречаются они не так уж часто. Прыгун, открыв Проход, может провести с собой других агентов, не Прыгунов — вот почему они так ценны для Гильдии. Почти все знаменитые члены Гильдии были Прыгунами. Это и Гннат Таттун, заключивший союз с Аргриями, и Бен Гаан — легендарный Прыгун последнего времени, открывший более сотни миров, и, конечно же, Хит Санников.

— А Орта, она тоже Прыгун? — вырвалось у Дункана.

— Орта? — нахмурился наставник. — Мне неизвестен агент с таким именем.

— Ладно, забыли, — девушка не выходила из головы Дункана. С того разговора, после допроса, он ее ни разу не видел. — Как получается, что Прыгун перемещается из одной вселенной в другую?

Наставник почесал маленький лоб.

— Природа проникновения, в некотором роде, неизвестна. Между мирами существует что-то вроде... дыр. Мы называем их — Проходы. Они не всегда активны, но Прыгуны их чувствуют, на близком, естественно, расстоянии, и могут... активировать, открыть. Кстати, наличие Проходов упоминается во многих культурах. Некоторые аборигены с помощью специальных ритуалов, даже научились активировать их. Чем только не считают противоположную сторону — раем, адом, жилищем бога, вместилищем грехов, полигоном для испытания героев. У лесных племен планеты Фона существует небезынтересный обычай — их Проход ведет на один из островов Ахейского архипелага. Так вот, фонарцы отправляют на него, в некотором роде, новобрачных! Нечто вроде свадебного путешествия.

Дункан сам испытал подобное на себе, переместившись в иной мир при помощи варварского ритуала.

— Значит, вы путешествуете по этим Проходам.

— Не всегда, в некотором роде, не всегда. Видите ли, э-э-э, молодой человек, теоретически, я повторяюсь, теоретически, Прыгуны могут переместиться в иную вселенную практически из любого места.

— Да ну!

— Такое доступно далеко не всем Прыгунам, и даже им далеко не всегда. К тому же, неотъемлемый атрибут подобной операции — Камень Перемещения.

— Камень Перемещения? — еще одно знакомое слово.

— Совершенно верно. Именно его, вернее, их Хит Санников нашел и, в некотором роде, привез с Эталонного Мира. Без Камня даже самый опытный Прыгун не способен перенестись и в соседнюю комнату, но Камень, о-о-о, он дает истинную власть. Владеющий Камнями — владеет многомирьем. Вот!

На свет божий появилась небольшая шкатулка. Едва ли не дрожащими руками, наставник открыл ее. Дункан вытянул шею. Внутри, отсвечивая изумрудными жилками,

лежал камень. Немного меньше, добытого Дунканом, однако мужчина сразу узнал знакомую структуру.

— Камень Перемещения, — благоговейно прошептал наставник, после чего протянул шкатулку Дункану. — Только осторожно.

Трегарт вытащил драгоценность. Одна из сторон, как и у его камня, была словно отполирована. Он был разочарован, ничего не почувствовав. Камень, как камень.

— Увы, увy, увy, со временем количество Камней уменьшилось. Я бы сказал, катастрофически уменьшилось. Уже сейчас, каждый Камень, в некотором роде, на вес золота, как вы понимаете, это всего лишь метафора, реальная стоимость намного дороже; пропадают агенты-разведчики, Капсулы Невидимости, Вольные Прыгуны, Повстанцы...

— Повстанцы? — еще слово из прошлого.

Гуманоид погрузнел.

— Это наша язва, наша боль.

— Они также могут путешествовать между мирами?

— Около ста лет назад, группа агентов-прыгунов, мессий, разведчиков откололась от Гильдии. Подумать только, они осмелились критиковать положения и догмы, освященные, в некотором роде, веками, установленные самим Хитом Санниковым! Самое ужасное, они забрали с собой Камни. К сожалению, в многомирной вселенной практически нет возможности вычислить их местонахождение, их штаб. Они мешают нашим работам, изысканиям, срывают операции, а теперь, — голос наставника понизился до шепота, — ходят слухи, Повстанцы захватили один из наших миров. Вы можете представить — мир Гильдии!

Дункан мог — он сам был там.

Распалившийся было коротышка, неожиданно быстро успокоился.

— В любом случае, Совет это так не оставит. Продолжим обучение...

8.

Под ним развернулась космическая бездна с безразличными звездами и туманностями. Над ним возвышалась громада замка.

Кецаль перенес вес тела на одну руку, позволяя второй удобнее закрепиться. Ноги свободно болтались, перемешивая космическую черноту.

«Интересный мир», — в который раз подумал он.

— Один убежал, их было пятеро!

— Не волнуйтесь, астероид не такой большой, клянусь Каленом, мы отыщем тварь!

Астероид. Каменные стены замка вырастали прямо из тела космического скитальца, подобно разросшейся плесени, заплетая поверхность небольшой планетки.

Издалека, она, наверняка, походила на пирамиду, огромную пирамиду, вершину которой образовывал замок, а основание... у основания болтался он... наполовину на скале, наполовину в космосе.

«Интересный мир».

Вдалеке, не так далеко, чтобы невозможно было разобрать, плавали похожие точки космических тел. Иногда это были пирамиды с замками, иногда — при достаточной площади — целые дворцовые комплексы; с ограниченного обзорного пространства, он

заметил одно огромное тело, окруженное астероидами поменьше, подобно планетам, трущимся у космического светила.

— Где он, Кален побери! Где это исчадие Велиала!

Мысленно, он поклялся себе, если выберется из передрыги, никогда больше не путешествовать по мирам, указанным в Документе. Черт с тем, что там упоминается Компьютер Основателя. Пропади они пропадом, и Компьютер, и давно пропавший Хит Санников! Пусть другие рискуют! Он с Толлана ни ногой!

Рука затекла, пришлось снова менять положение. Лишь ноги, предвкушая ощущение полета, радостно болтались в бесконечной черноте.

Интересный мир. Интересный хотя бы потому, что его законы, судя по всему, допускали существование магии. Как иначе объяснить и данное сооружение, и сгустки энергии, вылетающие из рук «гостеприимных» хозяев.

— Ищите, хорошо ищите, я хочу видеть его обугленный труп!

Едва он со спутниками появился из Прохода, в них полетели эти самые сгустки. Видимо, в ментальности местных существовали предубеждения против межпланетных скитальцев.

Насколько он знал, — среди многомирья известных вселенных только в одной существовала магия — мир девяти богов. Ему повезло — он открыл второй. Или это тот же... кажется, одного из богов там тоже звали Каленом.

— Посмотрите внизу!

«Вот и все», — вопреки ожиданию, мысль не вызвала ни паники, ни страха. Констатация факта, будто кто-то другой, чужой, не он, висит сейчас наполовину в космосе, отчаянно цепляясь за скалу одеревеневшими руками.

Конец жизни, конец карьеры. Как рождаются, живут и умирают боги? Полувысунувшись, с болтающимися ногами. Ведь он — бог, в своем мире, и сейчас он умрет.

Приближающиеся шаги, шорох гравия.

«Так идет смерть».

Шаги замерли. Перед лицом умирающего божества оказалась пара замшевых, покрытых коричневой пылью полусапог.

Он поднял голову. Сапоги перешли в крепкие ноги полускрытые широким темным плащом...

Призрак!

Несмотря на близость смерти, только сейчас, увидев это существо, он испытал самый настоящий ужас.

Призрак — страх, кошмар межпланетных путешественников!

Никто не видел их с близка, никто не разговаривал с ними, многие не верили, считая байкой, или галлюцинацией выживших из ума Прыгунов...

И вот теперь Призрак, живой Призрак стоял перед Кецалем. Лицо, почти человеческое, с отросшими седыми волосами и глубокими складками, уставшие глаза... «Может ли Призрак быть живым?» — нелепая мысль засела в голове. — «И устать?»

Призрак наклонился и протянул руку.

«Сейчас», — решил Кецаль и крепко зажмурился... ничего не произошло. Он открыл глаза. Призрак все так же стоял с протянутой рукой.

Не веря, не понимая, что делает, он с трудом отлепил коченеющую конечность от камня и вытянул ее навстречу.

Ладонь оказалась неожиданно теплой и... шершавой, совсем не призрачной.

Призрак поддержал его, помогая выбраться. Затем, не говоря ни слова, развернулся и последовал к группе камней, сереющих в тени замка.

Не в силах сопротивляться, словно околдованный, спасенный последовал за спасителем. У камней Призрак остановился.

Нестерпимый зуд неожиданно возник между лопатками, стремительно распространяясь по всему телу.

Проход!

Не веря своим чувствам, своему счастью, Кецаль сделал шаг — чувства усилились.

Спасение!

Он обернулся, чтобы поблагодарить Призрака — за спиной серели только голые камни и край площадки астероида...

9.

— Что означает эта метка?

— Проход безлопастный.

— А эта?

— Ну... ведет он во вселенную... вселенную... — Дункан до рези в глазах всматривался в сложное переплетение линий, точек, запятых и более витиеватых закорючек. Но от одного пристального взгляда иероглиф не спешил раскрывать свои секреты, — ... вселенную...

Наставник запыхтел перегревшимся паровозом.

— Сколько можно повторять, учи знаки, учи, зубри!

— Легко сказать, их больше тысячи!

— От этого зависит, в некотором роде, твоя жизнь! Прыгуны, разведчики прошлого жертвовали своими жизнями ради того, чтобы такие оболтусы, в некотором роде, как ты, могли спокойно сидеть в классных комнатах, не рискуя после очередного Прыжка оказаться в жерле действующего вулкана, и заметь — это не эпитет.

— Я это... учу...

Но наставник, как это иногда с ним случалось, уже потерял связь с окружающим.

— О-о, то было романтическое время. Опасное, но романтическое, — маленькие глазки закатились куда-то под низкий лоб. — Необходимо мужество, безрассудство, безумие, в некотором роде, чтобы, отыскав неизвестный Проход, шагнуть в него. Шагнуть в полном смысле этого слова, в неизвестность. Что ждет за поворотом? Неувядающая слава, или мучительная смерть? Саввбат Равв после Прыжка оказался в мире с атмосферой почти полностью лишенной кислорода. Больше месяца, слышишь, месяца, пока не представилась возможность вновь активировать Проход, он прожил на болоте, на счастье агента, оно оказалось совсем рядом. Поднимающиеся из жижи пузыри содержали некоторое количество пригодного для дыхания газа. Саввбат дышал им, в полном смысле этого слова, лицом в грязи.

— Ну... — Дункан почесал за ухом.

— Рецат Коль попал во вселенную, где время текло по кругу. Только прожив там полный цикл, который занял более двадцати лет, Рецат смог вернуться, причем, через пять минут, после своего отправления. Алект Татаринев переместился в мир, где температура

летом достигала минус тридцати градусов по Цельсию, именно достигала, так как минус тридцать — едва ли не самое высокое положение столбика термометра, какое удалось зафиксировать.

— Выжил?

— Нет, замерз. Они гибли десятками, тысячами, но шли на это ради того, чтобы такие, в некотором роде, оболтусы, как ты, могли рассиживать в теплых классных комнатах и преспокойно учить метки.

— Вы это уже говорили.

— И повторяюсь! Последний легендарный разведчик Бен Гаан так и закончил свою карьеру: ушел в очередной Проход — и не вернулся... разведчики вообще, редко умирают своей смертью.

— И сейчас?

— Сейчас... — наставник вывел глаза из-под лба и низвел их до разглядывания красот каменного пола, — сейчас нет. Мы не открываем новых планет, не делаем шаги в неизвестное... ну да ладно, продолжим урок.

Обучение шло полным ходом, Дункан уже научился активировать и преодолевать Проходы, почти привыкнув к кратковременному удушью и чувству падения, накатывающему во время путешествия. Они с наставником побывали в мире Скас, где правили ластоногие, похожие на акул, рыбы-телепаты, так как Скас был миром без клочка суши. Они побывали во вселенной полуразумных шаровых молний и даже в мире Темпа, по счастью, недолго, по словам наставника — минута в Темпе — это двое суток дома.

Дункан был поражен, захвачен, околдован открывающимися возможностями, и почти безмерно счастлив... почти. За все это время, с того, памятного разговора, когда он дал согласие вступить в Гильдию, Орту он не видел.

Он искал встречи с ней. Расспрашивал новых знакомых, наконец, просто слонялся по коридорам в надежде на случайную встречу... То ли девушка избегала его, то ли, подобно любому агенту, получила новое задание.

— Наставник...

— Слушаю.

— Хотел спросить... — вопрос этот давно мучил Дункана. Орта — с ее слов — обычная девушка, однако, в качестве богини, она правила миром несколько поколений. — Вы бессмертные?

Коротышка даже вздрогнул, часто заморгал маленькими глазками.

— Откуда такой вопрос?

— Ну... у меня была... есть... знакомая девушка, агент. Она работала богиней... в одном из миров...

— Понимаю, понимаю. Что ж, выступать в качестве божества — особое задание, справиться с таким способен далеко не каждый индивидуум. На замещение того или иного божества специально подбирают похожих агентов, часто в ходу — пластические операции. Когда новый агент сменяет старого, некоторое время, божество не показывается, чтобы, даже те, кто помнил, немного подзабыли облик. Да и потом, кто станет особо присматриваться к богу, а если он слегка и изменился, так это его — божественное дело.

— Понятно.

Если так, как же Орта выглядела на самом деле? Насколько пластический хирург изменил истинную внешность девушки. Ее лицо — это маска. Он влюбился в творение

эскулапа... Нет, Дункан одернул себя, если вначале, он видел в девушке именно красивое личико, то теперь... а что теперь? Сказать, что он знает ее, как личность было нельзя. Познал ее душу? Внутренний мир? Чем она живет, чем дышит, чего хочет, наконец? Тоже нет. Однако, девушка все еще притягивала его. Даже теперь, когда он узнал часть правды.

— Наставник.

— Ну что еще?

— Когда я смогу перемещаться самостоятельно, с Камнем?

— С Камнем... — маленькая ручка, словно проверяя на прочность, подергала кустистые бакенбарды. — Прыжок без Проходов — это очень сложно, это, в некотором роде, высшая ступень мастерства. Только лучшие из лучших, Прыгуны с многолетним опытом... и то, далеко не все.

— Но все же?

— Ты не понимаешь. Необходима абсолютная концентрация, полное отключение от окружающего мира и сосредоточение на объекте, месте, в которое желаешь перенестись. Если что-то пойдет не так, любая посторонняя мысль — и ты уже не там, где рассчитывал. Хорошо, если планета пригодна для жизни. Нет, ты еще не готов.

Одного наставник не знал — Дункан однажды уже проделал это. В прошлом. В том же прошлом, у него осталось незаконченное дело...

— К тому же, теперь подобные перемещения, в некотором роде, не приветствуются — высока вероятность потери драгоценного Камня.

— Я думал — агента. На человека, выходит, наплевать.

— Хватит болтать. Давай, работай!

Дункан сосредоточился, серая стена перед ним пошла волнами...

10.

Ночью комплекс Гильдии жил... неотличимой от дня жизнью.

Такой же гомон и шум большого учреждения с легким налетом неопрятности, неизбежным, когда множество людей и не людей не только работают, но и живут вместе. Как и днем степенно следовали, или бежали по неотложным делам агенты, техники, служащие. Дункан научился отличать их по знакам различия на вездесущей сине-голубой форме.

Также оживали Проходы, и агенты из тысяч миров Гильдии несли сообщения, доклады, отчеты сюда, в штаб.

Возвращаясь в свою комнату, Дункан старался подстроиться под общий немного неторопливый, немного суетный ритм. Сердце, предатель сердце, птицей в неволе, колотилось о грудную клетку, Трегарту казалось, что биение пересиливает даже вечный шум коридоров.

«Если остановят? Если спросят, куда иду? И, главное, откуда?»

Дункан тут же успокаивал себя.

«Кто остановит? Я — один из десятков, сотен... Никому нет дела...»

Помогало слабо.

Казалось, все, кто попадался на пути: и четырехрукие аногоиды, и ракоподобные хиты кидали на него — Дункана полные подозрений взгляды. Казалось, они смотрят ему вслед...

Дункан не смел обернуться, дабы проверить ощущения.

Скорее, скорее...

Здесь, во внутреннем кармане, рядом с безумно колотящимся сердцем, лежал... Камень Перемещения. Трегарт взял его из сейфа классной комнаты, подсмотрев код, когда наставник запирает железную дверцу.

Останови его кто, случайно, в коридоре, трудно будет объяснить, зачем ученику, среди ночи, понадобилась столь ценная вещь.

Маленькое окно, клочок неба — иллюзия свободы, единственное свидетельство неограниченности мира тесными, заплесневевшими стенами камеры. Окно и металлическая дверь на проржавевших петлях. Трижды в день, после радостного скрипа, дверь одаривала узника порциями баланды. Семь раз квадрат окна менял цвет, сливаясь с мраком холодных стен.

Там, за этим окном, за четырехугольником света кипела жизнь. Жили люди. Женились, сорились, рожали детей. Копили деньги и обиды, проматывали состояния и жизнь, строили планы и подчиненных, возводили воздушные замки и дома. Там...

Тройной скрип петель, да смена освещения окна — единственные события нынешнего существования.

Скоро не станет и их.

Единственное утешение — ненависть!

Он ненавидел мокроту стен и холод каменного пола, паразитом, алчущим плоти, добирающимся до вожделенного тела сквозь ненадежную преграду соломенного матраса. Он ненавидел это окно, безучастно, равнодушно вззирающее с высоты положения на человеческие муки, он ненавидел скрипучую дверь, прокисшую баланду, которую все равно ждал, подобно манне небесной, и ненавидел себя за это ожидание, он ненавидел свое тело, начавшее покрываться язвами и зудящее в самых труднодоступных местах. Но больше всего, он ненавидел его... того, по чьей милости, он попал сюда.

Наконец, поднявшись по очередной лестнице, Дункан узрел дверь своей комнаты. Серый прямоугольник, уменьшенный расстоянием бесконечного коридора.

Хотя здесь, на жилых этажах, было не таклюдно, усилием воли, Трегарт заставил себя не бежать.

Долго, мучительно долго. Казалось, прошла целая вечность, пока ладонь не коснулась холодного металла дверной ручки.

Щелкнул замок. Не в силах сдерживаться, Трегарт прошмыгнул внутрь и, тяжело привалившись к обратной стороне двери, захлопнул ее.

Сердце готово было выскочить из груди.

Наконец-то! Дошел!

Камень, небольшой ученический Камень — виновник страданий и страхов — удобно уместился в руке.

У него осталось одно незаконченное дело... невыплаченный долг... и Камень, только Камень поможет рассчитаться с кредитором.

Дункан погладил гладкую поверхность — знакомые ощущения.

Не сводя взгляда с Камня, присел на кровать, чувствуя себя немного глупо. Он, один, в пустой комнате, уставился на кусок породы...

Постарался вспомнить свои ощущения, чувства, мысли, настрой, когда перенесся к Орте. Представил лицо человека, к которому намеревался отправиться сейчас... во всех подробностях, до мельчайшей черточки... родинки... волоска... ничего. Серый камень покоился на открытой ладони.

Нет, глупо это все!

Неожиданно... комната поплыла, окружающее затянул густой, темный туман, накатило знакомое ощущение удушья...

Получилось!

Когда туман рассеялся, темнота не ушла, сменившись сумерками. Сумерками тесного каменного помещения с зарешеченным окном под потолком.

Вместо ожидаемого лица на него смотрела грязная, заросшая физиономия, отдаленно напоминающая человеческую.

Что-то изменилось в камере — ограниченном пространстве привычного мирка.

Движение... Повеяло холодом, воздух, сам воздух дрогнул, волной от взрыва.

Антон Левицкий закрыл глаза.

А, когда открыл... Орта, Иисус, Будда, Зевс — одно из сотен божеств, которым он возносил молитвы, услышало их.

Посреди камеры стоял он — виновник несчастий — Дункан Трегарт.

В другое время, Антон задумался бы, как человек ни с того ни с сего, среди темной ночи, может очутиться в закрытом помещении. В другое время, он принялся бы анализировать свои ощущения, возможно, списал произошедшее на временное помешательство. Возможно, забеспокоился.

В другое, не сейчас.

С криком, добравшегося до добычи хищника, Антон кинулся на видение.

К еще большей радости, видение оказалось материальным.

Пальцы с отросшими ногтями впились в плоть. Живую, человеческую плоть.

О-о, как он счастлив!

— Э-э, — произнесло видение, перед тем, как Антон сбил его.

Они покатались по полу. Антон рычал, кусался, никогда еще он так не любил этот жесткий, с выбоинами камень. Каждая ямка, каждая трещинка причиняла и ему — мучителю толику боли. Что она в сравнении с болью, пережитой Антоном!

Но... недели нищенствования, недоеданий, дни заточения, дали о себе знать. Изловчившись, противник заломил руки Антона и, навалившись всем телом, прижал его к полу. Холодному каменному полу.

— Убью, ненавижу! — визжал Левицкий.

— С ума сошел? Это я — Дункан.

— Из-за тебя, все из-за тебя! Из-за тебя... — слезы, горькие слезы, растапливая корку грязи, защекотали лицо.

Силы драться, силы ненавидеть, даже силы жить внезапно оставили тело, выплеснувшись из глаз скудными потоками.

— Ненавижу, ненавижу...

Почувствовав изменение состояния, противник сполз с Антона.

— Ты... это...

— Ненавижу.

О-о-о, как он жалел, искренне, всей душой, как никогда в жизни, жалел... себя.

Гость заерзал на соломе, пытаясь устроиться поудобнее.

— Слушай, это место похоже на тюрьму.

— Оно и есть тюрьма, — Антон с трудом поднял лишенное сил тело.

— Как... за что?..

— После того, как ты украл камень, я скитался по планете, прятался, довольно долго, как для беглого раба — у них случилась небольшая заваруха, — он не мог драться, но ранил словами. — Питался отбросами, ночевал на помойках.

— Извини, я не думал...

— А что, что ты думал, после сотворенного нами, меня возведут в святые?

— Нет, но тюрьма...

— Я говорил — этот мир не для беглых рабов. Рано, или поздно их ловят, ловят, чтобы вернуть хозяевам. Мне повезло, Флостеры сейчас на другой планете, однако они летят сюда. Машинное отделение мне обеспечено.

— Постой, я же вернулся как раз для этого — помочь тебе!

— Как?

— Так же, как перенесся сюда. Подойди ближе.

Антон покорно пополз к Дункану.

Тот занимался довольно странным делом — вытянув перед лицом раскрытую ладонь, внимательно смотрел на нее.

Недолгое пребывание в камере, похоже, подействовало на психику парня.

Левицкий не успел додумать мысль. Неожиданно на него повеяло холодом, затем накатило смутно знакомое ощущение удушья, Антон почувствовал, что он... падает. Инстинктивно, он схватился за Дункана.

Первое, что увидел Антон, когда открыл зажмуренные от страха глаза — свет. Яркий и какой-то... домашний, он лился, вытекал из высоких окон, он пронизывал воздух, предметы, тысячами лучиков впивался в самого Антона, возвращая его к жизни, возвращая само желание жить.

— Где мы?

Даже более чем странный способ путешествия мало занимал Левицкого. Слишком разителен был контраст между камерой и представшим местом.

Большая комната, ковры, мебель. В той, прошлой, обеспеченной жизни, Антон Левицкий, наверняка, скривил бы нос, обозвав жилище: халупой. Теперь, в этой, оно казалось ему палатой дворца, райскими чертогами.

— На Земле.

— На Земле... планете Земля?

Ужели месяцы недоедания и неделя камеры сыграли с ним злую шутку. Рассудок — бич и утешение узника, не выдержал...

— На Земле, не сомневайся, — Трегарт, видимо, понял его состояние. — Это моя... не важно. Там — душ, в шкафу — вещи, в соседней комнате — телефон. Позвонишь — тебя заберут.

— На Земле, на Земле! — словно заклинание, повторял Антон.

Трегарт, между тем, прошелся по комнате. Взял фото с журнального столика, подержал в руках, словно раздумывая, что с ним делать. Поставил на место.

— Оставайся, чувствуй себя, как... ты и есть дома. А мне пора.

— Пстой, куда?

— У меня теперь другой дом.

— Какой другой, если мы на Земле, если мы, правда, на Земле, да я тебя... озолочу! У нас, у тебя, с этой минуты ни жизнь — рай!

— Нет, — улыбнулся Трегарт. — Это — твой рай, мой совсем в другом месте. Прощай. Мне, действительно, пора.

И снова он замер, как в камере, уставившись на ладонь.

На этой ладони что-то лежало, что-то знакомое...

Повеяло холодом...

Неизвестно откуда в закрытом помещении взялся ветер.

Как в камере, Антон закрыл глаза.

Когда он открыл их — в комнате никого не было.

11.

Исполняющиеся пророчества, сбывающиеся знамения, плюс расплодившиеся глашатаи — от убогих калек, до высокопоставленных горожан.

Особое внимание следует уделить слухам. Общество должно, буквально, кишеть ими. Общество должно быть готово, более того ОЖИДАТЬ прихода агента-бога.

«Памятка агенту» Гильдия.

Закрытый курс для агентов-мессий.

12.

— Не двигаться!

— Руки!

— Медленно, так, чтобы мы видели!

Стараясь производить как можно меньше резких, каких бы то ни было, движений, Трегарт выполнил указания вооруженных охранников.

Покинуть комплекс Гильдии с помощью Камня оказалось легче простого, а вот возвращаться приходилось Проходами.

Стандартная процедура опознания, не раз и не два, он проходил ее, вместе с наставником, возвращаясь из учебных походов. Если бы не Камень за пазухой...

— Ты где был?

Добрые глаза седобородого Гмем Канна — главы службы безопасности, на этот раз, не удержав истинную сущность, метали молнии.

Рядом, мрачнее тучи, топтался наставник.

— Тренировался.

Камень Перемещения жег кожу сквозь ткань комбинезона. Но ведь ничего преступного он не совершил... кажется...

— Где тренировался, тебя искали все утро?

— То там... то здесь...

— Пошли! — советник резко развернулся и широко зашагал по коридору. Наставник засеменил следом.

С недобрим предчувствием, Трегарт пристроился в хвост «колонны».

В Зале Перемещений — стандартной комнате с нишами-проходами, брате-близнеце десятков, разбросанных по всему комплексу, было непривычно многолюдно.

Несколько высших чиновников Гильдии, пара охранников и один человек в синеголубой форме без знаков различия.

Как всегда, в близости Проходов, у Дункана начало зудеть все тело. По спине замаршировали рой холодных мурашек.

— Что так долго? — один из чиновников — краснокожий коротышка с раскосыми глазами-щелками подбежал к новоприбывшим. Дункан еще путался в нашивках, кажется, этот служил в департаменте Канна.

— Этого искали, — буркнул советник.

У Дункана отлегло от сердца — они собрались не в его честь.

— Начнем.

Чиновник вытянул Камень Перемещения, остальные, в том числе и Дункан, плотно обступили гуманоида, хотя это и выглядело несколько странно — переноситься из обильного Проходами зала при помощи Камня.

Первое, что поразило Трегарта после Прыжка, была... тишина. Ни пения птиц, ни завывания ветра, ни шороха травинки. Она давила на уши, рождая тревогу, почище набата.

Трегарт огляделся — они стояли на небольшом возвышении — ровной площадке как раз достаточной, чтобы вместить небольшую группу. Дальше, сразу за каменными ступенями, насколько хватал взор, от горизонта до горизонта, поверхность планеты покрывали... соты.

Именно соты — правильные шестиугольники около двух метров в поперечнике.

Предчувствие недоброго снова шевельнулось в Дункане. Наставник — единственное существо, которое могло поддержать, развеять мрачные мысли, стоял поодаль, хмуря и без того сомкнутые брови.

— Пошли.

Стены сот были не маленькие — около метра шириной. По ним, как по своеобразным дорожкам, спустившись с возвышения, двинулась группа.

Нагнетая обстановку, все происходило в полном молчании.

Трегарт взглянул вниз. Там, в сотах, на каменном дне, отстоящем от верха на десяток метров, копошились... живые существа.

Вот, похожий на осьминога, узник тянет к нежданным посетителям слабеющие щупальца. Вот заросшее зооморфное создание беззвучно взывает, открывая и закрывая пасть. Вот женщина, в лохмотьях, провожает процессию безумными глазами.

Этого уже Трегарт не мог выдержать, нарушая строй, он подбежал к наставнику.

— Где мы? Что за место? Кто эти несчастные?

— Преступники, а это — маленькие руки обвели планету, — тюрьма.

— Тюрьма? Планета-тюрьма? — Дункан с трудом представлял, за какие прегрешения живых, мыслящих существ можно обречь на... такое!

— Сама природа создала данный мир, а может... цивилизация древности, мудрее нас. Не только мы пользуемся, многие расы, народы. Почти идеальное место для наказания. Наши ученые установили — время в сотах течет циклично с интервалом в десять дней. Узники изнывают от жары, жажды, голода, потом раз — и все с начала. Но самое страшное — они помнят предыдущие циклы, они чувствуют течение времени, чувствуют и сидят здесь... десятилетиями, пока циклы не прекращаются.

— Но это же... это же...

Процессия замедлила ход, Трегарт едва не налетел на широкую спину впередиидущего охранника.

Они выстроились на стене. Трегарт опустил взгляд — ячейка под ними была... пуста.

— За нарушение законов Гильдии, — голос Гем Канна глухо звучал в окружающей тишине, — за преступные замыслы и действия, направленные против нее... бывший агент Эдон Данас приговаривается к заключению... в сотах!

Только теперь до Дункана дошел весь ужас происходящего. Не до него одного.

Несчастный, в форме без нашивок, словно очнувшись, дернулся всем телом.

— Нет, нет, только не соты! — он упал на колени. — Не оставляйте меня здесь! — он плакал. Зрелище не для слабонервных — плачущий взрослый мужчина. — Лучше убейте!

Охранники обхватили содрогающееся тело, и... столкнули вниз.

Как показалось Дункану, он летел долго, невообразимо долго, пока безжизненный куль, бывший некогда нормальным человеком, не коснулся каменного пола.

Разбился!

Нет, тело шевельнулось, подтянулись ноги, принимая позу зародыша. И он, оно продолжало плакать.

Ни звука не долетало до зрителей из каменной бездны.

Развернувшись, группа двинулась в обратном направлении.

13.

Они сидели в классной комнате.

Втроем.

Он, наставник и тишина.

Она была полноправным, не менее осязаемым, чем двое мужчин, членом их маленького круга. Каждый думал о своем, или все об одном и том же...

— За что его так? — решил прогнать третьего сомолчальника Дункан.

Наставник оторвал руку от бакенбард, которые непрерывно теребил, превращая роскошную поросль в непроходимые колтуны. Рука произвела сложный пасс. Вверх, затем через стороны вниз, и снова наверх.

— Запомни этот жест. Ранее, в старые времена, по нему узнавали пророков — божеских посланников. На многих, очень многих планетах он может спасти тебе жизнь, — маленькая ручка снова прочертила воздух в сложном движении. — А это — старое благословение мессий. Остались и те, кто еще помнит его. Жизнь агента непредсказуема, кто знает, может, пригодится. Это теперь насаждается стандартный культ со своими, строго установленными

и утвержденными заповедями, религиозными ритуалами и иерархией, а раньше...

— За что его так?

Наставник, словно, не слышал Дункана.

— Кто во что горазд. Кто что придумает, или как, думает, лучше. В том числе и свои, исключительно собственные, индивидуальные соображения о счастливом, в некотором роде, справедливом устройстве. Старые, добрые времена, святая наивность. Что бы ты ни придумал, как бы ни вбивал в тугодумные головы существ мыслящих... ты им толкуешь о любви к ближнему, а через какое-то время, они начинают спорить, кого понимать под понятием «ближний» и всех несогласных — на дыбу. Ты им завещаешь «не убий», а буквально через какой-то десяток лет, они уже утверждают, что заповедь касается исключительно высшего духовенства, всех же, кто против — в огонь! Ты им толкуешь «не делай зла», а они до хрипоты, до братоубийства и войн спорят о понятии «зло». За буквами, теряя суть. И это, в некотором роде, нормально. Мыслящие существа, какое бы обличье они не носили, всегда останутся мыслящими существами... Бывало, агента, который сам же и создал религию, и которого провожали, как мессию, как спасителя, через десяток лет, когда он возвращался, ожидая найти идеальное общество, жестоко умерщвляли, как еретика. Мыслящие существа, всегда мыслящие существа, какое бы обличье они не...

— К чему это вы? — не совсем понял Дункан.

— Тысячи миров, тысячи возможностей. Еще тысячи ждут своего часа, в некотором роде, нашего часа. Ожидают, когда их откроют, отыщут Проходы. И всем этим надо руководить, управлять, блюсти свои интересы, извлекать прибыль, в конце концов. Религия оказалась наиболее, да что там, почти идеально приспособленной для данных, в некотором роде, целей. Дешево, самораспространяется, долговечно. Можно задогматировать любые фантазии, вплоть до бредовых.

Сперва на планете высаживается, мы называем его — агент-мессия. В полном соответствии со званием, он несет свет нового, истинного — естественно — учения в массы, народ. Обычно, подкрепляя слова чудесами. Иногда, когда старые боги особенно сильны, в этом ему помогают другие агенты, на звездолете, сжигая с орбиты божественным промыслом старые храмы и разя молниями особо закоренелых ретроградов. Посеяв семена нового учения, оставив заповеди, мессия возносится на небо. Ты не представляешь, насколько каждая фраза, каждый жест, даже поворот головы и случайная улыбка просчитываются и отрабатываются. Затем, наступает очередь агентов-пророков. Главное, не ждать долго, пока аборигены не напридумывали собственных правил и заповедей. Вот здесь и крылся просчет — многие пророки пропадали, гибли. Тогда кто-то из великих понял — лучше боги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Боги?

— Боги, богини. Зачем мучиться с мессией, пророками, выжидать десятилетия, когда можно посадить в мир сразу, в некотором роде, живое божество, не допускающее иных толкований писания и держать его под полным контролем. Ты не поверишь, но даже в высокоразвитых, высокотехнологичных мирах, схема работает почти без сбоев.

Хотя, пришла новая трудность. Агентов-богов готовят по специальной программе, отбирая одного из тысячи. Это трудно, очень трудно, тяжело и в первую очередь, в некотором роде, — психологически. Когда тебя — простого человека обожествляют даже не миллионы — миллиарды, когда от твоего взгляда, жеста зависит жизнь, благополучие этих

существ, когда любое твоё слово, даже чих, воспринимается, как откровение... к тому же в мире столько несправедливости и ты, ты можешь её исправить, я уже не говорю о соблазнах... Многие, больше, чем хотелось, срываются, хоть и с божественной властью, но они всего лишь люди. Сходят с ума, или, действительно, воображают себя богами, что одно и то же. И это становится все большей проблемой.

— Вы хотите сказать, что осужденный несчастный — бывший бог?

Дункан попытался представить, каково это — еще вчера, ты повелеваешь миллиардами, одному твоему жесту, полуслову подчиняются правители десятков планет. Всеобщее преклонение, раболепие... а в следующий миг... соты...

— Откуда я знаю, может бог, а, может, в некотором роде, простой агент, выдавший один из секретов Повстанцам. Хватит болтать, давай заниматься.

— Пусть даже так — бог, агент-предатель. Но соты, соты — это слишком жестоко. Даже садисты-убийцы не заслуживают такого...

— Сынок, любая организация, структура — от одноклеточного организма до межпланетной корпорации стремится защитить себя, сохранить свое существование — это её цель и именно на это направляются основные ресурсы, даже если на первый взгляд, все выглядит иначе. Например — получение прибыли, или захват рынка — это всего лишь средства, следствия самосохранения. Революции, сохраняя себя, перемалывали создателей, а тут... простой агент...

— Тогда, может, нет нужды в таких организациях?

— А вот последнего, я сделаю вид, что не слышал. С подобными мыслями — прямая дорога в соты. В конце концов, мы будем сегодня, в некотором роде, заниматься?

14.

На следующее утро, подходя к классной комнате, Дункан остановился, услышав из-за приоткрытой двери голоса. Один — спокойный — принадлежал наставнику, второй... главе службы безопасности Гмем Кану. От последнего, у Трегарта по спине дружно забегали мурашки.

— Твой подопечный, он готов?

— Не совсем, — осторожно ответил учитель.

— Не совсем! Слишком долго возишься.

— Сколько требуется.

— Мне нужен Прыгун, один из божков опять зарвался.

— Но...

— Никаких но, скажи, через час, в полной экипировке, его ждут в Зале Перемещений.

— Как я сказал, он еще не совсем готов.

— Значит, не повезло!

Дверь открылась, Дункан едва успел отойти.

— А-а, ученичек, — под взглядом холодных глаз Дункану захотелось забиться в щель и... не высовываться. — У наставника для тебя хорошая новость. Да, и не забудь зайти в костюмерный отдел, тебе выдадут подходящее облачение.

Бросив это Дункану, как толстосум бросает милостыню, Гмем Канн зашагал по коридору.

Трегарт осторожно заглянул в класс. Наставник сидел на месте ученика, даже гордо торчащие бакенбарды, казалось, поникли.

— Что случилось, учитель?

Длинная рубаха из грубой ткани, подпоясанная простым войлочным поясом, с непривычки царапала тело. Поверх рубахи, Дункана заставили надеть легкий темный плащ, вроде хламиды, только с капюшоном. Слава богу, на кожаных сандалиях — лучших друзьях мозолей — они не настаивали.

Рядом семенял наставник.

— Это первое задание, помни, чему я, в некотором роде, учил тебя.

— Ага, — тело, возмущенное подобным отношением к себе, мстило зудом в самых неожиданных местах.

— Первое задание, что-то вроде проверки. Агента никогда не отправляют самого. Более опытный напарник выполняет роль и командира, и учителя, и экзаменатора, и надзирателя.

Они пришли.

Вздыхнув, Дункан потянул дверь Зала Перемещений на себя. К зуду от хламиды прибавились мурашки в близости Проходов — полный комплект.

За дверью, в компании нескольких техников стоял одетый, подобно Дункану, гуманоид. Кошачьи глаза с вертикальными щелками равнодушно скользнули по Трегарту. Хламис напарника отливал серебром, а вытянутую, без намека на растительность и уши голову украшала небольшая светлая чалма.

Один из служащих подошел к новоприбывшим.

— Дункан Трегарт?

— Д-да, — голос дрогнул, Дункан надеялся, что от волнения.

— Капсула Невидимости, — техник вытащил пневмошприц и кивнул на плечо Дункана.

Верткий рукав никак не хотел задираться. Не так он представлял свое посвящение в агенты. Конечно, фанфар и цветов не существовало даже в грезах, но все же...

Холод прибора на руке, легкий щелчок.

— Ни пуха, — вздохнул наставник, — не подведи.

В то время правил на земле Кецаль именем своим.

И вопль сынов земли достиг ушей Господних.
Кецаль прогуливался своим садом.
И явился ему Призрак в пламени огня.
И воззвал к нему Призрак из среды огня:
Кецаль! Кецаль!
Он сказал: вот я!
И сказал Призрак: Я бог сущего, Бог не сущего,
Бог сотворивший твердь и сотворивший не твердь,
Бог, сотворивший свет и сотворивший тьму.
Кецаль пал ниц и закрыл лицо свое,
Потому что боялся взглянуть на Бога.
И сказал Призрак:
Мы увидели страдание народов наших,
Мы знаем скорби его.
Ты — Кецаль избран,
Ты поведешь народ наш путем Призраков.

Священный текст религии Призраковерцев

атируется вторым тысячелетием нашей эры.

1.

— Нет, не подумайте, я не против новых богов, даже наоборот, всей душой... — бокал эля, к которому больше походило определение «бочонок», поднесенный ко рту, на некоторое время пресек словесный поток, — вот, но... — волосатая рука отерла верхнюю губу, не уступающую конечности в обилии рыжей растительности. — Но... с тех пор, как на святого Кецаля, да не оглохнут уши Всеслышащего, снизошло откровение, перевозки ухудшились. Мало кто желает, рискуя жизнью, тянуть товар в другую систему, когда можно его, пусть и дешевле, продать на месте. Не подумайте что, Всеслышащий и меня осчастливил, я не меньше, а может, больше него ненавидел эти... лжекульты, но перевозки стали хуже. Куда прикажете деваться старому космическому волку — я завишу от них!

В припортовом заведении было полупусто — лишь подвыпивший капитан, да несколько пьяниц больше интересующихся содержимым своих кружек, нежели откровениями звездолетчика. Пока он готов был наполнять кружки, они готовы были слушать его жалобы вечно.

Золот — напарник Дункана направился к столику с пьянствующими.

Проход выбросил их на планету с теплым климатом, на которой зажигалось утро — все,

что мог сказать Дункан.

В городе — небольшом селении с тесными улочками, зажатыми между унылыми серыми домами, Трегарт сразу заметил старый знакомый — минарет. В отличие от миров Орты, строительство было не закончено — недостроенный палец башни грозил небу обгрызенным ногтем брошенных стен.

— Стандартная религия — минареты, храмы, заповеди, ритуалы, во всех вселенных, все примерно одинаково, лишь немного подгоняется под местную ментальность.

Это была едва ли не самая длинная речь, произнесенная напарником за время знакомства. Обычно на вопросы Трегарта, тот отвечал односложными фразами, словно делал ему величайшее одолжение.

Трегарту же было все интересно — его первое задание!

— Почему они недостроены?

— Кто?

— Минареты.

Холодные, немигающие глаза уставились на человека с явным намерением пробуровать его насквозь.

— Религия только начала закрепляться... — Золот на мгновение запнулся, словно раздумывая, стоит ли продолжать фразу. — Важно не допустить отмежевание вселенной от Гильдии. Потом трудно исправлять.

— А как узнали, что здешний бог желает отсоединения? Может он просто... заработался.

Напарник вздохнул.

— Прекратились донесения агентов, приставленных к нему. Любой агент, а боги особенно, нуждается в присмотре. Шпионы, которых посылали разведать обстановку — не вернулись. Такое случается, но не часто. На приказы прибыть в штаб, он отвечает отговорками. Поток материальных ценностей пока не иссяк, но, как мы подозреваем, это для усыпления бдительности.

— И каково же, в свете вышесказанного, наше задание?

— Привести агента-бога на базу!

— Бороться с божеством в его же мире? С чувством юмора у боссов все в порядке. Каковы планы? Разрушим, для начала, пару алтарей?

Золот засопел дырявой пароваркой.

— Необходимо перебраться на Толлан — планету, где обитает Кецаль.

— Кецаль?

— Здешнее имя агента-бога.

— Мы еще не там? Я-то думал... Почему? Разве на Толлане нет Проходов?

— Телепат Кецаля мигом обнаружит Прыжок. Есть подозрение, пропавшие агенты именно так попались.

— Вы подозреваете, Телепат перешел на его сторону?

— Телепатам все равно, кому служить. Приоритеты власти и этические принципы их не волнуют. О мотивации их поступков вообще мало известно. Мы считаем — Телепатами движет голод, жажда новых мыслей, но возможно...

Речь Золота прервал далекий, но такой знакомый крик мудзина.

— Становись на колени, — напарник опустил в придорожную пыль. — Агент не должен выделяться.

— Вы капитан того судна?

На заброшенном поле космодрома стояла груда покореженного металла; только по наличию сопл в конструкции угадывался звездолет.

Проследив за пальцем Золота, глаза космического пьяницы потеплели.

— Моя красавица... — глаза вернулись к нагледцам, посмевающим вторгнуться в ритуал священного питья. — Если и так, что с того?

— Два пассажира, до Толлана.

— А не пошли бы вы, мне и здесь неплохо...

Кошель, в котором что-то звякнуло, аккуратно опустился на стол.

— До Толлана, так до Толлана, — мигом протрезвел капитан.

2.

Крик мудзина застал Адаллу на полпути между кварталом гончаров, откуда вышел немолодой красильщик и кварталом скорняков, куда Адалла нес прохудившиеся сандалии.

«Нет богов, кроме призраков, и Кецаль пророк их».

Адалла опустился на колени.

Прямо перед ним поднималась деревянная вышка, откуда священник оглашал слова Откровения.

— Кто вы?

— Дети.

— Еще?

— Слуги.

— Еще?

— Рабы.

Невдалеке от Адаллы молился богато одетый ящероподобный магритинец. Вытянутое лицо едва не касалось земли, безгубый рот, неловко разеваясь, бормотал слова молитвы, отвечая на вопросы мудзина. Магритинцам нелегко — их глотки приспособлены более для шипения, чем для нормальной речи.

— Кто над вами?

— Кецаль.

— Кто над Кецалем?

— Призраки!

Здесь, на этом самом месте, где они с магритинцем пачкали пыль, стоял храм Ираса. Адалла еще помнил его — высокие башни с изваяниями нечистого бога, окна с цветными стеклами, ворота, всегда открытые. Внутри, во дворе, постоянно людно — нищие и калекки всех форм и размеров изгалялись, выцарапывая милостыню...

— Кто над Призраками?

— Никого, — вместе с магритинцем ответил Адалла.

Кто бы мог подумать, что религия, бог кочевников с севера, которых никто не принимал всерьез, окажется столь могущественен.

Когда он появился — сам — в блеске и величии, молниях и пламени... Адалла помнил этот день, о-о-о, он помнил, и расскажет о нем своим детям, а потом, если Призраки дадут,

внукам.

Когда Кецаль, да будет царствие его вечно, начал рушить старые храмы — проклятиям было несть числа. Но... то ли старые боги, действительно, умерли, как говорили церковники Кецаля, то ли оглохли к словам ревнителей. Вопреки проклятиям — новая религия процветала, принимая толпы верующих в жизнелюбивое лоно.

— Нет богов, кроме Призраков и Кецаль — пророк их!

— Так есть!

Теперь, когда Кецаль объявил, что он не бог... что он всего лишь пророк и служит другим, более могущественным богам... Адалла, как и многие его знакомые, испытывал некоторое... замешательство.

Теперь, как в свое время храмы проклятого Ираса, по всему городу разрушались почти достроенные башни Кецаля, а на их месте... кто такой Адалла, чтобы обсуждать деяния бога, то бишь — пророка, однако изваяния новых божеств... Каждый раз, проходя мимо них, Адалле хотелось сделать жест, отводящий нечистую силу. Высокие, в черных одеждах, с капюшонами, закрывающими лица...

— Так есть! — эхом повторил мудзин. — Ступайте и помните об этом!

— Помним.

Адалла поднялся с колен, отряхнул пыль, посмотрел на сандалии — что Ирас, что Кецаль, что Призраки — обувь всегда нуждается в починке, а в конце месяца всегда приходят священники за положенной десятиной.

3.

Толлан встретил путешественников унылым сиянием посадочных огней.

На изъезвленном поле небольшого космодрома, кроме их корабля, стояла парочка космических корыт, не разваливающихся только силою крепкого словца капитана и привычки держаться вкуче.

— Во имя Призрака, милостивого и всемогущего, кого принесло в такую ночь? Клянусь сотрясателями основ, только огнепоклонники Зумама, да прислужники Ираса, тьфу, тьфу, нечестивцы бодрствуют до появления Всевидящего Ока, обдывая свои богопротивные делишки.

К кораблю двигалась сгорбленная фигура зрителя. Светочем истинного учения, тусклый фонарь освещал худую руку, да скуластое лицо под серой, наспех намотанной чалмой.

— Успокойся, Наср, это я, — следом за пассажирами на скрипучий трап выбрался капитан корабля.

— Кто я, или ты думаешь, мои старческие глаза, подобно очам пресветлого Кецаля, способны пронизать тьму, дабы читать в душах грешников, как в свитках.

— Я, Хасиб.

— А-а, старый пьяница, — успокоился зритель. — А с тобой кто?

— Пассажиры.

— Ночевать не пушу. Пусть тащатся в город! — зритель растолковал ответ капитана по-своему. — Не далее, как на прошлой неделе, останавливались одни... пассажиры. На утро недосчитался придверного коврика. Ну скажи, Хасиб, зачем им, во имя Призраков,

понадобился грязный, обтрепанный придверный коврик? Куда мир катится...

Золот протянул капитану очередной кошель.

— Будешь ждать нас три дня, если не появимся — свободен. И постарайся не пропить деньги в первые сутки.

— Обижаете, — глаза астролетчика горели предвкушением.

Агент взглянул в сторону огней раскинувшегося за космодромом большого города.

— До рассвета будем на месте.

— Золот, — Дункан дотронулся до рукава напарника. — Что за призраков они все время вспоминают? Сначала капитан, теперь этот, уж не тех ли...

— Местные суеверия, — отмахнулся напарник и двинулся в сторону покосившихся ворот космодрома. — Пошли!

Послушной собачонкой, Дункан засеменял за гордо выпрямленной спиной.

Покидая маленький космодром, у дощатого, местами прогнившего забора, Дункан обернулся.

Или показалось...

У толстых опор их звездолета, озаренная отсветами остывающих сопл, стояла фигура... темные развевающиеся одежды, длинные волосы, тяжелый, не смягчаемый расстоянием взгляд немигающих глаз.

Призрак! И местные поминают призраков — одни и те же?

Трегарт помотал головой.

Фигура исчезла.

Весь путь до города, мужчину не оставляло ощущение, что за ними кто-то наблюдает.

4.

Далекий от теплого ветерок, далеким от приятного образом обвивал тело.

Из окна дуло!

Пропитанная пылью портьера отказывалась прибавлять настроения. Отчаянно хотелось чихнуть.

Обуздав очередной естественный порыв простым зажатием носа, Ах Рам тихо выругался.

Моча Кецаля и экскременты Кецаля, как только завершится месса, прикажу выстирать все занавески... и заложить, наконец, проклятое окно!

Из-за портьера, отделяющей нишу Ах Рама от остальной комнаты, доносилось усиленное пыхтение, разбавляемое довольными стонами. Оргия — неотъемлемая и наиболее популярная часть мессы. Ах Рам не льстил, во всяком случае, не себе — именно из-за оргий — вседозволенного разврата, прикрытого ширмой ритуала и покровом темноты, в лавы секты вливается большинство неофитов.

Ранее, в молодости, и он любил оргии. Теперь, когда на Ах Рама маска Командора, пусть молодые резвятся, Ах Рама вполне устраивало общество нескольких постоянных любовников.

Командор почесался. Больше сквозняка беспокоил зуд. Верхняя часть тела Ах Рама была

покрыта черной краской — цвет ночи — цвет смерти — цвет их повелителя — Принца Тьмы Ираса. Нижняя — золотой — цвет вечного противника Ираса — ненавистного Кецаля. Как на его теле — ночь попирает день, так и Ирас в будущем подчинит себе Пророка Света, и темные силы на веки вечные воцарятся в обитаемых мирах!

Мстя за отступничество, зудела нижняя часть туловища. Вся. Эскулапы говорили — аллергия на тирну — один из компонентов золотой краски. Но Ах Рам знал истинную причину недуга — Кецаль мстит, мстит одному из своих священников, ставшему на стезю служения истинному богу!

Пыхтение прекратилось, сменившись расслабленными вздохами.

В нише посветлело. Это двое служителей вновь зажгли ритуальные факелы.

Отдернув штору, Ах Рам вступил в помещение.

Знакомая картина — разодранные одежды, полуголые тела, на черном бархатной алтаре — распотрошенная тушка поросенка.

От удовлетворенной груди отделился раскрасневшийся юноша. На коленях, он пополз к Ах Раму.

— Повелитель, я отдаю тебе то, что было дано мне! — не без труда обращаемый отодрал клоч одежды и протянул его Командору.

На прыщавом, совсем не красивом лице все еще горел огонь страсти. Разодранное платье было не из дешевых.

«Конечно, не аристократ, но какой-нибудь купеческий сынок. Из новых, думающих, что обилие денег ставит их выше других».

— Ты хорошо служил мне, а впредь служи больше и лучше!

Одна рука приняла лоскут, пальцы второй погрузились во внутренности жертвенного животного.

Кровью Ах Рам начертал на потном лбу неопита знак секты, знак Ираса.

— Посвящаю тебя влагой нечистого животного в наше братство! Отныне и навеки, твой кошелек, твоё тело и твоя душа принадлежат Ирасу. Истинному господину этого мира!

Братья и сестры с пола приветствовали свежепосвященного вялыми криками.

Помощники, в который раз, задули факелы.

Не теряя времени, Ах Рам юркнул в привычную нишу. Когда свет зажжется вновь, его в комнате уже не будет. Немного таинственности никогда не помешает.

Из ниши, прямо в покои Командора, вел короткий ход. По счастью, без сквозняков.

— Ваша Непримиримость, — на выходе его встретил молоденький служка, — к вам посетители, двое, они назвали тайное слово, но они — чужаки!

5.

Один из гостей был его расы «симпатичный», — отметил Командор, второй — помоложе — из этих, с растительностью на голове.

— Смерть Кецалю!

Ах Рам только снял маску и накинул халат.

— Хвала Ирасу! — поднялись посетители.

Ах Рам тяжело опустился в кресло, закинув одну зудящую от золота ногу на другую.

— Мы рады приветствовать братьев по вере на Толлане. Но кто вы, откуда, почему я вас

не знаю?

Отвечал симпатичный.

— Свет истинного учения распространил сияние далеко меж звезд. Мы с Кланты — далекой планеты в системе Миар. Наш Командор шлет привет своему более именитому собрату, и в качестве знака почтения и братской любви передает, — увесистый кошель опустился на стол.

Ах Рам поднял подарок, взвесил на ладони, пальцы все еще были в крови жертвенного животного.

Худая щека одного из гостей — молодого дернулась.

— Брат с далекой Кланты не одобряет наши ритуалы? — вкрадчиво поинтересовался Ах Рам.

Симпатичный строго посмотрел на спутника.

— Брат Дункан еще слишком молод, но хвала многомудрому Ирасу, это временный недостаток.

Ах Рам кивнул, этой молодежи лишь бы оргии да пляски, а жертвоприношение они, видите ли, считают излишней жестокостью. Что бы моралисты сказали о старых временах, когда в качестве жертв пользовали живых младенцев.

— Чем могу служить братьям с Кланты?

— Нам необходимо попасть во дворец Кецаля. У вас есть люди?

Ах Рам сплюнул.

— Некоторые братья и сестры, преодолевая отвращение, вынуждены служить Светлому. Воистину, это духовный подвиг...

— Отлично. Интересует, очень интересуется западное крыло...

6.

Дункан всю голову вертел, пытаясь рассмотреть красоты столицы.

В темноте это оказалось несколько проблематично. На дворе стояла, сидела, иногда лежала ночь.

Третий раз, в третий раз в этом мире, он выбирался в город, и в третий раз это происходило после заката.

Впереди, безошибочно отыскивая нужные переулки в лабиринте зданий, маячила спина проводника.

— Аборигены, помогающие нам, кто они?

Темнота ответила равнодушным голосом Золота.

— Сектанты, противники официальной религии.

— То есть, религии, насаждаемой Гильдией? И вам известно их местонахождение?! Разве Гильдия не должна бороться с подобными организациями?

— Должна, и она борется, официально, а не официально, мы поддерживаем некоторые из этих течений, даже финансируем. Естественно, они и понятия не имеют, об истинном происхождении дотаций.

— Как-то не вяжется. Гильдия силой и чудесами насаждает свою религию, то бишь — власть. И здесь же поддерживает антивластные группировки.

Золот вздохнул и начал объяснять тоном учителя, втолковующего прописные истины

бестолковому студиозу.

— Во-первых, финансируя, мы их — контролируем, и развиваются, и действуют они в соответствии с нашими, то есть, принятыми Гильдией планами. Лучше мы — чем кто другой.

— А во вторых?

— Во-вторых, в случае бунта Бога, что очень вероятно имеем в данной вселенной, есть на кого опереться. Существует несколько миров, где мы даже привели эти группировки к власти. Нет разницы, какое имя носит вседержитель: Кецаль, Ирас — главное, во главе находится доверенный агент Гильдии и выполняет свои функции.

— Как я понимаю, агенты-боги не подозревают о финансировании Гильдией оппозиции?

— Естественно.

— Значит, и в мире Орты...

— Ты что-то сказал?

— Нет, ничего. Ты видел, у этого, главного сектанта, руки были в крови?

Золот снова вздохнул.

— Если официальная религия проповедует всеобщий мир и любовь, неудивительно, что антирелигия ударяется в кровавые ритуалы. Большинство из подобных сект в той или иной мере практикует жертвоприношение.

— А если они приходят к власти?

— Все можно изменить, и заповеди божества в том числе, особенно, если это божество присутствует, так сказать, во плоти.

Проводник задержался у выплывших из темноты развалин. Остатки полуразобранных стен почти вывезли. В округлых очертаниях, Дункан узнал фундамент минарета.

Из центра бетонной площадки, вместо башни, поднимался гранитный постамент.

— Тьху! — проводник плюнул под ноги. — Проклятый Кецаль разрушает башни по всему городу! На их месте он ставит алтари гнусных Призраков!

— Призраков? — оживился Дункан.

— Вот мы и получили доказательство предательства бога!

В голосе напарника звенели нотки истинного удовлетворения.

Каждый слышит свое.

7.

— Вашей Святости еще что-нибудь угодно?

— Нет, Ранер, можешь идти.

— Слава Кецалю! — с поклоном, слуга покинул покои... бога.

Агент невесело усмехнулся, «Ваша Святость», «Ваша Божественность» — это повторялось десятки раз в день, семь дней в неделю, триста восемьдесят в году... это повторялось столько раз, что он почти поверил, свыкся, принял мысль, что он — рядовой агент Гильдии — Бог.

«Слава Кецалю», «Великий Кецаль», — имя, данное для задания, вошло в плоть, поры, срослось с телом и сознанием, вытеснив непрочный набор звуков, на который он некогда откликался, данный при рождении.

Принимая этот пост, он искренне надеялся служить Гильдии, быть светочем ее, глазами и ушами, воплощением идей и исполнителем воли, блюстителем интересов в этом мире.

Он искренне осуждал агентов-богов, выступивших против доверившейся им организации...

Теперь... о-о, теперь он понимал — восстание бога — вопрос времени.

Когда сотни, тысячи, миллионы подданных ежедневно твердят об этом, искренне веря в сказанное, трудно спорить.

Да и кто он такой, чтобы не соглашаться с миллионами? Возможно... они правы...

Кецаль не сомневался, так, или примерно так, рассуждало большинство восставших божеств.

И закончило свою жизнь в сотах.

— Ваша Святость, к вам посетители.

«Наконец-то!»

— Проси!

Он — нет. Он будет править, долго, очень долго, всю жизнь. После него будет править его сын, потом — его... Потому что, в отличие от лжебогов — ставленников Гильдии, он — Кецаль — служит истинному Богу, Богам. Настоящим, реальным хозяевам межвселенья!

Ему — Кецалю — хватило ума и сил скинуть с себя оковы божества, променяв их на мантию пророка. И он поведет за собой — в гостеприимное лоно новой религии — миллиарды верующих!

Благодаря Документу — небольшому листку желтой бумаги, ниспосланному — Кецаль не сомневался в этом — новыми хозяевами, Кецалю удастся отделаться от Гильдии. Этим занудам, будет просто не до него — одного из сотни восставших божков...

«А если не получится?» — от мысли веяло ледяным холодом... каменных шестигранников.

В коридоре с неотвратимостью судьбы, звучали приближающиеся шаги.

«Если не выгорит?!» Паника, страх, животный страх начали заполнять душу. Усилием воли, Кецаль обуздал, точнее, попытался обуздать малодушные порывы. «Если союзники обманут, а боги...»

В поисках поддержки, взгляд уперся в уродливое, как всегда безучастное, лицо Телепата.

Казалось, существо спало.

«Интересно, знает ли он, о чем я сейчас думаю?»

Кецаль вглядывался в это лицо, словно в икону, словно в лик... божества.

«Предупреди! Спаси! Сохрани!»

Многие, да что там, никто не доверял Телепатам. А он верил. У него просто не было выхода.

«Не дай погибнуть!» — помолился он то ли уродливой маске, то ли новым хозяевам.

На развилке, они свернули в левый проход, затем поднялись по крутым ступеням, после них снова раздвоение... Дункан сбился со счета, окончательно запутавшись в бесконечных поворотах, спусках, подъемах и ответвлениях. Если в начале путешествия, чувство

направления еще что-то указывало ему, то теперь, после всех блуканий, он не мог даже сказать, в какую сторону они движутся, вполне вероятно, что назад...

— Ты не можешь игнорировать. Призраки, пророки — наш восставший бог городит какую-то свою религию.

Темнота отвечала мерной поступью проводника.

— Золот!

— Да, — отозвался мрак после длиннющей паузы.

— Ты слышал, что я сказал?

— Какая разница. У нас есть оступившейся агент и наша задача доставить его в штаб Гильдии, для справедливого разбирательства, возможно, суда, — не очень дружелюбный голос напарника в темноте проходов звучал приговором зловещего рока.

Ответ был далек от ожидаемого, но лучше никакого.

И снова потекла путаница коридоров, проходов и ступеней.

— Откуда ты знаешь, куда идти? Откуда ты вообще знал, что во дворце, в этом самом западном крыле, имеется в ход в потайной лабиринт?

Некоторое время темнота отвечала недовольным, а может, сосредоточенным, сопением.

— Стандартное устройство дворцов. Перед тем, как селить бога, мы возводим жилище. Тайные ходы заложены в проекте, заложены Гильдией. Это секрет, ни один бог не знает о них.

— Доверие прямо таки фонтанирует — оппозиционные секты, потайные ходы, и Гильдия еще осуждает оступившихся агентов.

— Ты тоже член Гильдии!

— Да, — Дункан отчего-то чувствовал себя виноватым, к вине прибавилось еще и ощущение, что за ними следят... — Куда мы движемся?

— К покоям бога. Когда произведем арест, сразу к Проходам. Оттуда, ты — Прыгун, перенесешь нас.

— Если все так просто, зачем было велеть бравому капитану космического корыта ждать нас?

— Запасные пути, пути отступления.

— А не проще было дать нам Камень, с помощью его, я бы перенес нас, откуда угодно и куда угодно. Или Гильдия не доверяет своим агентам?

— Высока вероятность попадания ценного инструмента к врагам.

— Черт! — Дункан ударился о низко расположенную балку. — Я едва лоб не расшиб, мог бы предупредить!

Золот промолчал — лоб Дункана его волновал мало.

Они свернули в очередной проход, поднялись по скользкому пандусу и едва протиснулись в узкий, по счастью, не длинный лаз.

— Черт бы побрал этого бога!

— Не думай плохо о боге, — серьезно предупредил Золот. — Лучше вообще не думай. Мы приближаемся к его покоям, если там Телепат, он может вычислить нас даже по следу мысли.

Едва он это сказал, в голову Трегарта, теснясь и толкаясь, толпой, потоком, водопадом полились мысли. О боге, о задании, о Призраках, о Камнях, об Орте, Золоте, снова о боге... едва удавалось отогнать одну, ее место тут же занимала другая. Обычно люди прилагают усилия, чтобы о чем-то подумать, что-то понять, здесь же... Трегарт не представлял, что

просто, ничего не делая, не думать настолько сложно.

Перед Кецалем стояло двое — один челок, второй гуманоид с тремя глазами и обилием щупалец на сплюснутой голове. Выказывая родство душ, на обоих был пестрые, не первой свежести тряпки.

«Может, это политика Повстанцев — отбирать тех, кто грязнее одевается?»

— Как мы можем доверять тебе? Ты — один из Гильдии, хоть и, как уверяешь, оставил ее. Предавший раз — предаст дважды, — говорил плоскоголовый, смешно шевеля щупальцами.

Кецалю было совсем не до смеха. Он взглянул на Телепата. Уродливое лицо оставалось неподвижным, если что — подаст знак.

— Я рискую больше вашего — свободой, жизнью. С любых позиций сделка для вас выгодна, очень выгодна. Получить Компьютер, возможно последний из Компьютеров Основателя, за это можно просить в десятки, сотни раз больше, я же требую всего лишь защиты, для меня и моей вселенной, на первых порах. Очень скоро, если дело выгорит, Гильдии станет не до меня, Повстанцы получают огромную, неограниченную Гильдией власть... но не в моей вселенной.

Щупальца гуманоида дернулись. Кецаль кинул взгляд на Телепата — все нормально.

— Мы так же рискуем. По твоему совету, мы захватили столицу вселенной Орт, Гильдия это так не оставит...

— Поэтому дорога каждая минута, но, вместо действий, вы упражняетесь в риторике, выискивая спорные пункты в договоре. Господа, я говорил и повторю — обсуждение бессмысленно. Вы — либо принимаете мои требования, либо нет, а они просты: вечная независимость и неприкосновенность вселенной со мной и моими потомками во главе, свободный доступ к Проходам, ко всем Проходам, беспрепятственные путешествия вашего покорного слуги, равно, как и моих людей по вселенным, миссионерская деятельность, беспоштинная торговля...

— Хватит, нам известны все пункты! — перебил гуманоид.

— Тогда, чего мы ждем? Одно ваше слово, и я назову планету.

Кецаль почувствовал, что лоб, под митрой, покрылся испариной.

— Компьютер может оказаться в нерабочем состоянии...

Кецаль развел руки.

— Риск всегда имеет место.

— Ладно, — заговорил человек, у него оказался на редкость противный, каркающий голос. — Мы согласны. Где Компьютер?

— Согласны со всеми пунктами? — уточнил Кецаль. Как он ни старался, голос дал слабину.

— Да! — прокаркал Повстанец.

Дрожащей рукой, бог указал на пергаментный свиток, на столе, перед послами.

Скрипя пером, человек неловко вывел свою подпись, затем приложил рядом с ней отпечаток большого пальца. То же сделал и гуманоид.

— Отлично, — всеми силами сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, Кецаль подошел к

столику и скрутил договор.

Холодный пергамент грел кожу рук, от них распространяя тепло по всему телу.

— Отлично, — повторил Кецаль.

— Теперь мы можем узнать месторасположение Компьютера? — каркнул человек.

— Теперь можете, — Кецаль вернулся на свое место — золотой трон с собственным изображением на широкой спинке. — Проход с планеты Элизия в мир Трех Лун, далее в документе было сказано: «Когда младшая сестра возвысится над старшей, но останется ниже средней, стрелы глаз укажут путь, ищи там, откуда пришел, удача улыбнется избранному».

— Это все?

— Да.

— Не слишком понятно. Мы можем посмотреть документ?

— Нет, он распался у меня в руках, едва я успел прочитать текст.

— Очень удобно.

— Не забывайте, успех миссии и в моих интересах тоже.

— Где на планете Элизия искать Проход на планету трех лун?

— Откуда я знаю, — Кецаль позволил себе улыбнуться. — В документе об этом не было ни слова. А может, было, да я не успел дочитать... придется, потрудится и вам.

Лицо человека дернулось.

— Там, — в разговор вмешался новый голос. Кецаль не сразу сообразил, что это говорит... Телепат. Скрюченный палец урода указывал на стену, за троном. — Там мысли, враждебные, нас подслушивают, мы не одни...

10.

— Идиот! Кретин!

Внутри у Золота все кипело — агент снюхался с Повстанцами. Сдерживаемое негодование, ненависть, возмущение, Золот выплеснул на напарника.

— Я же сказал, не думать!

— Я... только... — тот часто и виновато моргал.

Проклятый желторотик с начала задания раздражал Золота, доставая своими расспросами, теперь еще и это.

Удар в стену прервал выяснение отношений.

— За мной! — не озаботившись проверить, выполнил ли напарник указание, Золот юркнул в проход, ведущий к нижним этажам.

Часы, потраченные на тренировки в аналогичных дворцах, не прошли даром. Золот ориентировался в темных ходах, как у себя дома.

Где-то здесь, слева, должен быть лаз, проходящий мимо кухни. Рука, ощупывающая кладку, ушла в пустоту. Золот юркнул за ней. На секунду он задержался, чтобы затянуть собиравшегося пронестись мимо напарника.

«Послал бог помощника!» — Золот не очень задумывался, какого именно бога он винил в этот момент.

Позади, с грохотом, рухнула часть стены.

— Ваша Божественность, здесь какой-то ход!

И далекий голос Кецаля:

— В погоню! Остальные, простукивайте стены, ломайте!

Протиснувшись с напарником сквозь лаз, Золот оказался в относительно широком коридоре. Правый рукав вел к комнате с Проходами — дворцы всегда строились в местах наибольшего сосредоточения Проходов. Хоть и весьма заманчивый, Золот отменил этот путь — двери ниш, наверняка, были закрыты.

Значит — налево. Мимо тронного зала, спален слуг и вниз — к конюшням.

Учитывая обилие и запутанность ходов — шансы выбраться были довольно высоки.

Постукивание слева отозвалось в голове тревожными молоточками.

— Здесь, здесь пустота! — приглушенный голос тут же сменился ударами в стену.

— Сюда! — увлекая напарника, Золот кинулся в противоположном направлении.

Что ж, конюшня отпадала, однако, не доходя до Проходов, насколько помнил Золот, одно из ответвлений вело к дворцовому гаражу.

«Если удастся захватить флайер, или на чем они здесь перемещаются...»

Стена позади с грохотом рухнула.

— И тут коридор!

По счастью, беглецы вовремя свернули за угол.

Однако, топот ног за спиной совсем не прибавлял оптимизма.

Снова блукание по каменным прямоугольникам.

Вот и ход, ведущий к гаражу. В спешке, Золот едва не пропустил его.

Крики преследователей, паутиной, заплетали пространство позади.

Ступени. Шумное дыхание напарника. «Люди! — не без презрения подумал Золот». К гаражу вел один коридор, всего один, без развилки и ответвлений.

За спиной стояли крики и рушились стены, впереди — была свобода!

«Они не могут, просто не должны найти и его! По теории вероятности...»

Низвергая теории, в обозримом пространстве послышался стук.

— Нашел!

Стук сменился глухими ударами.

Кусок стены, поднимая тучи пыли и неся свет темному царству мрачных, но спасительных ходов рухнул за несколько метров от беглецов.

В проломе показалось вытянутое лицо в шишковатом шлеме дворцовой гвардии.

— Они здесь, я их вижу!

11.

— Нет, каков подлец, каков подлец. Отступник, сволочь — снюхался с Повстанцами!

Камера была светлая, чистая, с удобными двухъярусными кроватями, но... она оставалась камерой.

Золот подбежал к окну, вымещая ярость на толстых прутьях решетки.

— Предать кого — Гильдию! Организацию, которая ему все дала, обучила, сделала богом!..

Дункан впервые видел напарника в столь возбужденном, и, самое главное, многословном состоянии.

Оставив решетки, Золот подбежал к Трегарту.

— Мы должны, слышишь, должны выбраться, во что бы то ни стало! Если кто-то из

нас... погибнет, другой доложит Гильдии о том, что здесь творится. Это приказ! Нет, каков подлец, еще и Компьютер приплел... хотя... если он... существует...

Дункан оживился — вопрос с загадочным компьютером, обладающим немалой ценностью, весьма интересовал его.

— Что за компьютер? — ко всему, это была возможность переменить не очень приятную тему разговора.

Золот смерил его тяжелым взглядом.

— Компьютер Основателя.

— Хита Санникова?

— Угу.

— Основателя Гильдии?

Золот кивнул.

— И... — не выдержал Дункан.

— Тогда было такое время... Санников хранил все данные — новооткрытые вселенные, карты Проходов, и многое другое в компьютерах. Чтобы не утратить информацию, он создал несколько машин, в разных мирах...

— Не доверял?

Золот снова потренировал на Дункане тяжесть взгляда очей.

— Он оставил документы: карты, маршруты, где найти, как добраться к Компьютерам. По-видимому, одна из таких карт попала к Кецалю... Каков подлец, принеси он ее в Гильдию, в штаб, агент мог бы рассчитывать на смягчение приговора... Его бы высадили на отсталую планету, без Проходов...

— Почему так ценны Компьютеры? Неужели информация тысячелетней давности может что-то дать Гильдии, Повстанцам, кому бы то ни было?

— Считается, что Санников знал о многомирье много больше, нежели рассказал, оставил... лет двести назад вспыхнула настоящая лихорадка по поиску Компьютеров. Ходило множество карт, большей частью поддельных. Но некоторые... некоторым повезло, они отыскивали машины Основателя.

— И что? — Дункан аж привстал со своего места.

— Почти все Компьютеры оказались в нерабочем состоянии, а какие работали... отказывали после первых же вопросов. Не удивительно — сколько лет-то прошло. Постепенно, поиски сошли на нет, а официальная точка зрения остановилась на мысли, высказанной тобой — содержимое Компьютеров ничего не может дать современной Гильдии. К тому же, примерно в то же время начались первые проблемы с Богами...

— А если этот Компьютер существует и работает?

— Не может быть!

— А вдруг?

— Тогда тем более наш долг — доложить обо всем Гильдии!

Дверь камеры открылась. Почетный эскорт из двух рослых стражников ждал их.

— Его Святость, Всеслышащий Кецаль зовет вас!

были массивные металлические двери.

Одна из дверей, была гостеприимно открыта, обнажая каменную нишу.

— Комната Проходов, — комментируя очевидное, шепнул Золот.

Посередине, широко расставив ноги, стоял Кецаль.

До этого Дункан видел бога в смотровую щель и со спины, теперь он получил возможность рассмотреть того, как следует.

Высокий, широкоплечий, еще довольно молодой гуманоид. Миндалевидные глаза на лишенном растительности черепе спокойно изучали пленников. Скорее всего, он относился к той же расе, что и Золот, или очень близкой к ней.

На первый, да и на второй взгляд, на психа не похож.

Золот дернулся в руках охранников.

— Предатель! Отступник! Соты еще дождутся нового постояльца!

Кецаль улыбнулся, так улыбаются неразумному дитяти, утверждающему, что земля плоская, так как никакого закругления он не видит. Следовало признать — улыбка у того была искренняя и вместе с тем, преисполненная достоинства — настоящая улыбка... бога.

— Нет, не предатель, а первый вестник новой религии. Настоящей религии истинных богов.

— Призраков! — презрительно выплюнул в лицо оппоненту Золот.

— Я знаю, вы считаете их чем-то вроде суеверия, миражом, страшилкой путешественников по мирам, порождением воображения не в меру впечатлительных агентов. Однако — они существуют, отрицать этот факт, только на основании того, что он не вписывается в концепцию мира взлелеянного Гильдией — глупо.

Золот громко сопел, возмущенно сверкая глазами.

— Я знаю, что вы скажете, — продолжил бог. — Никто не разговаривал с Призраками, никто даже не видел их сблизка. Никто, кроме меня.

— Собственная религия помутила твой разум!

— Я представляю, как это звучит, особенно для тебя — закоренелого гильдийца. Но я видел Призрака, вот как тебя, я дотрагивался до него, более того — Призрак спас меня, и я в своем уме.

Взгляд Золота красноречивее слов говорил о том, что он думает об умственном состоянии собеседника.

— Тогда, с несколькими слугами, мы перенеслись в мир магии... не важно. Важно то, что после этого случая, я понял, кто истинные хозяева многомирья. Не Гильдия с ее имперскими замашками, не эльвы и, уж конечно, не Повстанцы. Я понял, осознал, кому должен служить, не как бог, как пророк...

— Ты псих! И если ты свихнулся до такой степени, что думаешь — Гильдия это так оставит...

— Скоро, очень скоро, друг мой, Гильдии будет чем заняться, сотни агентов-богов возликуют, избавившись от опеки нашей всезнайки, — Кецаль кивнул одному из слуг, тот подошел к нише и активировал Проход.

Охранники подвели пленников к дрожащей поверхности. Они не сопротивлялись — какой смысл?

— Вы хотели заточить меня в соты, в одиночку, на годы, свести с ума, — звучал спокойный голос Кецаля. — Я поступаю гуманнее. Мир, куда вы попадете не намного лучше сот, однако в нем хоть будет с кем пообщаться. Мы называем его — Нарака!

13.

— Планета Шезла — самая страшная планета...

— Почему?

— Ну... — вихрастый мальчуган в синей, как у всех, пижаме еще больше взлохматил непокорные пряди, — не знаю... страшная и все тут! Тварей там много...

— Каких? — спросил тот же голос.

— Всяких! — не растерялся вихрастый. — Ужасных! А Ворглы так самые ужасные из них!

— Почему? — не сдавался голос.

— Не хотите, не буду рассказывать! — надул щеки вихрастый.

На любопытствующего тут же посыпались шики со всех сторон.

Удовлетворенный результатом, вихрастый продолжил:

— Так вот, Бен Гаан знал, что Ворглы собираются напасть...

— Отку... — увесистый подзатыльник заглушил окончание вопроса.

— Спрятавшись за лагерем, он вытянул оружие и начал ждать.

Вихрастый сделал паузу, однако вопроса не последовало. Похоже, наука подзатыльника не прошла для дотошного даром.

— И Ворглы напали!

— А-а-а, — дружно отреагировала аудитория — две дюжины недорослей различных рас с горящими над синими воротниками глазами.

— Бен выхватил бластер и — Бац! Одного, потом — хлоп! Другого! Потом ножом! Потом снова бластером! А они на него!.. А он их!.. А потом они!.. Потом он!.. Хлоп!.. Тресь!.. Бац!.. А-а-а!!

Вихрастый упал, раскинув руки, кровать жалобно скрипнула.

— Все!

— Убили? — через время поинтересовался робкий голос из аудитории.

— Самого тебя убили! Жив! А Ворглы убежали. Все! До единого!

— Как же люди? — не вовремя очнулся любопытствующий.

— Какие люди?

— Ну те, что были с Гааном?

— Откуда я знаю, как люди, погибли, наверное. Какая разница, главное — Гаан...

Отрывок из пленки прослушивания

Спальни мальчиков-Прыгунов

Второго года обучения.

14.

Покатый земляной вал окружал огромную, поистине исполинскую воронку. За валом несла тягучие воды черная, маслянистая река. Дальше простиралась пустыня. Далеко, насколько хватал взор, до горизонта — потрескавшиеся земля без клочка растительности.

Несмотря на то, что было тепло, Дункан поежился.

— Что будем делать?

Черные тучи курчавым ковром покрывали низкое небо. Серое пятно у горизонта выказывало наличие солнца.

— Туда, — напарник кивнул вниз, в воронку.

Из дыры поднимался дым, в шевелении ветра различались далекие крики.

— Там кто-то есть, — аргументировал решение Золот.

Они двигались по одной из множества извилистых тропинок, ведущих от вала вниз. По мере спуска, крики усиливались, как и запахи — ощутимо разило серой. Что-то этот мир напоминал Дункану...

— Не нравится мне здесь, — высказал он далекую от оригинальности мысль.

Золот промолчал, продолжая спуск.

Вездесущий ветер, рассеивающий клубы дыма, позволял рассмотреть цель их путешествия — площадку, довольно широкую, опоясывающую воронку.

Последние метры спуска тянулись в узких галереях, образованных колючими и, по-видимому, мертвыми растениями.

Наконец, осужденные ступили на горизонтальную поверхность.

Как ни странно, воняло здесь меньше, но зато крики...

— Грешники, мы здесь за грехи! — мимо путешественников ползло шестипалое существо с обилением рогов и глаз на вытянутой голове. Передвигалось оно при помощи верхних конечностей, нижние, некогда служившие ногами, безжизненно волочились по земле.

— Я грешил, да, грешил! — клубок из щупалец, в середине которого угадывалось человеческое лицо, катился вслед за монстром.

Из темноты выступила симпатичная молодая женщина. Голый живот топорщился шевелящимися буграми.

— У меня двойня, я скоро рожу!

Вслед за женщиной появилась целая процессия, каждое из существ которой являло умопомрачительную мешанину тел и конечностей, обыкновенно, принадлежащих разным видам.

Синекожий гуманоид возвысился над товарищами.

— Братья!

— Да, братья... — нестройно ответила толпа.

— Сестры!

— Сестры...

— Покайтесь, покайтесь, ибо каждому есть в чем каяться!

— Каяться...

— И тогда, Первый Кто Умер пощадит вас!

— Нас...

Занятые собственными проблемами, на новоприбывших мало кто обратил внимание.

Лишь некий четырехпалый гуманоид, являвший собой помесь человека и гиены,

попытался укусить Золота за лодыжку, но после крика последнего, с визгом отбежал от агентов.

В глубине площадки делалось то же самое.

— Ты когда-нибудь слышал об этом месте?

— Нет, — Золот покачал головой.

— Может, планета Призраков, посмотри на этих уродов, они не от мира сего.

— Отстань со своими Призраками! Это сказки! Сколько не путешествовал, я ни одного Призрака не видел. А если кто и видел, все можно объяснить особенностями мира. В каждой вселенной существуют свои, пока необъяснимые явления, в некоторых, они схожи, что и породило легенды о Призраках, неуспокоившихся душах Прыгунов и прочем. Все, хватит об этом! Чтобы больше я не слышал, даже слово «призрак»!

— Не услышишь, но что нам теперь делать? Имейся Камень Перемещения, можно было бы обратиться из этого мира, а так...

— Спустимся дальше.

— Куда, вниз?

— Да.

— А смысл?

— Не больше, чем оставаться здесь. Первое правило разведчика — исследуй мир, куда попал.

— Мы не разведчики.

— Придется ими стать.

На нижний ярус вело множество тропинок.

Следующий спуск был короче.

Вновь оказавшись на горизонтальной поверхности, осужденные огляделись.

— Никого, — и снова Дункан высказал очевидное.

Если предыдущая площадка кишела жителями, то здесь, создавалось ощущение, они все вымерли, или хорошо спрятались.

— Какой-то звук, — призывая к тишине, Золот поднял руку.

— Я ничего не слышу... — Трегарт напряг слух.

Шипение, шорох, на пороге слышимости пробивался сквозь далекие крики верхнего яруса.

— Похоже на...

— Смотри, — рука Золота указала вбок. Там, на границе света и темноты шевелилась... сама земля! Серая почва вспучивалась и шипела, подобно кипящей жидкости.

— Что за...

Шевеление приближалось, звуки исходили именно от него.

По-видимому, раса Золота обладала более острым зрением, он первый разобрался в происходящем.

— Змеи!

— Змеи? — не понял Трегарт, однако, когда напарник сказал страшное слово, и его глаза различили длинные тела с маленькими головками на конце, толстые и тонкие, переплетающиеся в смертоносном танце.

— Бежим! — последнее они выкрикнули вдвоем и понеслись по ярусу в поисках путей спасения.

Первый попавшийся проход вел вниз.

— Сюда! — Золот припустил по узкой тропинке. Трегарт не на много отставал от него. Непродолжительный спуск, снова сменился площадкой.

Запах серы стал нестерпим.

Все пространство усеивали разной величины ямы, в них, рождая дым и запах, сверкала и пузырилась желто-красная субстанция, напоминающая вулканическую лаву.

Третий ярус, как и первый, оказался заселен. Не менее фантастические создания бродили между огненными жерлами.

На глазах у путников, одно из них, оступившись, упало в kloкочущее озеро. Миг, и ненасытная лава поглотила живое существо.

Другое, наоборот, добровольно окунув клешнеобразные конечности в огненное пекло, с интересом наблюдало, как они обугливаются.

Несколько ящероподобных аборигенов на огромном вертеле поджаривали собрата, к месту будущего пиршества подтягивались прочие существа.

— Вниз, — то ли спросил, то ли утвердил Дункан.

Золот кивнул.

На этот раз они спускались дольше обычного. Дункану начало казаться — проход ведет вглубь, в недра, в самую сердцевину планеты и все, что их ждет — это расплавленный шар ядра.

Единственное, что обнадеживало — по мере спуска становилось прохладнее.

Дыхание превратилось в пар, предназначенные для теплого Толлана одежды плохо спасали от пониженной температуры.

— Может, вернемся?

Отрицательно мычание Золота больше походило на зубную дробь.

Все имеет конец, оправдывая старинное изречение, их ноги коснулись горизонтальной поверхности.

— Это лед, — констатация очевидного вошла у Дункана в привычку.

— Лед, — голос Золота поглотила гробовая тишина.

Ни крика, ни звука не долетало сюда с вышележащих ярусов.

Серая поверхность блестела от чудом добравшихся до такой глубины лучей солнца.

— Похоже, конец — дно ямы.

— Ничего не понимаю, — Золот почесал то место на голове, где у людей росли уши. — Здесь обитает столько существ, мыслящих существ, значит, неизбежна борьба за власть, иерархия, я не говорю — правительство, но хоть какой-то намек на руководство.

— Ты рассчитывал на его помощь?

— Возможно ритуалы, обычаи, законы, связанные с Проходами, с перемещением...

Холод, захватив оболочку, начал добираться до нутра Дункана.

— Давай поищем правительство повыше.

— Постой, — напарник указал на шевеление тьмы, в одной из каверн. — Там кто-то есть...

Представшее перед глазами путешественников существо трудно было назвать человеком. Хотя возможно, когда-то оно им было. Груда полуистлевших лохмотьев, из которых торчали покрытые струпьями худые палки конечностей и заросшая голова с безумными глазами.

— Не бейте, не трогайте меня... о-о-о, Великий Вождь Катюра, я тогда сказал ему: иди и возьми! И он пошел... — старик захихикал, — и взял...

Путешественники беспомощно смотрели на обитателя глубин.

— Слушай, давай вылезем наверх, на самый верх, переплывем реку, пройдемся по равнине...

— Равнина, точно, равнина, она была ровная, как вода. И такая же плотная. Едва ступив, все провалились в жижу. Она переварила их... за секунды, — старик снова захихикал.

— Для начала, попытаем счастья на первом ярусе, обследуем его, — Золот оглянулся на пройденный путь.

— Может там, на поверхности есть жизнь. Может мы просто попали в место, куда отправляют преступников, что-то вроде тюрьмы...

— Да, да, я — преступник! Я убил ее... нет... я предал ее, а она умерла, потом, мне рассказывали. Это все равно, что своими руками...

— Напрягись, ты слышал о планете, где преступивших закон держат в подобных ямах? Золот вздохнул.

— Сейчас бы не помешал Компьютер Хита Санникова, говорят, в нем собраны сведения больше чем о миллионе миров.

При упоминании имени основателя Гильдии, старик встрепенулся.

— Хит Санников, великий Хит Санников — он умер, давно. Но нет, это тайна, я не должен говорить, никто не должен знать. Гильдия... молчи, Бен, Гильдия...

— Гильдия? — Дункан наклонился к существу. — Старик, что ты знаешь о Гильдии?

— Он же сумасшедший, ты прав, пока окончательно не замерзли, надо выбираться отсюда.

— Что ты знаешь о Гильдии? — настойчиво пускал пар в лицо аборигену Дункан. — Что?

Несчастный забился в глубину ниши, сверкая перепуганными глазами.

— Ничего, ничего. Я не должен говорить, иначе — соты. Я не хочу в соты! — неожиданно закричал он. — Я ничего не сделал! Ничего! — так же быстро, как началось, буйство прошло. — Мне здесь хорошо, очень хорошо... немного холодно... нет шоколада, а так — хорошо...

— Слышал, слышал, он знает о Гильдии, сотах!

— Возможно, один из предателей-агентов, спасающийся от справедливого наказания, — равнодушно бросил Золот. — Какой-нибудь зарвавшийся божок.

— Бог, бог, да, я был богом! О-о-о, бог, а она пришла ко мне — прекрасная темнокожая Гюльтай... нет, темная кожа была у Марины, точно, у Марины, а Гюльтай была... мы поженились... у нас были дети, нет, дети были у Рсулы... да, Рсула сказала, что мальчик, когда вырастет, станет...

— Хит Санников, — произнес Дункан.

Услышав знакомое имя, старик снова встрепенулся.

— Санников, о-о-о, Санников — великий человек. Он умер, давно.

— Ты можешь вывести нас отсюда?

— Вести, везти, мне везло, мне очень везло, тогда, когда на нас напал дозор Ворглов. Я ушел на разведку... потом вернулся... они все умерли! — старик заплакал.

Ворглы — знакомое слово, где-то Дункан его уже...

— Что ты с ним возишься, пошли отсюда! — прервал размышления Золот.

— Погоди! — Трегарт снова обратился к старику. — Слушай, Проход, ты знаешь, что такое Проход?

— Проход, нет, нет, там Гильдия, я ничего не сделал!

— Успокойся, успокойся, мы не пустим Гильдию, только покажи Проход.

— Я не виноват, это все она — Гюльтай, Рсула, Селена, потом Ворглы — они меня довели, сами, я не виноват!

— Если не покажешь Проход, мы приведем Гильдию, сюда, они засадят тебя в соты.

— Нет! — старик вцепился в одежду Трегарта, в сравнении с удушающим облаком, окружающим его, даже вонь Флостеров казалась райским фимиамом. — Только не соты, не соты... охоты... охота... да, мы были на охоте, знатная, давно я так не отдыхал. Я тогда завалил деведя, сам, лично. Потом мы пили с правителем...

— Соты, — напомнил Дункан.

— Нет, только не соты!

— Проход!

Неожиданно умалишенный оттолкнул Трегарта и, передвигаясь на четвереньках, заковылял вдоль изрытой стены.

— Куда это он? — удивился Золот.

— За ним!

Несмотря на необычный способ, перемещался он довольно резво. Агенты едва поспевали следом.

Наконец груда тряпья остановилась у одной из каверн.

— Там, — корявый палец указал на нишу.

— Что он хочет этим сказать?

Дункан подошел ближе, по коже прошло знакомое покалывание.

— Это... это Проход! — не без труда поверил собственным ощущениям Трегарт.

— Ты уверен?

— Да! — Дункан пролез дальше, кожа, как всегда в близости Прохода, откровенно зудела.

— Нелишне знать, куда он ведет?

— Какая разница, лишь бы отсюда!

— И ты можешь его активировать?

— Хоть сейчас!

— Гильдия, соты! — пискнув, старик припустил в обратном направлении.

— Тогда, давай.

Трегарт сосредоточился, он скорее почувствовал, чем увидел, как земляная стена перед ним размягчилась...

перенеслись в знойную пустыню.

Оба путешественника некоторое время молчали, наслаждаясь состоянием неземного блаженства, когда продрогшее тело каждой клеточкой, губкой, впитывает живительное тепло.

Шорох листьев перемежался далекими криками животных.

— Лес?

— Лес, — согласился Золот.

— Выбрались, выбрались! — Трегарт прыгал не столько от обилия чувств, сколько для согрева. — Что теперь? Ищем жилище и... и пожрать, — живот, одобрительным бурчанием, высказал свое согласие.

Похожим звуком, отозвался желудок Золота. С той поры, как они пообедали в камере, во рту не было ни крошки.

— Нет, незнакомая местность, темно, к тому же — лес, возможны хищники. Самое разумное — лечь спать, чтобы по видимому, с новыми силами...

— Самое разумное чего-нибудь пожевать, — Дункан подошел к ближайшим кустам, оторвал листок и осторожно засунул его в рот.

— Не советую, — Золот изучал деревья на предмет пригодности для ночлега. Как назло, в поле зрения все стволы внизу были гладкие с густыми кронами в далекой тьме. — Можешь подхватить несварение желудка, вкупе с поносом, или того хуже — отравиться.

Дункан поспешно выплюнул лист, к тому же он был горький.

Вздыхнув, Золот начал моститься под одним из стволов.

Постояв некоторое время, Дункан присоединился к напарнику.

Засыпали они под аккомпанемент бурчащих животов. В тишине ночи, те выводили трели, не уступающие рыкам голодных хищников.

Утро встретило привычным бурчанием живота и свежим зудом в носу.

Погладив первое и почесав второй, Дункан открыл глаза.

Кусок кости, сколотый так, что оставался острый конец, висел перед глазами.

Дункан проследил вдоль необычного предмета. Посредством кожаного шнурка кость крепилась к недлинной палке, которую сжимали толстые пальцы с редкими серыми волосками.

Рядом с первой костью, возникла вторая, потом еще, еще...

— Золот, — Трегарт осторожно дотронулся до плеча напарника.

— Я не сплю.

Пол дюжины аборигенов, вооруженных копьями, которые сейчас были направлены на агентов, причем острыми концами, замерли перед ними.

— Какие предложения?

— Не делай резких движений.

Первое, что обращало на себя внимание при взгляде на дикарей, а новые знакомые, без сомнения, еще не имели сомнительного счастья приобщиться к цивилизации, были... уши. Непомерно большие, перепончатыми крыльями, они росли по бокам головы и в данный момент напряженно подрагивали. В сравнении с ними, даже вытянутые лица с круглыми желтыми глазами и острыми носами казались заурядными.

На аборигенах не было никакой одежды, даже набедренных повязок. Собственный, пусть и редкий, мех легко заменял ее.

— Друзья, мы друзья, — в миролюбивом жесте, Золот поднял руки.

Уши прижались, а копья приблизились почти к самым горлам путешественников.

— Лучше ничего не мог придумать, — прохрипел Дункан.

— Парни нас боятся, поэтому хотят заколоть. Постарайся сделать вид, что ты до колик страшишься их.

— Даже не знаю, придется сильно постараться, — от страха ушло даже чувство голода, всю ночь бурчащий живот благоразумно затаился.

Золот вытянул руку и в лежачем, далеком от удобства, положении, несколько раз прочертил воздух. Дункан узнал жест — универсальный знак, по которому в мирах, посещенных мессиями, узнавали пророков.

— Думаешь, Гильдия добралась сюда?

— Чем черт не шутит.

На аборигенов жест не произвел впечатления — копья не опустились, хотя и не приблизились.

«А вдруг...» — Дункан вспомнил пасс, старый знак агентов, до установления стандартного культа, который ему показывал наставник.

Подобно Золоту, он вытянул руку, насколько помнил, воспроизвел его.

Эффект был сродни разорвавшейся бомбе.

Уши захлопали, словно это были, действительно, крылья и аборигены собирались при помощи их взлететь. Волосатые руки побросали копья, а хозяева копий, встав на колени, уткнули уродливые лица в землю.

— Что, что ты сделал? — удивленно пробормотал Золот.

— Не знаю.

17.

— Глапока!

— Глапока.

— Глапока.

Прижав уши, группа аборигенов важно поклонилась.

Золот вздрогнул и снова принялся плести сложный узор из жестов, мимики и многозначительно мычания.

Они сидели в плетеной хижине, самой большой в затерянном среди леса селении.

Напротив восседала группа старейшин племени, или кто-то в этом роде. Костюм Адама у них дополнялся цветными бусами и разновеликими перьями, воткнутыми прямо в седой мех.

— Попроси еды, — шепнул Дункан. Желудок, пережив страх, затянул арию голода.

— Отстань! — Золот закончил пантомимическое представление.

— Глапока! — родил самый старый и наиболее оперенный абориген.

— Глапока.

— Глапока, — подхватили сородичи.

Снова последовала серия поклонов.

Золот вздохнул и с упорством безумца вновь принялся жестикулировать.

Старейшины внимательно следили за гостем.

— Чего ты от них добиваешься?

— Раз здесь был агент, значит, существует Проход. Я пытаюсь втолковать этому цветцу племени, чтобы они показали место, откуда появился посланник. Возможно, оно у них числится, жилищем бога или жертвенником, возможно на него наложено даже табу, так часто бывает...

— Глапока!

— Глапока.

— Глапока.

Поклон.

— Нет, до чего тупые!

— Не удивительно, я тоже тебя не понял. Разреши мне попытать счастья.

Золот смерил Дункана презрительным взглядом.

— Ну-ну.

Трегарт пошарил в карманах — монетка — блестящий металлический прямоугольник с изображением Кецаля, появилась на свет.

Свежий предмет произвел на хозяев должное впечатление.

Уши задрожали, рты непроизвольно сглотнули выступившую слюну — монета блеснула.

— О-о-о!

— А-а-а!

Дункан повертел монетой перед острыми носами, позволяя слюне окончательно заполнить рты.

— А-а-о-о!

— Глапока, — он протянул монету главе «парламента».

Тот поспешно выхватил ее узловатыми пальцами.

— Глапока!

— Глапока.

— Глапока.

Уши торчали гордо расправленными крыльями.

Группа поспешно поднялась и, галдя, направилась к выходу. Впереди — счастливый обладатель блестяшки, с поднятым над головой трофеем.

— Как это у тебя?.. Куда они?

— Подношение богу. Пошли.

Вслед за старейшинами увязалась половина племени — ушастая галдящая толпа, среди которой возвышались Трегарт с Золотом.

Вождь привел их к расчищенной от крупных растений площадке. Посередине рукотворной поляны возвышалось дерево. Почти у самого основания, ствол раздваивался, образуя букву «V».

— Глапока, Глапока! — монета была положена в развилку.

— Это... это Проход, — Дункан почувствовал знакомое покалывание.

— Уверен?

— Не задавай дурацких вопросов! Гляди, даже знак есть.

На одном из стволов их предшественник выцарапал иероглиф — послание тем, кто придет за ним.

— Что, что он означает, куда ведет Проход?

— Не разобрать, слишком давний, почти затянуло корой.

— Глапока!

— Глапока!

Разорвались аборигены.

— Способен активировать?

— Конечно, однако не станет ли хуже. Может, останемся здесь, попытаемся добраться до цивилизации, вполне возможно, религия Гильдии пустила на планете более глубокие корни...

— А в это время Повстанцы доберутся до Компьютера! Давай, активируй!

— Ты — главный.

Дункан сосредоточился. Воздух между стволами задрожал, искажая пейзаж позади.

— О-о-о! — изменения не остались незамеченными.

— Глапока! — поклонился Золот и первым шагнул в Проход.

Еще до того, как Трегарт последовал за ним, аборигены в привычном поклоне плюхнулись на землю.

— Глапока!

— Глапока!

— Глапока, — вздохнул Дункан, и Проход поглотил его.

Сперва Трегарт подумал, что перенесся на ту же планету — их снова окружали растения. Не понадобилось много времени, чтобы отметить — новый лес был много гуще предыдущего, деревья почти смыкали крупные стволы, обильно утыканые ветками. Словно канаты плот, их скрепляли толстые лианы с крупными листьями без черенков.

Золот, также внимательно изучающий окружающую обстановку, внезапно побелел.

— Активируй Проход, обратно, скорее, заberi нас отсюда!

Никакой опасности в зоне видимости, да и слышимости, не наблюдалось.

— Что случилось, зачем?

— Действуй!

— Я не... — Дункан попытался сосредоточиться. Что-то ткнулось в его лодыжку, он опустил глаза — одна из лиан касалась ноги концом зеленого побега.

— Опоздали!

— Почему?

В следующее мгновение, кроны близлежащих деревьев выпустили десятки гибких стеблей. С проворством, свойственным скорее животным, нежели растениям, они оплели Дункана. Это было настолько неожиданно, что он не успел не только дернуться, но даже испугаться. Миг, и лианы подняли заплетенный кокон тела, притянув его к стволу. Рядом барахтался Золот, скорее силою привычки, нежели, имея шанс освободиться. Впрочем, сопротивление, не могло длиться долго.

— Это Баньян, — вздохнул напарник.

Аресты сторонников неизбежны, более того — желательны.

Арестованы должны быть публичные, наиболее УЗНАВАЕМЫЕ индивидуумы.

Если этого не происходит, власти следует простимулировать.

Агент должен употребить все наличествующие средства, влияние, дабы в качестве меры наказания была выбрана — публичная казнь, либо адекватное ей по зрелищности и МАССОВОСТИ действо.

Так как многие осужденные пугаются, впадают в депрессию, либо вообще отказываются от своих взглядов, агенту следует предварительно проконсультировать, успокоить его. Список стандартных ситуаций см. Приложение 4.

На экзекуции, после произнесения речи (список стандартных речей см. Приложение 5), казнимый спасается путем вознесения на небо, исчезновения в светящемся луче, либо другим наиболее эффективным и приемлемым для данной местности способом.

Далее он должен появиться и проповедовать В ТОЙ ЖЕ МЕСТНОСТИ.

Оптимальное число спасенных проповедников — 10–12 особей, обязательно в различных местах, различных вековых групп, социального положения.

Каждому классу — свой.

Памятка агенту

Гильдия — закрытый курс для агентов-мессий.

19.

— О, царь лесов, владыка поверхности, гроза живого, многомудрый баньян. О тот, чьи корни достигают сердца планеты, а кроны подпирают небо. О великий, чья тень простирается на тысячи...

Дункан понял, как чувствовали себя мумии, неудивительно, что в большинстве фильмов, они восставали. Хотя мумия — мертвая, а они — живые, мумия — в гробнице, а они — на свежем воздухе... слабое, но утешение. Во всем остальном — точная мумия — не шевельнуться, ни изменить существующее положение.

— О, зеленый среди зеленеющих...

Внезапное изменение статуса не прошло для напарника даром. Скоро час, как тот выкрикивал хвалебные оды во влажный лесной воздух.

— Золот, ты это...

— Отстань!

Дункан не знал, как вести себя с умалишенным, да еще с буйным. Хорошо, хоть он опутан лианами.

— Уважаемый повелитель недр, царь небес, нижайше прошу, отзовись!

На ближайшей к Золоту ветке появился небольшой зверек, похожий на белку, только с лысым хвостом. Приблизившись почти к самому лицу агента, представитель фауны принялся заинтересованно изучать его маленькими черными глазками.

— Великий Баньян, я — Золот Балтазар Хадир Карди и мой спутник — Дункан Трегар от всего сердца желаем утолщения твоим стволам, роста побегам, зелени листьям.

Все это он выдал, обращаясь к... белке!

Сдвиги в психике напарника не только наличествовали, но и прогрессировали.

Это же почувствовал и зверь, махнув облезлым хвостом, «белка» убежала.

Изменения регонсцинировки ничуть не смутили умалишенного, он снова обратился к лесу.

— Пусть ветер благоприятствует твоим спорам. Пусть упадут они на земли врагов твоих, пусть укоренятся и войдут в силу, пусть никто не сметет их с лица матери-планеты...

— Золот, а знаешь, все не так уж плохо... — на чужой планете, привязанный к стволу, да еще в компании умалишенного.

Не глядя на него, напарник бросил:

— Я не сошел с ума.

— Конечно, никто и не говорит...

— Идиот! Чему тебя только учили! Это — Баньян. Это — планета Баньянов — разумных деревьев, заплетающих всю поверхность. Корни заменяют им нервную систему, лианы — руки, ко всему, они еще и немножечко телепаты, хотя наших мыслей прочесть не могут. На счастье, Баньяны падки на лесть. — О, величайший из великих, многомудрый среди многомудрых. Пусть отсохнут побеги твоих соседей, пусть истощится под ними почва, пусть тучи заволочут небо над их кронами, а молнии спалят... Ты слышишь?

Трегарт не сразу сообразил, что обращаются к нему. Он напряг слух — в привычном шорохе леса, действительно, угадывались новые звуки.

— Ветки трещат, и что?

— Кто-то идет!

— Животное?

Звуки ломаемого сухостоя перемежались тихой руганью — наверняка путь был не из легких.

Голос казался вполне человеческим.

И он... приближался.

20.

На пространство перед деревьями вышел... человек. Вывернув, насколько возможно в его положении, голову, Трегарт с интересом рассматривал новое действующее лицо.

Ничего необычного — темные с проседью волосы, лукавые глаза под широкими бровями, слегка запущенная борода, лет сорок с хвостиком — на вид обычный мужчина, немного уставший.

— Это он, Баньян?

Золот посмотрел на Трегарта, совсем, как Дункан минуту назад смотрел на него. То есть, как на сумасшедшего. Однако, не сказал ни слова, точнее сказал, но не Дункану.

— Привет, Д'арно.

Новоприбывший поднял глаза.

— Та-ак, кто здесь у нас? Никак верный страж законов и обрядов, гроза богов и агентов, неугомонный борец с инакомыслием — досточтимый Золот Карди!

Золот поморщился.

— Рад тебя видеть, — фраза далась агенту не без труда.

— Кто это с тобой? — от прищуренных, близко посаженных глаз устремились лучики морщин. — Никак новенький?

— Дункан Трегарт, — буркнул Золот.

— Алекс Д'арно, — поклонился незнакомец. — Прыгун?

— Да, — ответил за себя Трегарт.

— Слушай, Д'арно, кончай трепаться, не видишь — мы влипли.

— Надо же! И чего, уважаемые агенты не менее уважаемой Гильдии хотят от меня?

— Поговори с Баньяном, ты же находил общий язык.

— С какой радости?

— Помочь товарищам-гильдийцам выбраться из беды.

— Мня же выперли из Гильдии! Забыл?

— Ты сам ушел!

— Как не уйти — туда не ходи, это не делай, а поступать так — вообще соты!

— Ты сможешь, или нет?

— Попробую, — Д'арно закричал, обращаясь в чашу, подобно тому, как это делал

Золот. — Эй, Баньян, это я — Алекс, есть разговор!

Лес молчал, Дункан вообще не понимал, каким образом, он может разговаривать.

На одной из нижних веток возникло шевеление — из кроны выбрался ушастый зверек с длинными цепкими лапами.

— А вот и ты!

— Чего надо? — не слишком вежливо поинтересовалось животное.

Не держи Дункана лианы, он наверняка бы свалился. Зверь — разговаривает!

— Ты меня разве не узнал? — между тем продолжал Д'арно.

— Ага, помнится, последний раз, ты обещал привезти помет мраканских гусениц — двухлетней выдержки.

— На Мраке сейчас выборы, а на выборы у них всегда революция, иначе — ты меня знаешь — я бы обязательно привез.

— Отговорки, отговорки, у вас — белковых на все отговорки. Теперь ты еще начнешь просить, чтобы я отпустил этих двоих. Горластый так орал, что распугал всех птиц. А птицы, между прочим, клюют жуков-короедов.

— Зачем они тебе?

Зверек равнодушно принялся чесать задней лапой основание уха.

— Повисят — перегной будет, удобрение. Конечно, не помет гусениц, но все же...

— А если я пообещаю привезти тебе две тонны пестицидов?

Зверь даже прекратил чесаться.

— Пести... н-нет, не верю, лучше пусть эти — перегной, — лапа снова пришла в движение.

— Эй, ты мне должен, забыл?

— Это еще за что?

— А кто подлил кислоты в корни твоего соседа — баньяна с дальнего холма?

— Ну-у... — зверь, казалось, колеблется.

— Кстати, где он теперь?

— Ну-у... наши корневища переплелись...

— Иными словами — холм теперь твой.

— Ну, да...

— Так как насчет, отпустить?

Зверь вздохнул.

— Две тонны пестицидов?

— Да!

— Только самых лучших, концентрированных, запрещенных к применению, а не те, что сыпят эти — защитники природы.

— Самых лучших — двухлетней выдержки!

— И помет.

— Как только закончатся выборы — я здесь!

Зверь поднялся и лениво уполз обратно в крону.

— Договорились.

Едва он это сказал, Дункан почувствовал, что лианы ослабли. Они с напарником, обессиленные, свалились к ногам спасителя.

Кровь, проникая в затекшие члены, несла терпимые, но далекие от приятных боль с зудом. Отчаянно хотелось чесаться, однако сделать это означало усилить приток крови, а значит, новые порции малоприятных ощущений.

Они так и лежали — как упали — ожидая, когда тело само закончит работу.

— К Проходу тащиться не будем, а то наш хозяин, чего доброго, передумает, — их спаситель увлеченно рылся в собственном заплечном мешке. — Ух ты, а это здесь откуда?..

— Д'арно, он кто? — боль, наконец, ушла, Дункан почувствовал силы осторожно шевельнуться, более того, сесть, подняться.

— Вольный Прыгун, — Золот с трудом вытолкнул два слова и поморщился, словно от кислого.

— Вольный... — Трегарт попытался вспомнить, что слышал о вольных за время непродолжительного обучения.

— Вот! — на шершавой ладони спасителя, поигрывая изумрудными жилками, лежал старый знакомый — Камень Перемещения. — Ну-ка, детки, давайте ближе к маме, перенесу прямо к штабу, с ветерком.

— Это опасно! — воспротивился Золот.

Дункан также не испытал воодушевления, хоть и сам несколько раз прыгал при помощи Камня. Но, одно дело — сам себе хозяин, и совсем другое — довериться незнакомцу...

— Неужели доблестные агенты трусили? Впрочем, здесь не Гильдия, неволить никого не стану. Счастливо оставаться.

Д'арно сосредоточился на Камне, преодолевая боль, они поспешно заняли места рядом и как раз вовремя. Накатили знакомые ощущения Прыжка.

— Ни с места!

— Руки!

— Несанкционированное вторжение!

— Дом, милый дом, сладостный миг встречи, — Д'арно, как и агенты, лениво поднял руки. — Отрадно сознавать — ты не изменился.

— Не разговаривать!

— Не двигаться!

За сине-голубыми спинами охранников Трегарт рассмотрел миниатюрную фигурку Председателя Совета, неизвестно зачем забредшую в Зал Перемещений. Увидел женщину и их спаситель. Бородатое лицо расплылось в улыбке.

— Здравствуй, Ассанта.
Лицо женщины побелело.
— Александр?

В темном страшеньком лесочке,
Призрак прыгает по кочкам.
Раз, два, три, четыре, пять,
Призрак будет забирать...

Детская считалка.

1.

— Так мы оказались на планете баньяна, откуда нас спас Д'арно, — голос Золота, легко подхватываемый отличной акустикой Зала Совета, звучал уже не столь самоуверенно.

— Так называемый, Вольный Прыгун? — заломил седую бровь Гмем Канн.

Глава службы безопасности, словно обвинял их в чем-то.

Напарник опустил глаза.

— Да.

— Соты, соты по нем плачут!

Совет, расширенный Совет Гильдии заседал в полном составе — неслыханная честь для агентов.

Дункан из-под полуопущенных ресниц, рассматривал чиновников, управляющих даже не планетами — вселенными! Указывающими, что делать богам, а, если потребуется, и карающих последних.

Их было немного — около двух дюжин. Два с половиной десятка, предполагалось, умудренных опытом, в основном, убеленных сединами, существ обоего пола и самых различных рас.

В ближайшей к Трегарту ложе сидел нахохлившийся советник с длинной шеи до видимого пояса закутанный в темный плащ. Когда он пошевелился, плащ слегка распахнулся, и Дункан понял, что это не что иное, как... крылья. Кожистые крылья, плотно облегающие худую фигуру.

— Сейчас не об этом, — Председатель была едва ли не самой молодой на представленном сборище стариков. — Мы получили сведения о Компьютере Основателя. Возможно, последнем Компьютере, и Проход на планету открывается с вселенной Орт.

— Я-то ломал голову, зачем им понадобилось оккупировать один из наших миров, — прострекотал морщинистый гуманоид, благодаря густому зеленому пушку, похожего на укрытый мхом пенек.

— Такой риск.

— Насколько я понял, Повстанцам неизвестно месторасположение Прохода, ведущего на планету Трех Лун — планету с Компьютером. А мы знаем?

— Мы знаем! — клацнул зубами советник, благодаря широкому рту, усеянному этими самыми зубами и маленьким глазкам, похожий на акулу.

— Неведение не продлится долго, — вздохнула Председатель.

Все повернулись к ней за разъяснениями.

— Два дня назад, мы послали... мы послали на Элизию диверсионную группу, с целью подготовить плацдарм для возвращения вселенной.

— Не вижу связи.

— Ее возглавила агент Орта — бывшая богиня вселенной.

Одно упоминание имени девушки заставило сердце Дункана биться чаще.

— С той поры группа ни разу не вышла на связь.

Совет разом загалдел, растревоженным курятником.

— Не стоит сомневаться — богиня в их руках!

— И ей известны все Проходы.

Ложки дрожали в такт крикам возмущения.

— Возможно, они с самого начала рассчитывали на десант во главе с бывшей богиней.

— Теперь Проходы в руках Повстанцев!

— Тихо! — бас главы службы безопасности заглушил прочие голоса. — Пока мы совещаемся, — в последнем слове, он позволил себе легкую ироническую нотку, — Повстанцы подбираются к Компьютеру. Необходимы быстрые решения — опередить...

Дункан не слышал выступающего. Орта — его Орта в руках Повстанцев. В плену! И эти облеченные властью старики так спокойно рассуждают об этом!

— Мы должны спасти ее!

Присутствующие посмотрели на Дункана, словно у пустого места прорезался голос.

— Богиню и других агентов, попавших в плен!

— Молодой человек, — вкрадчиво, как это умел только он, до мурашек по коже, произнес Гмем Канн. — Нас не меньше, а может, больше вашего беспокоит судьба пропавших агентов. Однако, имеются первоочередные и второстепенные задачи. Бремя власти состоит именно в том, дабы отделять одни от других. Безусловно, со временем будет сформирована спасательная экспедиция, однако теперь, когда на кону само существование Гильдии...

— Мы не можем расплыть силы, — поддержал главу безопасности советник-акула.

— Рисковать жизнями одних агентов, ради других.

— Тем более что пленники, почти наверняка, не на Элизии.

— Возможно, они даже в другой вселенной.

— Где искать?

— Повстанцы рассчитывают, что мы кинемся спасать и потеряем время, однако Гильдия перехитрит их!

— Обманный маневр!

— Именно!

— Стратегия!

— Тактика!

— А люди тем временем погибнут. Ваши, наши люди! — в отчаянии выкрикнул Дункан.

— Юноша, вы без году неделя в Гильдии, а уже беретесь поучать. И кого — Совет, который...

Самым ценным в этой комнате оказались именно ложки. Драгоценности обрамляли пустые места.

— Господа Советники, продолжим заседание, — пробасил Гмем Канн. — Агенты — свободны.

— Первоочередные задачи... со временем!..

Дункан шел по коридору. Душевные кошки, почуяв призрак вседозволенности, устроили шумную вечеринку. С гульбой, обильными возлияниями и, конечно же, точением когтей.

— Борцы за всеобщее счастье!

Трегарт с надеждой смотрел на встречных агентов. Косой взгляд, искривленной в недоброй, хоть какой улыбке рот, слово... злость, бурлившая внутри, молила о выходе.

— Если бы мог! Если бы я мог!..

Дункан готов был наплевать на Гильдию, ее правила, на Совет, будь что будет — суд, соты, — только спасти... Однако, они — Совет, в одном были правы и от этого кошки начинали буйствовать с удвоенной силой — куда отправляться, где искать Орту?

— Да пошли вы все! Вы — все!

Отразившись от голых стен, крик вернулся к породившей его голове.

«Теперь они точно возмутятся!»

Ни косого взгляда, ни упрека.

Дункан стоял посреди коридора и орал в... пустоту. Позади торопливо удалялись шаги.

— Труссы! — он успел заметить только край синей униформы.

«Неужели из-за него? Неужто он так страшен в гневе?» — призраки мании величия и мании сомнения замаячили на горизонте.

Топ. Топ.

Топ. Топ.

Кто-то двигался, там за углом, шел к Дункану.

В неторопливой, шаркающей походке слышалось нечто зловещее, словно сама смерть решила прогуляться переходами Гильдии. Шаркая, с ленцой — куда торопиться?

Смелость, желание драться разом улетучились, даже кошки на время прекратили дебош. Подкравшись, едва не на цыпочках — проклятое любопытство — Трегарт выглянул в соседний коридор.

Не смерть, но не лучше.

Закутанный в бесформенный балахон, переваливаясь, по мрамору плыл... Телепат.

Древнее, как мир стадное чувство проснулось и потянуло туда, за дальний угол, ко всем...

Существо почти поравнялось с Дунканом, и он понял — это судьба!

— Г-господин, э-э-э...

«Как обращаются к Телепату?»

Существо остановилось. Кошки окончательно утратили боевой задор, вместе с жильем переместившись в пятки и уступив владение телом полчищам мурашек.

— Я б-бы хотел... у м-меня вопрос. Н-не могли бы в-вы, чисто теоретически...

В голове, в мозгу, словно зашевелились щупальца.

«Мурашки, кошки, щупальца — развел зверинец!»

— Узнать, где она? — голос был шипящий, зловещий, совсем не похожий на тембр слышимых до этого Телепатов. — Пробриться сквозь барьеры вселенных, необходима сильная, весьма сильная связь, эмоциональная. Необходим проводник.

На то он и Телепат, чтобы отвечать на незаданные вопросы.

— Ты подойдешь, — ответ на еще один мысленный вопрос.

— Можете! — радость всколыхнула тело, на время даже заставив забыть, кто перед

ним. — Узнавайте, я согласен, я полностью... в распоряжении!

Впервые с начала разговора, существо взглянуло на него. Маленькие глазки блеснули.

— Ты сам попросил, человек.

3.

Комната. Ветер за окном, прикинувшись музыкантом, играет подворотнями.

Он. Она.

— Здравствуй, Ассанта.

— Здравствуй.

— Давно не виделись.

— Давно.

— Ты как?

Трудяга аккомпаниатор вымучил особо высокий аккорд.

— Нормально. А ты?

— Тоже.

Аматор ветер стих, погрузив комнату в звенящую тишину паузы.

— Муж, дети? — как он ни старался, налаженная струна голоса дала слабинку.

Вопрос звучал слишком, наигранно безразлично.

— Нет. А у тебя?

— Тоже нет. Все как-то некогда, — он попытался шуткой разрядить обстановку, однако не улыбнулись ни он, ни она.

Ветер, набравшись сил, принялся дуть в трубы переулков, раздувать меха подъездов. Звук обогатился новыми обертонами.

— Ты — Председатель? — бессмысленный вопрос. Прыгуну невозможно не знать имени главы Гильдии.

— Да.

— Поздравляю, сделала карьеру.

— Спасибо, — почему, ну почему она оправдывается. — А ты чем занимаешься? — и еще один вопрос, лишенный смысла. Должность Председателя имеет свои плюсы. Для Гильдии, ее разведки нет почти ничего неизвестного.

— Путешествую помаленьку.

Ветер разошелся не на шутку, провинциальным музыкантом, попавшим на большую сцену, вошел в раж, выдувая из подворотен, дырок в заборах, частокола столбов у дороги новые и новые, невиданные доселе пассажи. Ему вторили трещотки качающихся деревьев, подпевали струны проводов и... сбивали ритм торопливые шаги прохожих.

— Слушай, что случилось, все напряжены, всполошились?

— Ты же знаешь, я не могу.

— Ну да, ну да. Гильдия — тайны.

— Скучаешь по этому?

— Скучаю, но не по этому.

Слова, слова порою больше свинца, острее стали... сильнее яда.

— У вас вселенную увели?

Она вскинула голову.

— Откуда ты?..

— Слухами, слухами земля полнится. Захват вселенной не игла — не утаишь.

Ветер замолчал, чтобы через мгновение ударить с новой силой. Дрожали провода, клонились деревья, молили о пощаде несгибаемые подворотни.

— Интересно, для чего она им?

— Ума не приложу, — теперь ее голос, безошибочно выдавая ложь, дал слабинку.

Он вздохнул, и вздох совпал с особо высоким, кульминационным аккордом ветра.

— Ладно, я пошел?

— До встречи.

— Пока.

Ей хотелось крикнуть, перекричать ненавистный ветер и сердце, которое безумцем билось в клетку груди, стремясь туда, к другому такому же сердцу!

Если бы позвал, сейчас, в эту минуту, сказал: «Брось все, пошли со мной!» — пошла бы, и бросила.

Долгими ночами без сна — одинокими, или в постели с очередным любовником, жалела, жалела, что тогда, много лет назад не ответила на зов!

Перед тем, как закрыть дверь, он помедлил, словно собирался с мыслями.

Тело сжалось в одну точку — предчувствие, страх, надежда...

Дверь закрылась.

Неслышно щелкнул замок.

Она осталась стоять. Она и ветер — свидетель, зритель, равнодушный прохожий.

4.

Он парил над городом. Разноцветные крыши, муравьи-люди и он — гордый орел над вершинами человеческих проблем. Пролетающая мимо чайка, издав крик удивления, припустила в обратном направлении. Подальше от Дункана.

Трегарт захохотал. Набрав в грудь воздуха, холодного воздуха поднебесья, в противоположность воздушному шару, он начал подниматься все выше, выше...

У горизонта показались шпили комплекса зданий с эллипсом в центре. Хотя Трегарт ни разу не видел строение с высоты птичьего полета, он узнал его — храм Орты. Здание, подобно способности летать, само возникало в голове, воспринимаясь, как должное.

Следом за догадкой, знанием, Дункан начал падать.

Ветер свистел в ушах. Позолоченные шпили с развевающимися флагами ринулись навстречу с пугающей быстротой.

Он хотел набрать воздуха, взмахнуть крыльями — сжатая грудная клетка родила лишь слабый крик, а крылья... откуда у человека крылья?

Вот и стена — обласканная облупившейся мозаикой стена самой высокой башни. Цветные камешки изображают момент вознесения одного из пророков на небо. Благообразные лица, свет вокруг головы и... крылья. Как же ему хорошо!

Со всего маха, с высоты, Дункан врезался в мозаику, прямо в лик святого. В последний момент, он успел зажмуриться.

Толстые лианы плотно охватывали тело, сжимаясь все больше, сильнее, словно из перезрелого фрукта, выдавливая соки.

Дункан хотел крикнуть, однако туго спеленатая зелеными мучителями грудная клетка не смогла набрать достаточно воздуха.

На соседнем дереве хрипел задыхающийся Золот.

Из зеленых крон, с ветвей, раскидистых кустов, едва виднеющегося в просветах листвы неба, к месту трагедии стягивались лесные обитатели: похожий на белку грызун, ушастый длиннопалый говорун, зеленая головастая змейка и настоящий питон, укрытый красивыми разноцветными пятнами, птицы — от непоседливых, похожих на крупных насекомых колибри до важных покорителей высот.

Золот уже не дышал, он хрипел, сиюсь втолкнуть в скомканные легкие хоть каплю воздуха...

По коридорам двигались вооруженные люди и гуманоиды. «Повстанцы!» — мелькнула полная ненависти мысль. Неизвестно как, с планеты Баньяна, Трегарт перенесся во дворец Орты.

Он парил над захватчиками, под самым потолком, ловко обминая кованые светильники.

Коридор кончился, однако тело и не думало останавливаться, не сбавляя скорости, оно пролетело каменную стену, очутившись в огромном зале со стрельчатыми окнами.

Не задерживаясь, Дункан ринулся вниз, сквозь пол, который на следующем этаже обернулся потолком — лепным потолком с росписью.

Снова вниз.

Скорость увеличилась.

Этажи мелькали ступенями, вехами скоростного лифта.

Дункана уже не удивляла ни способность летать, ни просачиваться сквозь камень.

Знанием, чутьем, предчувствием, его тянуло туда, ниже, ниже, там, в подземелье, в узком коридоре с факелами и частоколом металлических дверей... воображение увидело этот коридор за миг до того, как он оказался в нем.

Полет-падение приостановился.

Дальше — некуда.

Планета Нарака. Отчаянно кричит Золот в тщетной попытке вырваться из опутавших тело щупалец инопланетного монстра.

Дункан дернулся, намереваясь прийти на помощь напарнику. Руки, ноги не сдвинулись и на миллиметр. Гигантский паук, обхватив мужчину тремя парами верхних конечностей, сжимает Дункана.

Рядом прыгают, выказывая шумный восторг, обитатели подземного мира — жуткие помеси наиболее отвратительных существ различных планет.

Невдалеке виднеется огненная яма. Лава пузырится, брезгливо разбрасывая огненные сгустки.

— Туда, туда! — командует двухголовая женщина, с сосцов которой свисает пара лакающих ящериц.

— Да, да! — подхватывают уроды.

Монстр Дункана ближе других к лавовому озеру. Ловко перебирая свободными

конечностями, он ползет к цели.

— Не-ет! — Трегарт пытается вырваться. Тщетно. Членистые, покрытые жесткими волосами лапы заносят тело пленника над огненным жерлом.

Он снова в замке Орты. Тот же коридор. Двери мелькают по бокам летящего, сливаясь в серую ленту. Он мчится к углу, туда, где коридор делает поворот. Его тянет, толкает за него, дальше. Там, за ним, то, что он ищет...

Несмотря на огромную скорость передвижения, угол приближается черепашими темпами.

Он на галере — корабле Флостеров. Машинное отделение. Когда, за какую провинность он попал сюда?

Мимо, с трудом переставляя опухшие ноги, движется серокожий гигант. Изъязвленная плоть, отваливаясь кусками, лениво шлепается к ногам Дункана.

Через каких-то пару месяцев, он станет таким же...

Наконец — угол. Тело поворачивает. Далее, насколько хватает взор, тянется такая же бесконечная лента подземного хода.

Вперед! Дальше, дальше! Скорее!

Скорее, скорее бы пришла она. Как там в сказках: «Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний». Он на Порте, в своем звездолете, прикованный к креслу. Нестерпимо яркое, горячее портианское солнце уже несколько раз появлялось и уходило за горизонт.

Теперь вот опять. Очертания рубки проявлялись в красках восхода. Скоро, совсем скоро, вслед за светом придет жара. Испепеляющий, убивающий зной. Дункан надеялся, очень надеялся — этот день станет последним...

Тело стремилось туда, вперед, там, в самом конце бесконечного коридора, Трегарт знал, две двери — справа и слева. За одной из них...

— Перехватчики, перехватчики, вперед!

— Нет перехватчиков. Погибли.

Командир тупо смотрит на офицера, затем переводит взгляд на экран. На нем видно, как к их кораблю приближается ракета. Медленно, понимая и наслаждаясь моментом, нос снаряда раздувается, заполняя пространство обзора.

Капитан Космических Сил Земли Дункан Трегарт, как и все в рубке, смотрит на экран. Кто мог подумать? Обычный патрульный облет обернулся засадой...

Вот и двери — темный, местами покрытый плесенью ржавчины металл, неотличимый от десятков виденных до этого.

Тело мечется.

Справа?

Слева?

Трегарт не может сделать выбор.

Почему-то это становится очень важным.

Отчаявшись, бесплотная конечность тянется к правой ручке...

Он — юноша, курсантские нашивки блестят первозданным золотом.

Год, целый год они провели на базе в далекой колонии.

Год, целый год он не видел Марту.

Первый выход за стены Академии, первая увольнительная...

Он так ждал этого...

Марта, красивая, как никогда, под ручку с широкоплечим офицером, она смеется ему в лицо.

— Между нами все кончено, Дункан...

Ручка. Зачем ему дверная ручка? Он же может сквозь стены!

Рука упорно тянет дверь на себя.

Между створкой и косяком появляется щель.

Она растет...

Банка медленно, очень медленно летит к полу. Соприкасается. Варенье — темными вязким сгустками разлетается во все стороны.

Дункан, замерев на табурете, в отчаянии наблюдает картину.

— Что там случилось?

На кухню входит мать, за ней отец...

— Ты очень, очень плохой мальчик, Дункан...

Там, за дверью, в тесной камере с мокрыми стенами...

Орта подняла на вошедшего свои прекрасные глаза...

Радость встречи не успевает всколыхнуть тело, сменившись горечью разлуки.

Ему четыре года. Они с родителями поехали в парк развлечений.

Вокруг все большое, родители пропали.

Бросили?

Он заблудился!

Снова Орта — большие, красивые глаза богини!

Полуоткрытые для вопроса губы...

Незнакомые люди, не люди.

Толкаются.

Что если его не найдут? Что если он останется здесь навсегда!

— Кто здесь?

Хотелось крикнуть: «Это я — Дункан!» Вместо этого горло родило полный отчаяния крик: «М-ма-ма-а-а!!!»

Орта.

Снова парк.

Опять Орта.

Парк.

Ужас охватывает мужчину, бывшего мгновение назад четырехлетним мальчиком.

Поднимаясь от пяток, он заполняет тело.

Орта!

Парк.

Он сковывает члены, не дает дышать.

Парк.

Орта!

Трегарт знает, когда ужас доползет до макушки, он умрет.

Орта!

Парк.

Рука. Чья-то сильная, властная рука схватила мальчика-мужчину за шкуру и с чавкающим звуком вырвала из болота кошмаров.

Затем она же принялась хлестать его по щекам.

С этой болью Дункан очнулся.

5.

Комната. Стены. На полу шумно дышит Телепат.

Клешнеобразная лапа потирает маленький подбородок, по которому чернильным пятном расползается кровоподтек.

— Тебе что, жить надоело?

Темная борода, седые виски, близко посаженные глаза.

— Д'арно! — узнает Трегарт.

— Он самый, — уголки глаз проявились гусиными лапками.

Телепат с ненавистью смотрит на нарушителя.

— Она, мне нужна она, я знаю где, знаю, как спасти!

— Кто она? — Д'арно усаживает вскочившего Дункана обратно на жесткий стул. Особых усилий, наверняка, не потребовалось — податливое тело, словно сделано из ваты.

— Она — Орта — агент, богиня одного мира.

— И ты решил завоевать сердце девушки, закончив жизнь в объятиях Телепата.

— Ты не понимаешь! Она — богиня и она — в плену! У Повстанцев!

— А-а-а, вселенная Орт, слышал. Не повезло тебе, парень.

— Она отправилась с группой, а эта, эти и не думают спасти! Жизнь агента, агентов для них — разменная монета!

— Любовь, — вздохнул Вольный Прыгун. — Попробуем помочь.

6.

Председатель помассировала виски.

Обнаглевшие боги, не менее обнаглевшие Повстанцы, Компьютер Основателя, Д'арно...

В ответ на невероятное напряжение душевных и физических сил, организм отвечал головной болью.

Бывает хуже.

Агент перед ней — голубокожий осмонд деликатно кашлянул.

Председатель позволила себе внутреннюю улыбку — она представляла, как выглядит со стороны: средних лет женщина с осунувшимся лицом, кругами под глазами и растрепанной шевелюрой. Видел бы ее Д'арно...

Движением головы, Ассанта отогнала мысли о назойливом Прыгуне. Взглянула на агента.

— Помните, ваша задача не отвоевывать планету. В идеале, вообще избежать соприкосновения с Повстанцами. Именно поэтому отряд столь малочисленен. К сожалению, мы ограничены во времени, поэтому на Элизию отправитесь не окольными Проходами, а при помощи Камня. Телепат Повстанцев, естественно, почувствует перемещение, поэтому не задерживайтесь на месте Прыжка...

Агент переступил с ноги на ногу.

Она знала, знала, что повторяется — план разработан, утвержден и заучен.

— Последнее — если не удастся завладеть Компьютером, уничтожьте его!

Агент вскинул бирюзовые брови.

— Знаю, как это звучит — Компьютер Основателя, самого Хита Санникова, однако, он не должен, слышите, не должен остаться в руках Повстанцев!

Осмонд кивнул.

— Если увидите или узнаете что-то про пленников, можете попытаться освободить. Но только на обратном, слышите, на обратном пути частью группы — основная задача — Компьютер!

За дверью послышался шум, сдавленные крики.

— Госпожа Председатель занята...

— С дороги!

— Не велела беспокоить...

— Мне можно!

Ассанта поморщилась: «Ну что там еще?»

Шум усилился. От сильного толчка открылась дверь. За ней, отбивающийся от рьяного секретаря, обнаружился Д'арно.

Позади маячила вытянутая физиономия молодого агента, кажется, того, что принес весть про Компьютер.

Спали покосившиеся, открытые ветрам лачуги бедняков и укутанные зеленью парков особняки богачей, спали лавки ушлых торговцев и конторы доброжелательных менял, спали символы веры — голосистые минареты и вполглаза дремали ее столпы — мозаичные церкви. Не видать смутьянов? Еретики, как известно, не дремлют! Заражая спокойствием, содрогал звезды молодецким храпом капитан ночной стражи.

Спите спокойно, жители Элизии, на Элизии все спокойно.

Столица осталась в памяти Дункана именно такой — обманчиво спокойным ночным городом. Обманчиво, потому что в последний раз он путешествовал по городу в компании Антона Левицкого — беглые рабы в поисках удачи.

Как же давно это было! Целую жизнь назад.

Хотя, кое-что в нашей жизни остается неизменным.

Элизия по-прежнему чужая территория. Сейчас он не раб, но агент Гильдии. Агент на враждебной планете.

Скоро час, как эта планета относилась к чужакам с благосклонностью — то есть не подсовывала ненужных зрителей.

— Тише! — лязг оружия, сдавленные ругательства. — Кто-то идет.

«Накаркал!»

— Сюда! — группа юркнула в гостеприимно распахнутую эбеновые объятия подворотню.

Через какое-то время мимо прошлепал местный житель. Судя по одежде — священник, судя по перегару и заплетающимся ногам — счастливый священник.

— Ты красотка, ты молодка,

Погоди, погоди!

Благоверный почивает,

Не буди, не буди!

Мы с тобою, под копною...

Окончание фривольного куплета затерялось в темноте.

Очень счастливый священник.

Джал Леваш — старший группы осторожно покинул эбен. В тусклом сиянии желтых звезд благородный голубой цвет кожи казался серым.

— Чисто. Пошли!

Что Дункан понимал, так это, почему они перенеслись в столицу, когда на город опустилась ночь. Чего не мог понять — почему это надо было делать так далеко от храма.

Ведь их цель именно центральный храм — бывшая резиденция бывшей богини, точнее — западное крыло, там, где начинались (или заканчивались — как посмотреть) потайные ходы.

— Долго еще? — обратил в слова общие мысли Алекс Д'арно.

Дункану до сих пор не верилось, что он, они в группе.

Особенно после того, как Д'арно разговаривал с Председателем.

— Рисковать Компьютером, компьютером Хита Санникова, ради спасения агента! — маленькая, обычно спокойная женщина сейчас походила на фурию — растрепанные волосы, глаза горят, кулачки упираются в роскошные бедра. — Нет! Нет! И еще раз — нет! Я никогда не пойду на это! Конечно, мы ее спасем, всех спасем... потом...

— Знаю я, как вы спасаете!

— Не указывай мне, что делать! — или на жену — рассерженную женщину, заставшую

благоверного в компании молоденькой служанки. Может что было? А может, и правда — помогал бедной девушке вкрутить лампочку.

— Пойми, — Д'арно сжал массивные, не по телосложению, кулаки.

«Сейчас ударит!» — подумал Дункан и сильнее вжался в стенную нишу, куда забился еще в начале разговора.

— Пока вы соберетесь, пока Совет вынесет решение, утвердит план, сформирует группу — пленников перевезут! Неизвестно куда! А парень, — указательный палец отделился от монолита кулака и уперся в Дункана, отчего тот попытался вжаться еще сильнее, — знает, где они! Знает наверняка!

Внутри каменного лабиринта царила абсолютная чернота — лазутчикам свет не нужен.

Крутые, высокие ступени заканчивались площадкой. С небольшого каменного пяточка вело несколько ходов. Группа свернула в левый, крайний.

Дункан знал, что они свернут в левый крайний, они должны были войти в него — похожая на комок спутанной пряжи карта потайных ходов стояла перед глазами — отправляясь на задание, Дункан прошел гипновнушение.

— Здесь, — синекожая рука командира в чешуе кладки безошибочно отыскала нужный камень — секция стены с легким шорохом отъехала в сторону.

Как и все, Трегарт старался не думать. Как и во дворце Кецаля, это оказалось сложнее всего.

Сейчас они преодолеют арку молебной, затем узкий лаз между галереями, потом винтовая лестница и развилка... на развилке группа разделится. Основная часть отправится к Проходу, на поиски Компьютера, они с Д'арно к подвалам... к пленникам... пленнице.

«Орта! — мысль всколыхнула гладь сдерживаемого разума. — Сегодня, почти сейчас — несколько минут не в счет, он увидит Орту!»

— Это секретная операция! — пожар негодования Председателя полыхал с небывалой силой. — Секретная операция Гильдии!

— Какая же она секретная, если я — знаю!

Каменная ниша виделась хрупким, ненадежным убежищем, хотя и имела определенные преимущества — пора привыкать к камню. Зловещий призрак сот обретал черты, вырисовываясь на горизонте вероятного будущего.

— Велико достижение — он знает!

— Да, достижение!

Разговор Председателя и Вольного Прыгуна все больше походил на семейную свару. Причем супругов, состоящих не один год в браке.

Она:

— Ты где был?

Он:

— На совещании.

Она:

— Уж не с той ли блондинкой из второго отдела?

Он:

— Дорогая, ну что ты говоришь, какая блондинка...

Она:

— А помада на воротнике, а запах духов!..

Дункан моргнул — все вернулось на круги своя.

— Ты еще вспомни Нему, как ты тогда распалялся, убеждая всех в своей правоте!

— Да. Вспомню! И, если тебе не изменила память, именно на Неме, мы...

Или не вернулось?

Слова другие — мотивы те же.

— ...все утверждено, сформировано. Даже, если бы я и захотела, хоть на минуту, я не могу, не имею полномочий...

— Кому рассказываешь, все ты можешь!..

Переход, ступени, снова переход, опять ступени. Они спускались все ниже и ниже.

Последний, особо длинный коридор заканчивался тупиком.

Дункан невольно задержался, задержал дыхание. Дрожащая рука со второго раза нащупала нужный камень.

Легкое нажатие.

Стена отошла, впуская в темень ходов лучи, в голову упорно лезло поэтическое сравнение — лучи надежды.

Каменный, тускло освещенный коридор. Двери вдоль стен — все, как в видении.

Войти в него, добраться до поворота... последняя дверь, справа...

Ноги, всегда послушные ноги, отяжелели, срослись, вросли в камень.

Легкий толчок в спину.

Голос Д'арно.

— Беги, спасай свою богиню.

— Пойми ты, он любит ее! Если ты еще не забыла, что такое любовь!

Женщина дернулась, как от пощечины.

Отрешенным разумом, словно это происходило не с ним, и касалось не его, Дункан понял: «теперь точно — соты». Сейчас войдет охрана, заставит покинуть уютный прямоугольник, пересадит в чуть менее уютный шестигранник...

— Я не забыла, — разлепились белые губы. — Я ничего не забыла.

— Я тоже.

Мужчина и женщина стояли друг против друга. Взгляды, до этого высекавшие молнии, внезапно потухли, ослабили силу.

— Все, помню.

— Все.

— Да.

— Да.

«Тайный язык, что ли?»

Слушая и мало понимая в венке междометий, Трегарт внезапно, со всей ясностью, понял одно — сот не будет!

Металл вспучивался, соприкасаясь с лучом бластера. Надежный замок уступал силе оружия.

Трегарт выключил ружье. Рука легла на теплую поверхность двери. Последней по коридору, правой. Все, как в видении.

Внезапно сделалось страшно. Очень страшно.

Что если он ошибся? Что если Телепат солгал, нарочно подсунув видения в податливый мозг? Что если Повстанцы перевели пленников?

Д'арно сжал плечо напарника.

— Давай, смелее.

Трегарт потянул дверь на себя.

— Он не должен действовать в ущерб основной миссии.

— Конечно.

— Выполнять распоряжения командира, даже если тот прикажет вернуться.

— Естественно.

Председатель отдавала распоряжения, словно заученные фразы, как робот. На женщину, внезапно утратившую властность, силы, уставшую женщину было тяжело смотреть.

— Если пленники не обнаружатся в заданном месте, не рыскать по всему храму, не искать, сразу присоединиться к основной группе.

— Без вопросов. Я сам прослежу за этим.

Женщина оторвалась от одной ей ведомой точки в пространстве и посмотрела на Прыгуна.

— Присутствие постороннего в группе, выполняющей секретное...

— Ты и так нарушила больше инструкций, чем можешь вспомнить. Одной меньше — больше... Подумай сама — так лучше для всех, в том числе и для обожаемого задания. Во-первых, я — Прыгун, на случай срочной эвакуации лишний Камень не помешает, я вас скупердяев знаю — дадите один на всю группу. Во-вторых — освобождая пленницу, мы с Дунканом отвлечем внимание Повстанцев от основной группы. Ну а в-третьих — парнк может просто понадобится помощь.

Глаза женщины устало вернулись к точке на стене.

— Хорошо.

Она упала в его объятия.

Уставшая, осунувшаяся, но прекрасная, как никогда.

Дункан стоял истуканом, не веря в собственное счастье. Наконец, руки сомкнулись на подрагивающих плечах девушки. Он обнимал богиню, Орту, обнимал первый раз в жизни.

— Я знала, что за мной придут, и знала, что это будешь — ты! Именно ты — чувствовала это!

Здесь, в сыром подземелье, на пороге тюремной камеры, Дункан познал истинное счастье. Тусклый коридор внезапно сделался волшебным садом, а развороченные двери — распахнутыми золотыми створками, откуда навстречу принцу выплывает любимая...

— Гм, — у створок обнаружился суровый привратник. — Не хочу мешать, но не пора ли убраться отсюда. Причем, прямо сейчас.

Д'арно выудил из сумки Камень Перемещения.

— Стойте, — Орта отстранилась от Дункана, — мои люди, они здесь, в соседних камерах!

— Проблемы, шеф?

— Да! Я чую неприятности, чую своей синекожей задницей!

Джалу Левашу все не нравилось.

Не нравилось задание — тащиться на непонятную планету за полуразвалившимся Компьютером. Не нравилось, что на эту самую планету нельзя прыгнуть Камнем — видите ли, чинуши не могут вспомнить ни ландшафта, ни подробностей. Тащились через весь город, а потом храм, кишачий Повстанцами. Не нравились новенькие — агент и вольный; была б его воля, всех вольных, завязать глаза и в... соты. Не нравился сам, так называемый, мир Трех Лун — голый каменный шар с чесоточными наростами дырявых гор. Да и атмосфера на планете та еще — густая тягучая, словно кисель; уже с расстояния нескольких шагов звуки тонули, в вязкой субстанции, а тела агентов искажались, превращаясь в покрученных уродцев.

И особенно не нравилось то, что пока ничего не произошло.

— Неужели Повстанцы настолько тупые, что не заметили нас?

Джал посмотрел на Компьютер. Компьютер Основателя — серая коробка, величиной с дом, без единого выступа.

Слишком быстро, слишком легко они нашли его — что, естественно, тоже не могло понравиться.

«Переместиться на планету, отыскать установку, доставить ее в штаб!» — всплыла формулировка задания.

Джал смачно сплюнул на испещренный дырами, словно перезревший сыр, пол пещеры.

— Ну и как, дьявол забери, нам его доставлять?

Последнюю мысль он произнес вслух.

Люди повернули вытянутые, искаженные атмосферой, лица к командиру.

Осторожно Джал выудил из заплечного мешка взрывное устройство. «Одно утешение — наш Председатель, понимает, что к чему, хоть и не синекожая». Клейкая лента жадно притянула адскую машинку к серому боку.

— У нас гости, шеф. Движение, возле Прохода, — голос часового — Гаки-катурнианина звучал, словно он находился за стеной, а не на расстоянии нескольких метров.

«Наконец-то!» — Леваш даже обрадовался — синяя чувствительная задница не подвела его и на этот раз — Повстанцы решили потрепать им перышки!

— Шевелитесь, лентяи, занять оборону, приготовиться! Их много? — вопрос относился к Гаки.

— Нельзя сказать, — Гаки изо всех сил шурил три из своих четырех глаз. — Десять, двадцать...

— Чертова атмосфера!

Люди, с подрагивающими на курках пальцами ожидали начала боя. Напряжение сгустило и без того вязкий воздух.

— По-моему... возглавляют колонну Трегарт с Д'арно, — наконец родил катурнианин, — но что за люди с ними?

— Вооруженные? — с надеждой поинтересовался Джал.

Гаки изо всех сил шурил уже все четыре глаза.

— Н-нет, кажется...

— Надо знать точно!

— Это... наши! Наши! — заорал часовой. — Я вижу толстого Кхалиля и ушастого Роки

им все-таки удалось это — гильдийцы, бывшие пленники!

— Дьявол! — не сдержался Леваш.

Через некоторое время, группы объединились. Диверсанты радостно приветствовали освобожденных соратников.

Разочарованный Леваш вернулся к бомбе.

— Чует моя синяя задница, добром это задание не кончится...

— Что ты делаешь? — знакомый и далекий от приятного голос.

— Не твое дело! — не хватало еще отчитываться перед всякими Вольными Прыгунами.

— Ты собираешься взорвать Компьютер?!

— И что?

— Но это же легендарный Компьютер Основателя — Хита Санникова, он же... можно столько узнать!

— Интересно, сколько ты узнаешь за пять минут, даже меньше, пока не нагрянут Повстанцы.

— Не знаю... хотя бы то, что нужно было от него Повстанцам.

— Давай, профессор, — довольный собой Джал активировал бомбу.

Д'арно прошелся перед установкой, зачем-то заглянул под нее.

— Как им управлять? — ровная серая поверхность, ни кнопок, ни экрана.

— Голосом! — подсказал кто-то из команды.

Джал кинул суровый взгляд на своих людей, пытаясь вычислить не к месту ретивого крикуна. Чертова атмосфера!

— Голосом? Хорошо. Э-э-э, здравствуйте...

Молчание.

— Спрашивай, — подсказал тот же голос.

«Это невыносимо! Его люди — его предают!»

— Э-э-э... какое сегодня число?

— Ты не придумал ничего лучше, чем спросить у Компьютера Основателя число? — Леваш позволил себе изогнуть голубую бровь.

— Семнадцатое Костро от сотворения мира по летоисчислению племени Тамбака планеты Вахтанг, — все, в том числе и Джал вздрогнули, хотя голос был совсем не страшный, даже спокойный, — или десятое фримера после Культурного Переворота по исчислению жителей Яразии планеты Дея, или...

— Хватит, хватит! — замахал Д'арно. — Повтори последний, заданный тебе вопрос.

— Э-э-э... какое сегодня число? — ответил компьютер голосом и интонациями Вольного Прыгуна.

— А перед ним?

И снова из динамиков прозвучал не механический голос. Богатый обертонами баритон спросил:

— Я хочу знать, где спрятана Карта Пути?

Джал присвистнул — ничего себе!

— Ты ответил на вопрос? — голос Прыгуна слегка дрогнул.

— Да.

— Что?

— Где спрятана, так называемая, Карта Пути.

— Ну и где?

Джал даже радовался — пусть железка помучит вольного.

— Во Дворце Времени.

— Побаловался и будет! — пришла пора показать, кто здесь хозяин, Леваш оттеснил вольного от установки.

— Погоди, еще парочка вопросов!

— Хоть сто! На бомбе таймер, большую часть времени ты уже израсходовал, хочешь — оставайся. Уходим! — Джал махнул своим парням.

Вот кому не требовалось повторять дважды — Леваш их справно выдрессировал. Группа быстро выстроилась в походном порядке. Все понимали — увеличившееся количество людей Камнем не перебросить, значит придется пробираться к Проходам, возможно, с боем.

— Командир, что будешь делать?

— Возвращаемся домой! — не хватало еще втолковывать всяким отщепенцам очевидное.

— Я не о том, в связи с картой?

Таки придется втолковать.

— Сперва, красавчик, необходимо вернуться, потом доложу Совету... все эти истории о Карте Пути — сказки!

— Однако Компьютер...

— Будь такая карта, за века ее бы давно нашли. Как бы то ни было — решать Совету.

— Пока ты доложишь, пока бюрократы-чиновники примут решение, если вообще примут, Повстанцы получают эту сказку в свои руки.

Парень явно напрашивался на трепку. Хорошую трепку.

— Вы как хотите, а я отправляюсь за ней.

— Ну уж нет! — Джал выхватил бластер и направил его на Прыгуна. — Ты никуда не пойдешь! Я не позволю!

— Почему, — сощурился наглец, — это же сказки.

— А... а вдруг нет, — Джал и сам не до конца понимал, почему не желает отпустить Вольного на все четыре стороны.

— Лучше пусть достанется Повстанцам?

— Нет! — тут уж никаких колебаний.

— Тогда как? Сложное решение.

— Я... — с одной стороны, Джал ни секунды не сомневался, что рассказы о Карте, сродни байкам о Призраках — миф, легенда, страшилка для штатских. Скорее его задница порозовеет, чем он поверит в них! С другой... — Ладно, чем черт не шутит, но с тобой пойдет один из наших.

— Отлично, — легко, подозрительно легко согласился Д'арно, — я выбираю этого, — палец уткнулся в Дункана Трегарта, навязанного группе, вместе с вольным, почти перед самой отправкой.

Молодой мужчина оторвался от перешептывания с одной из бывших пленниц — курчавой блондинки с кругами под глазами.

— Я?.. Меня?..

— Пойдешь с ним! — Леваш пронзил агента одним из своих самых суровых взглядов.

— Как же пленники?.. — смотрел наглец исключительно на девушку.

— О них позаботимся.

— Но я не...

— Не волнуйся, ничего с ней не станется. Подумай о будущем — вернешься триумфатором! — встрял Вольный.

— Это приказ! — только диспутов им тут не хватало.

— Есть, — потупил взор «счастливчик».

Прижавшись, девушка что-то горячо зашептала парню в ухо.

«Не отряд, а дом свиданий!»

— Вот и ладненько, — Д'арно, когда только успел, вытащил Камень Перемещения. — Полетим с ветерком!

9.

Поглощенный переживаниями по поводу разлуки с Ортой, Дункан не заметил самого Прыжка.

Вот перед ним грустное лицо девушки, а в следующее мгновение — поверхность серой стены с тающими следами сложного рисунка.

— Прибыли! Не спи, выходи.

Они с Прыгуном находились в тесной кабинке, вроде телефонной будки — одна стена прозрачная, остальные — матовые. Трегарт снова посмотрел на место, оказавшееся перед глазами сразу после Прыжка — линии и контуры исчезли окончательно — стена ничем не отличалась от соседней.

— Здесь, между прочим, тесно!

— А? — только тут Трегарт заметил, что прозрачная часть «комнаты» имела ручку, он покрутил ее — с легким щелчком дверь открылась.

Не церемонясь, Д'арно вытолкнул его наружу.

С тем же щелчком прозрачная дверь вернулась на место.

Заинтригованный Дункан обернулся — кабинка, неотличимая в длинном ряду таких же серых, укрытых стеклом ниш. На памятной стене, словно из тумана, проступило переплетение сложных линий, перемежающиеся цветными пятнами.

— Где мы? Что это за место?

— Гляди, — вместо ответа, Александр кивнул на соседнюю нишу. В ней появился... человек, внезапно, как в хорошем фокусе, или во время... перемещения. За миг до Прыжка узор из линий и пятен растворился.

С ворчанием, новоприбывший выбрался наружу — узор возник вновь.

— Что за...

Д'арно похлопал его по плечу.

— Пошли, парень, еще не то увидишь.

Слова Вольно Прыгуна оказались пророческими. Покинув вереницу ниш, путешественники вышли в огромный зал.

Арка потолка терялась в невообразимой высоте, противоположная стена также находилась не близко. Помещение имело округлую форму, периметр усеивали всевозможные лестницы, пандусы, переходы, мостики, коридоры, ведущие в интригующую неизвестность, все это сплеталось в сложный узор не хуже стены кабинки.

Но самое невероятное — по этим переходам, пандусам, мостикам, как и по самому залу, двигались существа. Множество существ.

Мимо Трегарта с Д'арно проследовал пенек о четырех корявых корнях, вместо грибов, заросший пучками глаз на длинных извивающихся ножках. За пеньком важно шествовал волосатый гигант в черной тройке, при галстуке — бабочка, гигант волочил футляр, похожий на скрипачный, только в несколько раз больший. Даже контрабасу было бы слишком просторно в эдакой громадине.

Дункан заметил и стайку ушастых летунов со стрекозиными крыльями, и медлительную черепаху, с трудом передвигающуюся на задних лапах. Доставало и гуманоидов...

Шум, толкотня, смешение рас... Более всего это место походило на... вокзал. Крупный вокзал межпланетного мегаполиса.

Как раз напротив них, половину стены занимало гигантское панно. Остроухий эльф на сине-золотом фоне, в высокой, усеянной драгоценными камнями короне, из-под насупленных бровей, сурово взирал на копошащийся муравейник.

— Мы на Хитре, — Д'арно не мешал осматриваться, наслаждаясь замешательством попутчика. — Пересадочной планете. Планете, с которой открываются Проходы во многие, очень многие миры. В некоторые вообще невозможно попасть, минуя Хитру.

— Кто построил, владеет этим местом? — интересно, что Дункану во время непродолжительного обучения, никто не удосужился рассказать о мире-вокзале.

— Эльвы, кто ж еще. Они много раньше нашего освоили межвселенье, вот и оприходовали. Пару раз Хитра меняла владельцев, особенно в период войны между кланами. Гильдия не очень любит вспоминать об этом месте. Отчасти потому, что она не в силах наложить на него лапу, но в большей мере, как мне кажется, оттого, что именно здесь, на Хитре видишь и понимаешь, сколько же рас уже владеют секретом путешествий между вселенными. Некоторые, как эльвы, давно вступили на этот путь, некоторые только осваивают, однако все вместе, это говорит о том, что золотые дни Гильдии — позади.

— А Призраки, здесь есть Призраки? — вырвалось у Дункана.

— Призраки? — Д'арно почесал макушку. — Призраков нет. Даже для эльвов они — загадка, а ведь остроухие знают о межвселенье много больше нашего. Вернемся к истории, в данный момент, Хитра принадлежит клану Нанмор, — Д'арно указал на панно. — Нельс Галас Нанморский захватил ее пять веков назад.

Иллюстрацией к словам Прыгуна, невдалеке от путешественников, пересеклись две группы эльвов. Высокие, статные, тонкокостные с характерными чертами, присущими данной расе, для Дункана они мало отличались друг от друга. Разве только основными цветами одежды — красным с бирюзовым у одних и изумрудным у оппонентов. Однако эльвы так не считали. Группы остановились, словно натолкнулись на стену. Стену с надписями, похабными святое. Глаза горят, ноздри вздулись. Изящные руки схватились за эфесы тонких мечей. Даже рабы — существа различных рас, тянущие за хозяевами поклажу, казалось, ненавидели товарищей по несчастью с другой стороны.

Посверкав глазами, группы разошлись.

— Хитра нейтральная планета. Как бы ты не ненавидел противника, здесь трогать его нельзя. Перемирие. Нарушившего закон никогда больше не пустят на Хитру. Кстати, вот и наши оппоненты.

У одной из стен, с множеством дверей, выстроилась очередь. Замыкала ее группа человекоподобных, разношерстно одетых гуманоидов.

Д'арно двинулся прямо к ней.

— Привет, Порки!

Долговязый детина, стоящий к ним спиной, оторвался от товарищей.

— Д'арно?

— Собственной персоной, — вольный шутливо поклонился.

— Глядите, кого принесло!

Товарищи долговязого без особого дружелюбия приветствовали вольного Прыгуна.

— Давненько тебя не было видно.

— И попугчиком обзавелся.

— Кто он, случайно, не из Гильдии?

— А вас, каким ветром на Хитру? — вопрос о Гильдии, Д'арно оставил без ответа. —

Да еще компанией.

Долговязый поморщился.

— Дела, дела, мы же не ты — вольная птица.

К ним подошел серокожий гуманоид, облаченный в синюю с золотым робу, на высоком лбу красовалось клеймо раба.

— Господа, прошу за мной.

Долговязый махнул Прыгуну.

— Бывай, Д'арно.

— До встречи, Порки.

Едва группа исчезла за одной из дверей, Трегарт вцепился в вольного.

— Это Повстанцы, Повстанцы?

— Да, чего ты так разволновался?

— Ненавижу их! — в эти два слова, Дункан попытался вложить все то, что он чувствовал к существам, державшим в плену его Орту, возможно, пытавшим девушку Телепатом.

— Лучше не показывай свои чувств. Похоже, Порки с друзьями на Хитре за тем же, зачем и мы.

— Карта Пути! Может расскажешь, почему она так важна, и, вообще, что это такое?

— Не сейчас.

К ним уже двигался раб, дабы препроводить в одну из дверей.

10.

За дверью обнаружилась небольшая комнатка, в дизайне обстановки, как и в одеждах служащих преобладали синие с золотом цвета.

Пожилой раб за конторкой поднял три глаза на посетителей — четвертый был закрыт золотой повязкой, пересекавшей лоб.

Д'арно молча вывалил на стол несколько предметов, Дункан даже не успел рассмотреть, что это, как плата исчезла, сметенная виртуозной рукой хозяина кабинета.

— Куда желают, достойные господа? — прозвучал дежурный вопрос.

— Во Дворец Времени.

— Дворец Времени? — служащий изогнул одну из четырех бровей, подумал, изогнул еще одну. Отщелкав положенное на невидимом для посетителей пульте, трехглазый указал на дверь, расположенную ошую от посетителей. — Вам сюда.

Д'арно поклонился.

— Благодарю.

За дверью их также ждал сине-золотой раб, на этот раз почти человеческой внешности, если не считать вытянутую, в шишкообразных наростах голову.

«Все делают рабы. Чем же занимаются эльвы?»

— Прошу.

Пол ниши, куда ступили путешественники, внезапно пришел в движение — лифт.

— Это не лифт, — словно прочитав его мысли, пояснил Д'арно, — точнее, лифт и что-то вроде самодвижущейся тележки. Она доставит нас, куда надо.

— Во Дворец Времени?

Вольный пожал плечами, не оценив юмора.

Ехали довольно долго.

Наконец, тележка остановилась. Перед ними серела старая знакомая — ниша. У Дункана тут же зачесалось между лопаток.

— Уважаемые господа — Проход в ваш пункт назначения, — поклонился шишкоголовый.

ОТДЕЛЬНАЯ группа агентов, через проповедников, либо в личном контакте занимается господствующей властью.

Безвозмездная помощь, подарки, материальные средства. (Стандартная практика налаживания связей см. Раздел 1)

Лоббируются непопулярные, неприятные, притесняющие законы и проекты. Ужесточаются поборы, репрессии.

Следует обратить внимание, дабы не был «обделен» ни один класс — от наиболее бедных слоев населения до зажиточной верхушки.

Недовольство должно охватить ВСЕ общество.

Памятка агенту Гильдия.

Закрытый курс для агентов-мессий.

1.

Они стояли на острове — клочок скалы кое-где укрытый бурым мхом.

Остров был около пяти метров в поперечнике.

Рваные края обрывались в... пустоту. Бирюзовое небо окружало их со всех сторон, даже снизу, теряясь в пелене белых облаков.

Подобно воздушному шару, или листку на ветру, остров парил среди всего этого.

Сквозь завесу облаков проступали контуры соседних островов. Сверху, снизу, близко и далеко, игнорируя законы физики и здравый смысл, глыбы скал неспешно бороздили воздушное пространство.

— Необычный мир, — Трегарт присел на кусок старой кладки — единственное возвышение на острове. По всей видимости, некогда это клочок суши был частью чего-то большего. — Но что дальше?

Д'арно кивнул на соседнюю твердь, плывущую немного ниже.

— Полетели!

Вольный Прыгун раскинул руки, сделал шаг за край, — Дункан запоздало дернулся, пытаясь удержать безумца, — а Д'арно... полетел!

Широко раскрытыми от удивления глазами, Трегарт наблюдал, как напарник, словно птица, осваивает просторы воздушной стихии.

— Что же ты! — вольный зашел на вираж. — Давай, лети!

Трегарт замотал головой.

— Лети, не бойся! Это просто!

Ученые не правы — безумие заразно, как грипп, дизентерия; Дункан подполз к краю, раскинул руки и... вывалился за пределы острова.

Воздушные потоки тут же подхватили его, словно человеческое тело для них было легче перышка. Страх открытого пространства склеил не только губы, но и веки.

Рядом смеялся Д'арно.

— Разве это не здорово!

Глаза, наконец, открылись.

— Как такое возможно? — следом за органами зрения, пришел черед органов речи и удивления.

— Откуда я знаю. Просто наслаждайся, и все!

Проделав сложный пируэт — гордость альбатроса со стажем, Вольный Прыгун направил нос к намеченной цели.

— За мной, желторотик!

Достоинство повторив маневр, отчего-то вспомнилась мокрая курица, Трегарт двинул следом. В отличие от Д'арно, он старательно махал руками.

По мере приближения, сквозь завесу облаков проступали очертания цели полета.

Остров оказался далеко не маленьким, поистине огромным, и являл собой все ту же скалу, практически без растительности.

Занимая серым телом почти всю площадь, на острове возвышался замок. Зубцы стен, бойницы, высокие шпили башен с развевающимися флагами.

— Ух ты! — вырвалось у Дункана.

То ли слезящиеся от полета глаза, то ли местная атмосфера сыграла с ним злую шутку, потому что замок... исчез. Вместо него стоял... дворец. Черепица крыш, несколько зданий, соединенных переходами и роскошный парк с вальяжно прогуливающимися точками обитателей. И снова что-то произошло — место дворца занял храм. Золото куполов, высокие окна, невдалеке грозила грешникам в небе башня звонницы...

— Ты видел, видел? — в восклицании Дункана было больше вопроса — либо он сошел с ума, либо... второго либо не существовало. Но с ума не сходят на пару...

— Не удивляйся — метаморфозы времени.

От строения — оно уже походило на ступенчатую пирамиду — отделилась стайка существ.

По мере приближения, Дункан различил перистые крылья, свободные светлые одежды и милые, почти кукольные личика, окруженные светлыми кудряшками... — воистину — мир метаморфоз, стоило моргнуть, и к ним уже летели рогатые чертенята с красными ртами и извивающимися хвостами. Кончики хвостов украшали кокетливые кисточки.

— Ты уверен, что Карта Пути именно на этом острове? Может, лучше полетим туда? — Дункан указал на парящий несколько дальше целый архипелаг.

— Какая разница, куда лететь, — не совсем понятно ответил Д'арно.

Встречающая делегация приблизилась. Теперь она состояла наполовину из ангелов, наполовину из чертей. Ангелы выудили длинные трубы и нестройно задудели.

Под аккомпанемент своеобразной «музыки», они и опустились на твердь.

Здание перед ними снова было дворцом. По мощеной дорожке, к путешественникам, припадая на одну ногу, уже бежал невысокий пузатый толстячок в распахнутом настезь некоем подобии халата.

— Уф, еле успел, времени на все не хватает...

Ангелы задудели в самое ухо, точнее, уши толстяка — большие, с вытянутыми почти до плеч мочками.

— Кыш, а ну пошли отсюда! — замахал он пухлыми ручками, точнее, одной рукой — вторая сжимала небольшой мешочек с каким-то сыпучим содержимым. Как ни странно,

летающие создания его послушались.

— Может, она была с самого начала, а, возможно, только появилась, на широкой лысине толстяка чудом держалась маленькая, совсем не подходящая к облику корона.

— Добро пожаловать, значит, дорогие гости в мое скромное жилище.

— Э-э-э, — пока путешественники думали, что ответить, толстяк подскочил к Д'арно и с силой затряс протянутую руку.

— Рад, очень рад, особенно тебе, мой друг Д'арно...

«И здесь его знают», — успел подумать Дункан, а толстяк уже тряс его руку.

— И тебе, мой друг Трегарт!

Когда это он успел прославиться?

— Вы меня...

— Что же мы стоим на пороге, прошу, прошу, мой дом — ваш дом!

Ощутимый толчок в спину вывел обоих путешественников из ступора.

— Откуда он знает — тебя, меня? — улучив момент, спросил Дункан. Хозяин был как раз занят восхождением на высокие ступени крыльца. Трегарт понял причину его хромоты — одна нога толстяка заканчивалась... копытом.

— Это же Дворец Времени, а он — Эон — хозяин. Бесчисленное количество раз эта встреча происходила для него в прошлом, еще столько же произойдет в будущем...

— Но как же, мы ведь...

Д'арно приблизил палец к губам.

— Вы впервые у меня, — они пересекли порог и двигались по широкому коридору. Тяжелый мешок доставлял хозяину массу хлопот, однако тот и не думал бросать его. — Ведь впервые, я не ошибся?

Трегарт осторожно кивнул.

— Я знал, знал! — довольный собой толстяк перекинул ношу на другое плечо. — У меня, знаете, глаз наметан — всегда вижу, когда гость первый раз. В таком случае, проведем небольшую экскурсию, — хозяин замка заковылял к одной из дверей. Открыв ее, он что есть мочи заорал: — Соня, вставай! Вставай!

Тишина.

— М-м-да, — он повернулся к гостям. — Здесь у меня Брахма спит. Всегда он спит. Ну да, ну его, пойдете дальше.

Из-за соседней двери повеяло навозом, вкупе с запахом свежескошенного сена.

— А тут... конюшня. Красавцы! Как и положено — белый, черный, гнедой, рыжий. Жаль, с наездниками туговато. Не желаете попробовать?

— Ну-у...

— Там Эйрос и Хермиона — спорят. Всегда спорят! Тут... да что я все о себе, да о себе, давайте о вас! Например, у тебя, Дунки, ничего, что я — Дунки...

— Эон, мы бы хотели забрать одну вещь, — не слишком вежливо, и слишком поспешно перебил хозяина Д'арно.

Толстяк помахал свободной рукой в воздухе.

— Дела, дела, все ко мне с какими-то делами. Нет бы — просто так, посидеть, поболтать, в гости, навестить старика. Я бы рассказал пару историй. Вот, например, у тебя Шурик, ничего, что Шурик, приключится весьма забавный случай, хе, хе, когда ты будешь в трактире, если это можно назвать трактиром, так — забегаловка, на планете Эльба.

— Эон, мы с дороги устали, хотелось бы отдохнуть, привести себя в порядок, — и снова

Д'арно далеким от вежливости образом перебил хозяина.

Толстяк хлопнул себя по лбу, корона съехала почти на самые брови, но не упала.

— Где мое гостеприимство! Чуть не заболтал! Конечно, вас проводят, покои уже готовы, надеюсь, понравятся. Через некоторое время, хе, хе, а мне нравится: «некоторое время», я вас жду в розовом зале. Не задерживайтесь, не терпится продолжить столь увлекательную беседу.

Эон хлопнул в ладоши — снова появилась стайка ангелов-бесов.

— Следуйте за ними! — важно махнул мешком хозяин.

Занятые больше собственной возней — дьяволята отбивались от наседающих ангелочков, — впрочем, не очень настойчиво, своеобразные слуги повели гостей к апартаментам.

2.

Трегарт замер на пороге. Комната — одна на двоих. Исходя из внешнего вида дворца и убранства коридоров, Дункан ожидал встретить внутри роскошь, если не превосходящую, то сравнимую с остальным.

Реальность разочаровывала.

Невидимая линия делила небольшое помещение на две равные части. Унылые серые стены и аскетичность обстановки одной половины контрастировала с полным хаосом к которому удивительно точно подходило определение «бардак» другой — нагромождение мебели различных размеров и назначения, валяющиеся, или выглядывающие из приоткрытых ящичков вещи...

— Удивлен? — Д'арно не без гордости любовался второй половиной. — Не удивляйся — моя берлога. А это, — кивок в сторону серой части помещения, — наверняка, твоя. Узнаю келью агента. Эон хочет, чтобы мы чувствовали себя, как дома.

Только когда вольный облек это в слова, Дункан осознал — действительно, аккуратная часть с точностью до мелочей копировала его комнату в комплексе Гильдии.

— Ты хочешь сказать, он это построил? Специально для нас?!

— А для кого же.

Ловко лавируя между предметами интерьера, Д'арно двигался к покосившемуся деревянному шифоньеру в глубине помещения.

— Но как?.. Когда успел? Мы же здесь не более получаса. Откуда узнал?..

— О-о-о, он все знает — Дворец Времени.

Не без труда добравшись до цели, Д'арно открыл шкаф.

— Посмотрим, что здесь у нас... О-о-о!

Любопытствующий Трегарт вытянул шею. Шкаф, как и положено шкафу, был забит вещами.

Непонятно почему, Д'арно сие обстоятельство привело в неопишуемый восторг.

— Загляни в свой, — перебирая одежду, бросил вольный.

— Что?

— Открой свой шкаф, говорю!

Пожав плечами, Дункан пробрался на свою половину. Открыл — ничего — голый серый пластик.

— Пусто, — хоть и отдавало детством, но обидно. Д'арно — все, а ему...

— Точно? — насупил брови напарник.

— Сам проверь!

— М-м-да. Не очень... — выбрав среди туалетов безликий походный костюм из плотной ткани, Д'арно кинул его Дункану. — На-ка, примерь, не ахти что, но хотя бы чистый.

— Чем ты недоволен?

— В каком смысле?

— Ты сказал: «не очень».

— Ну... может, ерунда все это. Ты спрашивал, откуда Эон знает, как выглядят наши жилища. Как я уже говорил — мы во Дворце Времени, и это не просто красивое название, а Эон — хозяин этого дворца. Уяснил?

— Не очень.

— Как бы тебе... в одном из путешествий, кто-то, уж не знаю кто, натолкнулся на это место. Мир — не мир, планета — не планета, вселенная... Время здесь течет... как хочет, так и течет. Понял?

— Нет!

— Ну, сейчас оно в будущее, потом в прошлое, затем — снова в будущее. Когда мы прибыли — Эон знал наши имена, ты удивился, а я сказал, что эта встреча уже происходила для него, и не раз.

— Помню.

— Еще бы! Хоть я и повторяю — бесчисленное количество раз, для Эона, мы уже навещали его, в его — Эонова прошлом, или будущем — здесь это относительные понятия. Столько же, если не больше, навестим еще. Он — один — хозяин и обитатель этого мира, проживает все эти жизни — сначала вперед, потом — назад, затем с середины, черт знает как. Теперь понятно?

— Не совсем, но мысль уловил, — и действительно, Дункан начал кое-что понимать. — Но это же страшно — существовать целую вечность — сам, один, зная, что тебя ждет...

— Другой жизни он не знает, — пожал плечами Д'арно. — Возможно, ему жалко нас — живем, не ведая, что случится в следующую минуту. И потом — Эон не сам, точнее, не совсем одинок.

— Слуги?

— И это тоже. Острова, заполняющие мир — они все населены.

— Народом времени?

— Зачем же, самим Эоном! Им — молодым, им — старым, зрелым, ребенком, в разные периоды существования.

— И что он, они встречаются?

— Естественно, ходят в гости, даже воюют.

— Но как?.. — понимание, кинув лучик надежды, исчезло за тучами невежества.

— Честно говоря, — Д'арно снова вернулся к шкафу. — Черт его знает — вот тебе лучшее объяснение, что я могу дать. Одно знаю точно — Дворец Времени — лучшее место, какое можно придумать, чтобы спрятать Карту, спрятать что-либо.

— Понимаю.

— Да ничего ты не понимаешь! Пришедший сюда, просто, как искатель — уйдет ни с чем. Эон наперед знает, чем закончится встреча. На вопрос, у него ли Карта, он ответит

отрицательно и будет прав. Но, искатель, пришедший с твердым намерением, знанием, что Карта во Дворце Времени и нигде больше — получит ее.

— Чем ценна эта карта. Ты обещал рассказать.

Д'арно вытащил костюм, похожий на подаренный Дункану и начал переоблачаться.

— Путешествовать между мирами можно, пользуясь Проходами, а можно при помощи Камней.

— Да что ты говоришь!

— Не язви. Как ты знаешь — число Камней ограничено, конечно, оно всегда было не особенно велико, но к сегодняшнему дню...

— Эта такая манера отвечать на вопросы — излагать прописные истины?

— Карта указывает путь к Эталонному Миру! Собственно, поэтому она и называется — Карта Пути.

— Миру, откуда Хит Санников привез Камни Перемещения?

— И миру, из которого, по легенде, открываются Проходы во все места межвселенья!

Дункан присвистнул.

— Ничего себе!

— Кто владеет Первой Планетой — владеет многомирьем, — Д'арно почти в точности повторил слова наставника Дункана, сказанные им про Эталонный Мир. — Мир — породивший Камни Перемещения! Камни, не встречающиеся более ни на одной планете множественной вселенной. Воистину — это далеко не рядовая планета. Про нее рассказывают еще кучу историй, больше похожих на фантазии, хотя реальность, порою, фантастичнее любых грез.

Раздвинув вещи, вольный принялся колдовать над задней стенкой шкафа.

— Пока не забыл — не позволяй Эону рассказывать тебе будущее.

— Почему?

— Почему, почему, потому что никогда не ошибается — вот почему!

Ответ, мягко говоря, был не совсем исчерпывающим.

— Интересно, как здесь... — щелчок — и стенка шкафа отошла в сторону. — Держи! — Д'арно извлек из тайника портативный бластер и кинул его Дункану.

— А тебе?

— У меня такой же, — вольный похлопал себя по карману. — Точнее — этот же.

— Откуда ты знал, что он там будет?

— Как тебе объяснить... это все-таки мой шкаф.

— Тогда, как узнал про тайник Эон? Обстановку еще можно объяснить — воспоминания, подавляемые мысли...

— Никаких мыслей он не читает. Очнись — мы во Дворце Времени. Эон просто заглянул в будущее каждого, в то будущее, когда мы вернемся в свои гм, апартаменты и воспроизвел их. В том будущем мой любимый бластер будет снова лежать в тайнике.

— А мой шкаф будет пуст. Почему?

— Почему, почему, заладил, как попугай. Не знаю! Может, не захотел, или лень было по шкафам шарить...

— Или я никогда не вернусь в свою комнату.

Вопрос, если это был вопрос, повис в воздухе.

— Пошли к Эону, — стараясь не смотреть на напарника, Д'арно захлопнул тайник и старательно, разглаживая складки, возвратил одежду на место. — Хозяин, небось, заждался.

— Да, пошли.

— Слуги! — крикнул вольный. — Эй, слуги, где вас черти носят!

На пороге появился довольный ангелочек, поправляющий сползший на бок нимб; растрепанный и немного растерянный бесенок, с трудом двигая крыльями, волочился следом.

— Отведите нас к своему господину!

3.

Стены комнаты были украшены восьмерками. Они двигались, переплетались между собой, разворачивались до полного нуля, или ленты Мебиуса и снова скручивались в знак бесконечности.

— Ну как?

Посередине, на мягких подушках восседал слепящий кокон белого света — голос исходил из него.

— Эон? — Д'арно прищурил глаза.

— Кто ж еще! Проходите, располагайтесь.

Сколько Дункан не вращал головой, ни на калейдоскопе стен, ни в сияющей обстановке, не обнаружил даже намека на розовый цвет.

Д'арно осторожно присел, подальше от огненного существа.

— Что это с тобой?

— Разве не видно!

— Не очень.

— Ах да, вы же не в том спектре...

Кокон начал меркнуть, сквозь слепящие контуры проступил бородатый старик в белоснежном, ниспадающем до пят одеянии. Сияние осталось только вокруг головы, подсвечивая седую курчавую шевелюру.

— Так лучше?

— Намного.

— Как я мог так ошибиться, хотел сделать приятное, — поклон в сторону Дункана.

— Эон, мы к тебе вот по какому делу...

— Да знаю я, — махнул старик, — хотите Карту Пути.

— Она у вас? — Дункан, как и напарник затаил дыхание в ожидании ответа.

— У кого ж еще! — из воздуха, в пухлой руке хозяина, появилась деревянная чаша. Отпив из нее, Эон мечтательно продолжил. — Не далее, как вчера, ваш этот — Хит заглядывал ко мне. Просил сохранить. Весь в заботах. Я предлагал ему остаться, погостить, перекинулись бы в картишки... чаша исчезла, вместо нее появилась толстая колода карт. — Кстати, не желаете... в вист, подкидного, или... могу погадать, — пухлые ручки уже раскладывали пасьянс. — Я, знаете ли, немного гадаю...

— Спасибо, нет! — поспешил с ответом Д'арно. Затем, набрав в грудь побольше воздуха, осторожно спросил, — Эон, ты отдашь нам Карту?

— Разве я еще не отдал? — искренне удивился старик. — Старею, старею...

— Так как?

— Отдам, — карты исчезли. — Но не бесплатно.

— Чего вы хотите?

— Одному из вас, мне все равно кому, я расскажу его жизнь. Всю, до конца!

Трегарт увидел, как побелел Д'арно. Теперь он понял предупреждение напарника, не позволять Эону раскрывать будущее. Знать, что произойдет в каждый следующий момент. Знать до дня, минуты, с каждым прожитым мгновением убеждаясь в правдивости этого знания. Знать, не в силах что-либо изменить, видеть, как твои усилия лишь подтверждают поведенное страшным стариком. И все это до того, чтобы в один прекрасный, точно известный момент — умереть. Страшная цена. Страшное знание.

Д'арно кусал губы, не решаясь произнести хоть слово. А кто бы решился?

— Так как?

Тут послышался грохот, здание трянуло.

— Что случилось?

Эон взмахнул рукой — восьмерки исчезли, стены комнаты сделались прозрачными.

Стало видно — к их острову приближался такой же, если не больший островок. Корявые края щетинились жерлами пушек.

Залп.

Их снова трянуло.

— Повстанцы? Нападение!

Эон хлопнул себя по лбу.

— Надо же, как время летит! Неужели война... ведь совсем недавно...

Бесстрашно, навстречу врагу устремились ангелы с чертенятами, у первых на вооружении были вилы, у вторых — книги.

Очередной залп смел их.

От следующего начали рушиться башни.

— У вас есть оружие?

— Полно.

— Так защищайтесь! Почему не ответите!

— Зачем? — искренне удивился хозяин разгромляемого дворца. — Эту битву я проиграю, меня возьмут в плен, заточат в темницу — каменный мешок, ни сесть, ни лечь, только стоять. На целых сто лет. Тогда я был молод, и мне это казалось забавным.

— И вы так спокойно говорите об этом?

— А что я могу? Вам не понять. Тяжело воевать сам с собой. Знаете что, пожалуй, я отдам вам Карту. Назло себе! И почти бесплатно. Только ты, — палец нацелился на Дункана:

— Найдешь Проход не там,

Где ищешь.

Есть усеченная скала,

На мире Ретгар.

Голос возвысился до громоподобного.

— Лишь упорных,

Согреет слава и хвала.

Взмах руки — Дункан почувствовал, как отяжелела ладонь. Что-то увесистое и угловатое лежало в ней. Он поднес новообретение к глазам — кристалл — песочные, матовые грани...

— Что это?

— Карта! — Д'арно с трудом удавалось перекрикивать грохот орудий. — А ты ожидал свиток бумаги? За тысячу лет от бумаги ничего не останется!

Острова приблизились. С соседнего, на их, начали перелетать вооруженные люди.

— Повстанцы! — узнал Трегарт.

— Да, Повстанцы, — согласился Эон, — и очень злые. Я отдал вам Карту — она исчезла из всех дворцов всех времен. Они уже внутри и скоро будут здесь.

Словно гигантские экраны, вместо панорамы боя, стены показали бегущих по коридорам вооруженных людей. Возглавлял их знакомый Д'арно — долговязый Порки. Вытянутое лицо было перекошено, глаза горели азартом боя.

— А за ними приду я. Вот и все.

Вместе со стенами, потухло и сияние вокруг головы Эона. Белая рубаша превратилась в рваное рубище. Волосы спутались и повисли грязными лохмами.

Появившиеся из ниоткуда дьяволята торжественно поднесли ему баланду в алюминиевой миске.

— Нам что делать? Здесь есть Проход?

Эон оторвался от баланды.

— Дунки должен остаться, прикрывать. А ты, Шурик убежать с Картой. Проход там — прямо по коридору, под аркой.

— Нет! — крикнул Д'арно. — Мы уйдем только вдвоем!

— Вдвоем никак, — лениво процедил Эон, — погибните. Вас обоих, выстрелом в спину убьет тот высокий Повстанец. Шурику снесет пулей пол черепа, а ты, Дунки погибнешь не сразу. Всю Карту кровью испачкаешь — будешь пытаться ее уничтожить.

— Он прав, — Трегарт вытащил бластер, подаренный Д'арно.

— Нет, я не допущу, есть, должен быть выход!

— Я ж говорю — один остается, второй бежит. Первый не столько задержит их огнем, сколько Повстанцы будут обыскивать, искать Карту...

— Тогда, я остаюсь!

— Нет, — Трегарт сжал плечо друга. — Он прав, и ты знаешь, что он прав, хотя бы потому, что для него это уже было. Ты — опытнее, у тебя больше шансов доставить Карту Гильдии!

Д'арно кивнул.

— Гильдия, хоть она этого и недостойна, может гордиться тобой!

— Передай привет... Орте.

— Передам, — вольный повернулся к старику. — Он выживет?

Не слыша, или делая вид, что не слышит, Эон увлеченно хлебал баланду.

— Тебе пора, — Дункан подтолкнул напарника к выходу.

— Эон, я спрашиваю, он останется в живых?

Тот продолжал потреблять арестантскую пищу, всецело поглощенный этим занятием.

Кроме подушек в комнате ничего не было, Трегарт собрал их, соорудив себе нечто похожее на баррикаду.

Шаги Д'арно растворились вдали.

Боялся ли он умирать? Странно, но сейчас он не думал об этом.

Грохот, означающий приближение Повстанцев становился все ощутимее.

— Сделай шаг влево.

— Что? — Трегарт не сразу сообразил, что с ним разговаривает Эон.

— Шаг влево. Порою, наша жизнь зависит от одного малюсенького шага. Но можешь не шагать.

Дункан осторожно передвинулся, куда посоветовал хозяин.

В тот же миг, дверь, с частью стены рухнула в комнату. Кусок камня — осколок стены — словно снаряд просвистел через то место, где мгновение назад стоял Дункан.

Призванный стать смертельным, он лишь зацепил Трегарта.

Мягкая баррикада приняла теряющее сознание тело.

4.

— Скорее, помогите!

Миндалевидные глаза эльва безучастно изучали Д'арно. Как же в эту минуту он ненавидел их спокойствие, равнодушие, надменность!

— Погибает человек!

Проход выбросил его прямо во дворец. Шафрановые цвета одежд рабов говорили о принадлежности хозяев к роду Тайбетнор.

Пожилой эльв склонился к остренькому ушку эльвийки и что-то зашептал в него.

Там, в далеком Дворце Времени, погибал его напарник, здесь, в этом царстве спокойствия и роскоши, вместо того, чтобы, как любое нормальное существо, прийти на помощь страждущему, они перешептываются.

— Вы поможете мне! — не слишком вежливо, поинтересовался Прыгун.

Эльв посмотрел на него, словно только сейчас заметил присутствие человека.

Красивое, очень красивое, по человеческим меркам, лицо, для Д'арно в эту минуту было отвратительно.

— Ты призываешь нас выступить против тех, кого вы называете Повстанцы.

— Приходят времена, когда нужно выбрать — на чьей ты стороне!

— По-вашему, сейчас такое время?

— Идет битва, гибнет человек, мой друг!

— Став на его защиту, мы будем вынуждены нести гибель другой стороне. Там тоже чьи-то друзья.

— Выходит, вы за них. Против Гильдии! С Повстанцами!

Пожилой эльв усмехнулся.

— Лет двести назад, во время конфликта Гильдии с Лейпидинцами, вы его уже не помните, тогдашний Председатель пришел ко мне и сказал: выбирай. Сто лет назад, когда отъединились Повстанцы, и та, и другая сторона приходила ко мне и говорила: выбирай. Еще через сто лет придет кто-то и тоже скажет: выбирай. И каждый, слышишь человек, каждый раз, каждый говорит, что это решающее время, сотрясение основ, чего никогда не

было, да и не будет подобного.

Было. Будет. Есть.

Прошли те моменты выбора, пройдет и этот. Да, тебе живущему, они кажутся судьбоносными. Сделай выбор и дальше, все пойдет уже не так, как до этого. Лучше, много лучше, справедливей, чище... И сегодняшний конфликт, сегодняшнее время выбора, как и сотни, тысячи до него, как миллионы после, уйдет, осев темными буквами, сухими датами на страницах истории. И поверь — это еще не худшая участь.

Мой ответ — нет, человек. Я не стану влезать в ваши дразги. Времена не меняются. Нет ничего нового в многомирье. Но мы не станем и задерживать тебя, даже укажем Проход. Ступай, делай свое, такое важное для тебя, дело.

Эльв снова склонился к острому ушку, чтобы пошептать в него. Прекрасная эльвийка прыснула в кулачек, давась смехом.

5.

Кровать, белое, натянутое до небритого подбородка одеяло, солнечная чистая комната. Болела голова, заражая ленивой слабостью все тело.

Последнее, что помнил Трегарт — сражение во Дворце Времени и камень, несущийся в его сторону.

Он в плену, у Повстанцев! Или... он уже в раю...

С первым не вязались чистые простыни и далекая от тюремной обстановки, со вторым — неважное самочувствие.

Разве мертвецы испытывают головную боль?

Кто знает, что чувствуют покойники.

Был еще третий вариант... наверняка был... фантазия Дункана не простиралась в такую даль.

Тихо скрипнули петли входной двери. Он не помнил, предшествовал ли этому щелчок замка. Трегарт поднял голову. Девушка. Милое личико, темные волосы, кроме непокорной челки, спрятаны под белый, накрахмаленный чепец, ладную фигурку скрывает светлый же, длинный халат.

Медсестра? Надзиратель? Все вместе?

— Вам лучше, прекрасно.

Все-таки медсестра — равнодушие, замешанное на профессиональной вежливости. Хотя и надзиратели...

— Выпейте, — на изящной ладони покоилась таблетка — желтая с полоской по центру.

Дункан послушно открыл рот. Профессионально забросив туда лекарство, незнакомка протянула стакан воды.

Трегарт запил, почти физически чувствуя, как пилюля движется по пищеводу.

Сопrotивляться? Сделать вид, что глотаешь, а потом выплюнуть лекарство на пол... Зачем? Если бы его хотели отравить, давно сделали бы это.

— Прекрасно.

Точно — медсестра.

Последнее прибавило Трегарту решимости.

— Где я? Что со мной?

— У друзей. Вы — нездоровы.

Следя за девушкой, он повернул голову. В поле зрения попало окно. Небольшое окошко со светлыми прутьями мощной решетки.

Как ни странно — стало легче. Тюрьма! Светлая, чистая, но тюрьма. Хоть какая-то определенность.

Скрип петель, покидающей палату сестры милосердия слился с тихими шагами. На холсте приоткрытой двери нарисовалась новая фигура — человек, мужчина, в возрасте.

— Мне сказали, вы пришли в себя.

Чем-то — посадкой головы, манерой говорить, колючими, не знающими радости глазами, вошедший напоминал Гмем Канна.

— Мое имя — Рашид Канн, — подойдя, незнакомец протянул руку. Видимо, что-то мелькнуло в глазах Дункана. — Да, да я — родной брат главы службы безопасности Гильдии.

— Вы Повстанец? — хватит с него неопределенности!

— Повстанец, — кивнул Канн.

И снова глаза выдали Дункана. Да и как можно было сдержаться, после того, что Повстанцы сделали с Ортой!

— Узнаю работу Гильдии и моего братца, — устало усмехнулся Рашид Канн. — Повстанцы — кровожадные мясники, поедающие детей и насилующие старушек.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Про старушек не было...

— Значит остальное — правда.

— Глава службы безопасности, да и Гильдия здесь не при чем. Я сам имею глаза и уши. Кстати, не по милости ли ваших людей, я оказался на больничной койке.

— На больничной, не на тюремной! Конечно, вы все видели, вам все показали, объяснили — Гильдия — самая лучшая, самая гуманная. Кстати, — собеседник передразнил интонацию Трегарта, — как поживает верх гуманизма — планета сот? Не правда ли, весьма располагающая к размышлениям экскурсия. Ведь вы там были?

— Откуда вы знаете, что мне устроили... экскурсию? — даже сейчас Трегарта передернуло. В этот самый момент, заключенный сидит там — один! Да, Трегарт в плену, но даже здесь есть с кем поговорить.

— Дайте-ка попробую угадать. Идет обучение, вы провинились, незначительно, и в этот самый момент, как нельзя кстати, подворачивается другой провинившийся. Показательный процесс. Крики, мольбы, «я больше не буду!», его сталкивают, и он медленно опускается вниз.

— Что... что вы этим хотите сказать? — в горле пересохло. Возможно ли? Так угадать?

— Милый мой — весь этот спектакль: и крики, и мольбы о помощи разработан и отрепетирован до мелочей. Когда меня принимали в Гильдию, было то же самое, как и сотни других агентов. При этом тюрьма-соты, конечно, остается и в ней, конечно же, отбывают свое преступники.

Стандартный психологический прием — сначала конфетка в виде каскада, россыпи миров, почти безграничных возможностей, потом — удар — вторая сторона — соты! Затем снова миры — исключительно при условии верности Гильдии — опять конфетка. Непростая дилемма, как ты думаешь, что выбирает большинство?

Нет! В это невозможно поверить! Он обманывает, врет, все это психологические

штучки! Гильдия не такая! Повстанцы — плохие! Это они, они заключили Орту в темницу, пытали Телепатом... хотя... тюрьма находилась в бывшем храме Орты — здании Гильдии. Ранее, Дункан как-то не задумывался, для кого были построены камеры... и Телепат... когда принимали, его тоже подвергли считыванию памяти.

Рашид Канн кивнул чему-то своему. Видимо, глаза в очередной раз выдали Дункана.

— Выздоравливайте и подумайте над моими словами. Я еще вернусь.

Трегарт почти не слышал щелчка закрывшейся двери.

6.

Д'арно стоял перед Советом, так называемым, — Малым Советом Гильдии: Председатель, Глава Службы Безопасности, Перый Координатор.

История повторялась.

Как тогда — больше десяти лет назад, не верилось, что прошло столько времени, когда он объявил о своем решении уйти из организации.

Тогда они, он — Совет хотел, очень хотел наказать, прижать возомнившего о себе агента. При самом благоприятном раскладе, выпадала отсталая, без Проходов планета.

Тогда у него был Камень. Камень Перемещения, полученный от умирающего Вольного Прыгуна Ноя. Д'арно спас его, рискуя жизнью. Вырвал из лап пожирателей падали вселенной Гарп. Старику Ною — легенде межмирья — это мало помогло, через неделю он отдал богу душу в своей берлоге на далекой планете Сол.

С Камнем Вольного, Д'арно плевать хотел на Совет с его желаниями, Гильдию с ее правилами и Председателя, взявшего на себя роль бога, бога над богами.

Тогда на месте Председателя восседал Краттан — здоровенный, как гора гуманоид, державший в своих огромных лапищах Гильдию в течение нескольких десятилетий.

Теперь это кресло занимала Ассанта его Ассанта!

Теперь перед ней, перед ними лежала Карта Пути.

И теперь Д'арно — Вольный Прыгун, пришел к ним за помощью.

— Мы благодарны вам за оказанную, гм, услугу, — маленькие глазки Гмем Канна разрывались между Д'арно и кристаллом Карты, — однако, об удовлетворении вашей, гм, просьбы, не может быть и речи.

Ассанта просто не отрывала взгляда от золотых перил ложи, старательно избегая зрительного контакта с Д'арно.

— Я уже говорил, Карта — не только моя заслуга. Агент, агент Гильдии остался там, во Дворце Времени, чтобы я смог доставить Карту вам! Мне кажется, его жертва, его подвиг стоит того, чтобы хотя бы попытаться спасти этого человека. Или я ошибаюсь?

— Усилия, средства, затрачиваемые на спасение одного человека не соизмеримы с конечным, даже в случае благоприятного исхода, результатом... — хобот координатора Орртунга слегка подрагивал.

Парящие советники. Богатая отделка лож — роскошь и показное величие. В дорогой оправе, в сиянии бриллиантов прогнившая сердцевина не меняет своей сущности. Она гниет, дальше.

— Усилия, результат! Кто вы такие, кем вы себя возомнили! Богами! Вершителями судеб! Кто дал вам право измерять, решать, чего стоит человеческая жизнь, а чего нет!

— Память о нем будет вечно жить в наших сердцах...

— Да пошли вы! Вы и ваши сердца!

— Вы забываетесь, Д'арно! — холодный, без эмоций голос, однако глаз от перилл она так и не оторвала.

И на том спасибо.

— Нет, это вы забываетесь, Ваша Честь. Прекрасное обращение, интересно, была ли она у вас, хоть у кого из вас эта самая честь. Я — Вольный Прыгун, и слава богам — истинным и мнимым — не обязан следить за своими словами и поступками. Об одном жалею — что принес вам Карту. Сделал я это с единственной целью — надеялся на помощь, на понимание, на человечность, без обид, господин координатор. Теперь вижу — напрасно. Надеюсь, очень надеюсь, почти молюсь — Карта вам не поможет!

Не дожидаясь ответных реплик, Д'арно вышел, хлопнув дверью.

Светлая тень метнулась к нему. Большие, полные тревоги глаза в окружении пушистых ресниц. Белые, посекудно кусаемые губы... Орта — богиня — женщина.

— Ну как? — глаза заглядывали в его, ища ответ, понимание, надежду.

Не осталось сил даже на слова.

Д'арно устало помотал головой.

7.

Это стало почти традицией, обязательной церемонией, ритуалом.

Каждый вечер, Рашид Канн приходил к нему в комнату, усаживался в кресло (на второй день в палате объявилось большое кожаное кресло) и они разговаривали.

Порою долго, очень долго, расходясь далеко за полночь.

— Я пленник?

— Нет.

— Почему же, уходя, вы каждый раз запираете дверь, и решетки, — Дункан кивнул на забранное прутьями окно.

— Для твоей же безопасности. У многих, очень многих наших людей имеются счета к Гильдии, гильдийцам — никто не совершенен.

— Значит, я могу вернуться к себе, в Гильдию?

— В любой момент.

— И вы позволите мне?

— Почему нет.

В ответе, как впрочем, и в вопросе ощущался подтекст, двойной смысл.

— Ладно, ладно, — тщетно пытаясь отыскать его самостоятельно, сдался Дункан. — В чем подвох?

— Ни в чем.

— Я могу уйти, прямо сейчас?

Канн поерзал на кресле, поудобнее устраивая худое тело.

— Ты не думал о том, стоит ли?

— Что?

— Возвращаться.

На самом деле, в последнее время, Дункан только об этом и размышлял. То, что он

узнал о Повстанцах... хотя, о Гильдии-то он знал давно, просто не думал, не представлял, что может быть иначе, воспринимая существующее положение вещей, как само собой разумеющееся.

— Есть альтернатива?

— Гильдия пытается наложить лапы на право перемещения между вселенными, более того, право на самоопределение, развитие, историю, веру, наконец, народов, населяющих эти вселенные. Полагая себя монополистом истины не только в среде подконтрольных планет, но и в своей, собственной среде. Борясь, искореняя малейшие отступления, инакомыслия среди собственных членов. Силой, почти безграничными, полученными, заметь, отнюдь не длительными изысканиями — волею случая возможностями, она насаждает, нет, не наместников-властителей — старо и банально. Она возводит богов, именно богов. Золота, ценностей им мало. Духовность, душа — вот что взвешивается на чашах Совета. А всех не согласных — в соты!

— Есть и правильные заповеди: не убий, не укради, — Дункан возражал, скорее, по привычке, из желания что-нибудь сказать. Каждое слово, произнесенное Канном, было истиной.

— Рабство на планетах Гильдии. Возьми, так называемые, божьи законы. Не из святых свитков, подними памятки агентов. Примерно двадцать процентов из написанного там будет направлено на улучшение существующего строя и восемьдесят, целых восемьдесят, на упрочение власти Гильдии. «Бог — един, слово Бога — закон! Сказанное им — истина. Слуги Бога — руки его...» — и так далее. Разве народы, сами народы не вправе, не могут, да, натываясь на препятствия и набивая шишки, но сами, самостоятельно решать свою судьбу?

— Э-э-э...

Ответа не требовалось.

— Нет! Потому что через время они могут стать конкурентами Гильдии. Вот на это — удержание подчиненных на более низком уровне, сохранение существующего положения вещей, на это, а не на открытие новых земель, изучения многомирья вселенной, и направлены все законы и ресурсы Гильдии. Она жаждет, одержима этим так сильно, что не щадит даже собственных членов, буде те проявят хоть малейшие признаки, тень инакомыслия. Даже Карта, Карта Пути нужна им не для того, чтобы приобщить к путешествиям как можно больше народов, а дабы упрочить свою власть!

— Но вы-то, вы что предлагаете?

— Гильдия называет нас Повстанцами. Если разобраться, за что мы боремся? За то, чтобы сами народы могли определять свою судьбу. Судьбу, согласен, не всегда лучшую, но свободную от каких бы то ни было корректировок, указаний — Гильдии, Повстанцев, навязанных богов, кого бы то ни было. Иными словами — за естественный порядок вещей, освященный сотнями веков и тысячами цивилизаций. И после всего этого мы — Повстанцы. Нет, это они — Гильдия — Повстанцы, ибо создаваемое, созданное ими противоречит любым законам, определяющим существование вселенной — этическим, жизненным, физическим, моральным.

Более того, и это принципиальная позиция — мы считаем, что тайна путешествий между мирами не может, не должна быть прерогативой одной расы, или, какой бы многочисленной она не была, группы. Природа, или Творец, если хочешь, создал вселенную именно такой — многоликой, и кто мы такие, чтобы решать, что хорошо, или чего достойны одни, ущемляя других.

— Это вы загнули. Не все народы созрели для путешествий между вселенными.

— То же самое говорили про межзвездные полеты. А посмотри на мир, любой мир, где они есть? Существует, и ничего, живет, развивается. По сути дела, чем Прыжок отличается от рейса Земля-Марс, не удивляйся, я многое знаю про твою вселенную. Тем, что в первом случае, ты берешь Камень, а во втором — билет. И все? В конце концов, кто знает, может все эти, посещаемые нами, вселенные не что иное, как планеты, земли одного мира, просто удаленные друг от друга на невообразимые расстояния, настолько невообразимые, что даже физические законы претерпевают некоторые изменения. Как бы то ни было, все это — наш дом, наш! Не Гильдии и Повстанцев, а всех, и жильцы, населяющие этот дом, имеют право знать о его устройстве.

— Я и не...

— Ты хотел сказать: «не спорю», — улыбка Канна совпала с утвердительным кивком Дункана. — Трудно спорить. Однако, вместо того, чтобы развиваться, осваивать этот дом, наши ресурсы, наши силы, наши жизни, в конце концов, уходят на такое дело, как — война. Борьба с Гильдией, — Канн посерьезнел. — Впервые за много лет, я бы сказал, впервые с начала повстанческого движения, у нас появился шанс, проблеск надежды, луч в светлое будущее. Возможность свалить колосса Гильдию.

— Вы говорите о Карте Пути, — Дункан почувствовал себя виноватым.

— О ней, — вздохнул Канн.

— Карта потеряна для вас. Она у Гильдии.

— В лапах Гильдии — да, но потеряна... если бы кто-то, кто-то вохжий в Комплекс, кто-то, кому доверяют, кто-то из гильдийцев, принес нам Карту...

Молчание повисло в воздухе. Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кого имел в виду Повстанец.

— Не ради нас, не против Гильдии, ради тех несчастных, которые прозябают на тысячах планет под пятой полуполицейской организации.

Трегарт ошеломленно моргал глазами.

— Я не могу, да и не... — Дункан хотел сказать: «не хочу», но остановился. Остановился потому что сам, на себе, собственной шкуре испытал всю прелесть освященного Гильдией рабства, «человеколюбивого» отношения не то что к чужим людям, к собственным агентам.

— Сможешь, только ты и сможешь. Кто станет проверять, особо присматриваться к самому добытчику Карты. Герою, почти отдавшему жизнь во имя того, чтобы она попала в нужные руки. Кто заподозрит в намерении украсть вещь того, кто сам, собственноручно принес эту вещь хозяину. Мы сочиним для тебя достаточно правдоподобную легенду, даже разыграем сражение.

— Нет, нет! — предложение было, мало сказать, неожиданно, Дункана словно накрыло куполом. Он не герой, никогда не был и не имеет ни малейшего желания им становиться.

— Больше никому, — ради такого Рашид Канн даже поднялся и по-отечески водрузил руку ему на плечо. — Если не ты, то кто? Разве ты не желаешь мира, гармонии, процветания прозябающим под властью Гильдии, или в темноте неведения, народам. Представь глаза родителей, детей которых, как скотину, покупают и продают на рынках, разгляди тысячи несчастных, заживо гниющих на галерах, испытай лишения, вместе с отверженными, уходящими с насиженных мест только потому, что они не желают поклоняться новым богам. Представь это, и скажи им, что ты можешь изменить все это, можешь, но... боишься, не

хочешь.

— Я не...

— Говорил и повторю — сделай, сделай не ради Повстанцев, не против Гильдии, сделай ради них: отцов, теряющих семьи, матерей, хоронящих детей, детей разуверившихся в собственном будущем; покажи им, что и оно — страшное будущее может быть лучше, много, в сотни раз лучше, чем можно представить в самых смелых грезах! Так уж получилось — ты, только ты, не кто другой способен изменить этот мир к лучшему. Поверь, если бы я мог, если бы только, хоть как-то, хоть на йоту помочь, подставить плечо, заменить собой... Увы — это твой груз, твоя ноша, твое решение. Бывают моменты, когда необходимо наступить на горло собственному страху, чувству самосохранения, чтобы сказать: «Я должен!»

— ... - слишком разителен оказался переход от пленника Повстанцев к спасителю мира. — Я... я подумаю. Можно?

Рашид Канн устало вздохнул.

— Конечно можно. Я, мы не можем настаивать. Это — твоя жизнь и твое решение. Думай. Я завел этот разговор, потому что сегодня наш последний вечер.

— Почему? — он поверил в порядочность Повстанцев, но сердце все равно боязливо дернулось.

— Завтра тебя освободят, переправят на планету с Проходами, ты сможешь вернуться.

— Домой?

— Тебе решать, где дом. Подумай над моими словами. Сегодня, завтра, неделю. У тебя есть, будет время, у тебя, но не у тех, кто не сегодня, не завтра, а еще вчера нуждался в спасении!

8.

Непроницаемый занавес, чернота промежутка сменилась блеском декораций реального мира.

— Стой!

— Не двигаться!

Комната. До боли знакомый зал с почти родными нишами Проходов.

— Руки за голову!

— Медленно, чтобы мы видели!

Стандартное приветствие, до той же боли родные, опаленные на краях дула бластеров. Черные, одно нажатие и непроницаемая завеса опустится навсегда.

Медленно, как и просили, Трегарт сложил ладони на затылке и... широко улыбнулся.

Дома!

— Гляди, гляди, лыбится!

Не сговариваясь, brave вояки отступили.

— Может, пальнем?

— Я те пальну!

— Разок, для остратки?..

Не дожидаясь победы фракции палильщиков, Дункан прервал спор.

— Доложите начальству — Прыгун Дункан Трегарт вернулся.

Мохнатолицый капитан в, наверняка, шитой на заказ — по объемному брюшку —

униформе, забубнил в переговорное устройство.

— У нас проникновение, незаконное, говорит, из наших, назвался Дунканом Трегартом. Ответ поглотил серый мех обильных растительностью ушей.

Температура была не очень низкая — минус пять, возможно, выше, но ветер, сильный ветер, пронизывал до костей, с легкостью преодолевая непрочные преграды одежды, кожи и подрагивающего мяса.

Рашид Канн плотнее запахнул и без того лишенную щелочек меховую накидку. Словно в зеркале, Дункан повторил движение Повстанца. Помогло слабо. Другой Повстанец — безусый паренек у седой скалы пытался совместить несовместимое — не высовывать из шубы озябшие руки и активировать Проход.

— Отсюда попадешь на планету Калию, — дабы не перекриковать ветер, Канн приблизил лицо вплотную к Дункану. — Там теплее, даже жарко, — оба поежились, — Проход отыщешь в расселине, идти прямо в сторону гор, шагов сто. Единственное неудобство — активируется он только ночью, что-то связанное с солнечными бурями. Из Калии перенесешься на Ворту, там маленькая такая комнатка, смело шагай в правую от двери стену. Окажешься на Гнненте. Ну а там уж, сориентируешься.

Дункан кивнул.

До последней минуты, до того, как оказался в этом, пронизывающем мире, Трегарту не верилось, что Повстанцы его отпустят.

Он — агент враждебной организации, значит тоже — враг! И вдруг — такое благородство...

Впрочем, и сейчас... кто знает, куда ведет открываемый Проход? Успокаивало одно — для его уничтожения можно было придумать более простой способ.

Они сбежались, спустились, сбились: свободные от заданий агенты, любопытствующие охранники, боевики из группы Леваша и сам синекожий командир, взволнованная Председатель, трясущиеся то ли от возбуждения, то ли от старости члены Совета и даже глава службы безопасности — Гмем Канн.

Одним словом — все.

— Молодец!

— С возвращением!

Дункана хлопали по плечам и спине, некоторые, зачем-то, гладили по голове.

— Герой!

— Кто герой?

— Он — герой!

— Почему?

— Добыл Карту Пути!

— А-а-а.

Улыбаясь и не успевая отвечать на приветствия, он пожимал десятки, сотни рук, клешней, щупалец, норовя и себе кого-нибудь стукнуть.

— Качать, качать героя!

По счастью, ввиду низкого потолка, призыв не нашел должного отклика в массах.

По счастью, эти самые массы удовлетворились постукиванием, поглаживанием, пожиманием.

Скудоусый мальчишка — точь в точь Повстанец с холодной планеты, протолкался в первые ряды.

— Меня зовут Руслан Шамраев, я хочу быть похожим на вас!

— Ага, — он пожал маленькую ручку, подумал, и потрепал парня по вихрастой макушке.

Любовь, восхищение, ликование толпы ощущалось физически. В этом можно было купаться, если бы... порою не было больно. Некоторые стукуны не особенно церемонились. Значица, чем крепче огреть — герою оно приятнее!

Наконец, не без помощи Джала Леваша со товарищи, толпу организовали в живой коридор.

По нему, по тоннелю из радостных лиц, шатаясь от особенно ощутимых проявлений восхищения, Дункан двинулся к выходу.

Медленно, но зато верно.

Что-то мешало... чей-то взгляд буравил переносицу... Дункан оторвал глаза от счастливых стен. В конце, почти у самой двери, одиноко стояла она — Орта!

Трегарт, в очередной раз, вслед за Рашидом, поправил накидку, и в очередной раз это не принесло существенных изменений.

— Подумай над моими словами, — нащупав под накидкой ладонь Дункана, Повстанец вложил в нее бумажный пакет.

— Что это?

— Распечатаешь потом, когда окажешься достаточно далеко.

— Подарок? Не бомба, случайно?

Рашид Канн позволил вымучить легкую улыбку.

— Вспомни наш разговор, и ты все поймешь.

Волосы пахли медом, кожа — розой. «Я словно пчелка», — выскочило сравнение. Трегарт даже слегка опешил — в такой момент и думать о чем-то еще.

— Я так боялась, боялась больше не увидеть тебя.

Глаза девушки сияли. От счастья и от наполняющих их слез.

— Я молилась...

«Вот уж воистину странно — молящаяся богиня...» — Дункан помотал головой. Что с ним? Откуда? Он должен быть счастлив! Он должен наслаждаться, пусть всего лишь моментом. Ради этого момента, он шагнул в скалу на планете Порты (тебя толкнули — тут же подсказал внутренний трезвенник), терпел лишения на галере Флостеров, рисковал рассудком, вверяя себя в лапы Телепата, а потом и жизнью во вселенной Орт.

Заглушая внутреннего ханжу, Трегарт крепче обнял девушку, зарываясь в медвяные волосы...

Сверток, проклятый сверток во внутреннем кармане — прощальный подарок Рашид Канна.

Сквозь непрочный барьер обертки, сквозь ткань, он жег кожу.

Дункан развернул пакет на следующей же остановке. Планета Калия, утро, а значит до работоспособности Прохода еще целый день.

Серая бечевка с премилым бантиком. Он долго провозился с ним, с этим узлом. Руки

дрожали, потные пальцы то и дело соскальзывали с переплетений волокон.

Потеряв терпение, он просто перегрыз веревку, зубами, чувствуя себя волком, отгрызающим попавшую в капкан лапу.

Бумага обертки противно шелестела.

Капкан сжимался.

У него на ладони, на белой целлюлозной подстилке, оттеняющей блестящие грани, лежал... Камень Перемещения!

Капкан захлопнулся.

Не большой, но достаточный, чтобы перенести его — Дункана Трегарта.

Это же большая ценность, для чего, зачем его дали?!

Позади Орты проступила довольная физиономия Д'арно. С их последней встречи Вольный Прыгун осунулся: четче обозначились скулы, под глазами залегли темные дуги.

— Чертяка, живой!

Д'арно сгреб Дункана в стальные объятия.

— Живой, живой! — как заклинание повторял вольный.

Триумф возвращения, радость встречи, для Дункана все ушло на второй план.

Камень, проклятый Камень, кислотой, каленым железом жег плоть.

9.

Безногий гуманоид на деревянной тележке задрал к небу обрубки рук.

— Слава!

Существо без возраста и расы, с лицом обезображенным шрамами прошуршало безгубым ртом:

— Слава!

Из щелей глаз, бороздя горы рубцов, капали слезы.

Ребенок, покрытый сочащимися язвами.

Старик, чья плоть отваливалась кусками.

Женщина, поддерживающая окровавленное чрево...

— Слава!

— Слава!

— Благослови!

— Не оставляй!

— Яви милость!

Трегарт стоял в толпе, и вместе с тем, был отделен от нее.

Сотнями, тысячами хрипящих глоток толпа славилась, толпа молилась, просила и уповала на...

Там, впереди, за сотнями голов, сотнями воздетых в гору лиц, лесом алчущих рук, возвышалась колонна.

На вершине, купаясь в сиянии солнца и любви верующих, стоял тот, кому адресовались молитвы, просьбы, надежды.

Бог!

Простертая длань благословляла истовую паству.

Что-то знакомое было в фигуре, посадке головы, чертах едва различимого лица.

Трегарт присмотрелся... на колонне стоял он сам!

Одеяло откинута, дыхание с трудом протискивается сквозь плотно сжатые зубы, липкий пот — слезы тела — холодит кожу.

Возможно ли!

Снова!

Этот сон!

Днем он улыбался, пожимал руки, принимал поздравления, посещал приемы.

— Опора Гильдии!

— Добытчик Карты!

— Герой!

А ночью...

Что это может означать? Отчего он бог? Откуда в толпе столько страждущих? И, наконец, почему сон возвращается каждую ночь?

Вопросы, не требующие ответов, называют риторическими. Риторика — искусство складывания мозаики, мозаики слов.

Спрашивая себя, он плел эту паутину, надеясь, алкая погрязнуть, утонуть, запутаться, потерять в хитросплетении словесных кружев зерно истины. Правду.

Правду, которая, будь прокляты Повстанцы, теперь была с ним.

Да, он по-прежнему улыбался, пожимал руки...

За улыбками членов Совета, Дункану виделись миллионы мучеников, отравленных дурманом религии судеб.

Пожимая руки, он с трудом сдерживал себя, чтобы тут же не кинуться к раковине — отмыться.

Принимая поздравления, он ощущал себя частью всего этого. И миллионы судеб вновь вставали перед глазами, и знание жгло плоть, душу, растягивая удерживающие проклятия губы в гримасе улыбки.

Он знал правду!

Незнание, порою, почти всегда — благо!

Его лишили этого блага.

За что?

Взгляд лениво скользит по комнате — роскошной комнате добытчика Карты, по знакомым углам, стенам, обстановке, с тщательностью ювелира избегая небольшого шкафа в дальнем углу.

Там, на самом дне, погребенный под кучей хлама, в тщетной надежде, лежит он — Камень Перемещения.

— Почему я?!!

Стены хранят молчание, и полная луна равнодушно косит в окно единственным глазом.

— За что?

В конце концов, чего он переживает, страдающие народы далеко, а он — здесь. Их много — он один! Всем мил не будешь. К тому же, у него начало что-то получаться с Ортой...

— Я не герой! Слышите, вы, я не герой! Не хочу быть героем!

Раньше, читая в книгах, сказках, он завидовал героям. Спас принцессу, или народ — и все тебя славят. Почет, уважение, да еще и приключения в придачу.

Хорошо читать о подвигах, сидя в кресле, у теплого камина. За окном мороз, поет ветер, а ты — здесь. Единственная неприятность — плед все время выбивается, холодя бок.

Хорошо. Читать. Мечтать.

И совсем другое, взять котомку, верный карабин (дубину, шпагу, бластер) и выйти в эту самую стужу, на мороз. Ехать неизвестно куда, спасти незнамо кого. Холод, голод, насморк, мозоль на левом мизинце...

Одно дело — Подвиг! — ты на верном Росинанте, весь в белом, взмах сабли, и враги — тысячами!

Совсем другое — выйти в поле — один на десять, даже один на один. Почувствовать тяжесть меча, скользкие поводья, липкий пот под кольчугой. Схватка, гордо именуемая — битвой, когда каждый удар может стать последним. Каждый свист, крик — звуком приближающейся смерти.

Жить, просто жить, сознавая, что мир не совершенен, не пытаюсь изменить его. Зная лживость того, что окружает тебя, того, что говорят. И кто сказал, что это не героизм!

Разве герой — тот, кто в чистом поле? А тот, кто за столом, с восьми утра до шести вечера, каждый день, не считая праздников и выходных?..

Неожиданно для себя, Дункан понял — герой, этот тот, кто поступает не как все. Выпадает из общего строя. Горит дом, все стоят, слушают крики девочки из окна верхнего этажа, охают, переживают. Один — выскочил, полез, спас, не спас — Герой!

Зарыт дот, строчит пулемет. Все лежат, ждут — патроны-то кончатся. Один выскочил, закрыл собой — Герой!

Все сидят, виноваты, да, но вину брать на себя... Один вызвался — я совершил — меня накажите, я — больше никто...

Точно! Жизнь, позиция большинства — ожидание героя.

И герой в представлении большинства, пусть они и не признаются в этом — выродок, дурак, урод, идущий против коллектива, гребущий не с течением.

Да — герою песни, оды, восхваления! Память во веки вечные! Обычай такой. Они составляют, пишут, восхваляют, потому что они — не герои, потому что они — живы. И слушать песни, сказания, могут только живые. Не герои. Потому что герои — мертвые. Потому и мертвые, что герои.

А не все ли равно мертвым, что о них говорят живые?

Возможно не все, но это еще бабка на дворе сказала.

Он — Дункан Трегарт умирать не собирается.

Зачем ему все это?

Если нет таланта составлять, он будет слушать песни.

Жили народы сотни лет под гнетом Гильдии, обходились без путешествий между вселенными, и ничего. Существовали до сих пор, поживут еще. И вообще, так ли важна эта Карта? Подумаешь — кристалл с якобы судьбоносной информацией. Насколько судьбоносной, это еще бабка на дворе...

И Повстанцы — тоже хороши! Стратеги хреновы, могли бы получше организовать операцию!

Глаза, в поисках подтверждения, таки натолкнулись на проклятый шкаф.

Или ему показалось, или... внизу, там, где лежал Камень, свечение. Оно притягивало Трегарта. «Вот он я, возьми, воспользуйся...»

Перед глазами снова встали безногий калека на тележке, ребенок в язвах, окровавленная

женщина...

— Спаси!

— Сохрани!

«... не ради Повстанцев, не против Гильдии, ради отцов, теряющих семьи, матерей хоронящих детей, детей разуверившихся в собственном будущем. Покажи им, что и оно — страшное будущее, может быть лучше, много, в сотни раз лучше, чем можно представить в самых смелых грезах!»

Светлое будущее не настанет, потому что он — Дункан Трегарт — трус.

Ноги, послушные ноги сами подняли одеревеневшее тело. Сами понесли его к выходу.

Хорошо, он ничего не обещает. Он... попробует.

10.

Первая надежда была на то, что в столь ранний час Гмем Канна не окажется на месте.

Охрана у дверей приемной привычно козырнула.

Секретарша оторвала три из четырех глаз от бумаг.

— Я бы хотел... к главному...

Синие — по последней моде — губы были поджаты, что обнадеживало.

— Советник просил не беспокоить! — она еще заканчивала фразу, а индиговые лепестки уже расплзались в цветке улыбки. — Но для вас, господин Трегарт!

«Не приемная, а проходной двор!»

Глава службы безопасности, словно паук, восседал за огромным пластиковым столом посреди кабинета, все стены которого были усеяны папками, коробками с фильмокнигами, кристаллами, одним словом тем, что призвано запечатлевать и хранить информацию. Ни показной роскоши, ни парящих лож — только самое необходимое.

Дункан впервые посетил этот кабинет. Накатило ощущение, словно он муха, песчинка перед лицом грозной, всезнающей и, главное, всекарающей силы.

Сейчас эта сила, эта волна накатит, и от него — Дункана Трегарта не останется и следа. Она даже не заметит, что поглотила одну из жизней, одну из тысяч.

— Чем могу? — не слишком вежливо поинтересовался глава Службы Безопасности.

Решительность, силы, даже желание помочь, совершить, разом пропали, уши, растворились во всесокрушающем знании стен этого кабинета.

— Я бы хотел... пропуск... посмотреть... Карту.

Гмем Канн молчал, глядя на песчинку, внезапно обрядшую голос, желания своим обычным взглядом.

«Неужели я когда-то мог принять этот взгляд за доброжелательный?»

Надежда, тлеющая лучина разгоралась, превращаясь, еще не в свечу, но уже в спичку.

«Сейчас он откажет, выставит меня вон, или чего похуже. Что ж, простите страждущие, придется вам страдать и дальше. Что мог — я сделал. Кто ж виноват, что у нас такой подозрительный начальник безопасности. Настолько подозрительный, что даже человеку, добывшему Карту...»

Морщины на высоком лбу разгладились, а глаза, из подозрительных сделались — Дункан вздрогнул — по отечески добрыми.

Даже губы, губы — нет, этого не может быть! Растянулись в слабом подобии улыбки.

Морщинистые руки уже заполняли какой-то формуляр.

— Конечно. Герой имеет право лицезреть то, ради чего едва не отдал жизнь.

Поставив точку, рука подсунула бланк на край стола.

Пропуск!

— Спасибо, — идущий на казнь благодарит палача, старательно мылящего веревку.

Проклятая бумажка зажата в потной руке.

У дверей сокровищницы бдительные стражи — пара детин при здоровье и оружии.

Уж эти не дадут. Не допустят...

Коленки предательски подгибаются. Дрожь от них передается рукам, телу, ненавистой бумаге.

— Вот... у меня разрешение...

Даже не взглянув на пропуск, призванные оберегать, берут под козырек.

— Дункан, конечно, проходите.

Воздух с шумом вырывается из легких, вместе со страхом выпуская остатки надежды. Трегарт понял, что чувствовали поднимающиеся на эшафот. Вроде шагаешь сам, в иллюзии некоторой свободы, но от тебя уже ничего не зависит. Разве только отсрочить казнь... на минуту... две... не больше. Казнь, которая все равно состоится, состоится потому что собрались зеваки, палач надел лучший, почти новый капюшон, да и бургомистр не любит зря подниматься в такую рань...

Он не видел разложенных по полкам драгоценностей, не замечал слитков, поблескивающих полированными гранями, не обратил внимания на ювелирные изделия, способные свести с ума и заостренного праведника. Сокровищница — одна из многих.

Справа, возле входа, отдельно от других, на небольшом каменном постаменте, лежала она — Карта Пути.

Обычный грязно-желтый кристалл, каким он запомнил ее в доме Эона.

Тело трясла лихорадка, зубы отбивали дробь, рука со второй попытки накрыла проклятый минерал.

Сейчас, вот сейчас — сработает сигнализация, завоет сирена, набегут стражи, и... освободят его от обязанностей героя!

Он скажет — хотел рассмотреть, случайно зацепил...

Ничего не произошло.

Дункан выругался. «Кто так охраняет!» Да любой мальчишка, шпион-самоучка способен выпотрошить сокровищницу!

Уже не надеясь услышать спасительный вой, одеревеневшая рука сгребла Карту и опустила ее в карман.

Не удивительно, что Гильдия до сих пор не совладала с Повстанцами!

Тело развернулось к двери.

Последняя надежда — задержат на выходе, обыщут...

Бдительные стражи берут под блестящие козырьки.

— Счастливо!

Да, счастливо.

Одеревеневшие ноги, вновь обрядшие гибкость колени несли его по коридору. Прочь. Прочь. К комнате, к шкафу, в котором заждался Камень.

Путь не близкий. Может, опомнятся, хлопнут по лбу. «Как же мы допустили!», «Догнать!», «Задержать!», «Обыскать!» Но Дункан уже знал, внутренним чутьем чувствовал — не скажут, не догонят, не задержат.

Что ж — Рубикон перейден, жребий брошен. Радуйтесь, трепещите в предвкушении. Дункан — спаситель — украл — совершил свой подвиг, идет к вам.

11.

Светлые стены, памятное окно, забранное привратником свободы — решеткой, роскошное кожаное кресло.

Все, как он помнил, как оставил. Впрочем, не все — кровать, его кровать исчезла. Ее просто убрали, как вещь, отслужившую свое, выполнившую возложенную миссию.

Из кресла, навстречу ему, поднялся высокий юноша, худой, словно раздвоенная палка, к которой зачем-то прилепили руки.

— Если не ошибаюсь, мистер Трегарт?

Улыбка, проявившая белоснежные зубы, оказалась на редкость обаятельной.

— Д-да, — кивнул Дункан.

— Прошу за мной, мистер Канн ждет вас.

Он перенесся в палату, ту самую в которой провел полторы недели, круто изменившие его взгляды на жизнь, да и саму жизнь тоже. Единственное место в лагере Повстанцев, которое знал.

Если честно, Дункан ожидал иной встречи. Нет, не фанфар, хотя, почему бы и не фанфары, и не криков «герой», «добытчик» — все это уже было. Он ожидал... сам не знал, чего ожидал, но не будничного «мистер Канн ждет вас».

Разочарование, даже... обида...

Он-то дурак метался, мучился коликами совести и схватками долга, а они, оказалось, ждали его. Знали — рано или поздно, Дункан Трегарт явится, принесет им Карту Пути на тарелочке с праздничной желтой — символом измены — каемочкой.

Вооруженные люди за дверью, коридор, лестница, снова коридор, опять вооруженные люди, снова дверь.

Рашид Канн встретил их за ней, в просторной приемной сиротливо смотрящейся без секретаря. Место служащего пустовало — он (она) то ли вышел (ла) на минуту, то ли его (ее) удалили ради встречи дорогого гостя.

— Мистер Канн, к вам...

— Вижу, вижу! — обычно спокойного Канна было не узнать: глаза горят, язык то и дело пробегает по сухим губам, руки в тщетных поисках работы теребят края одежды. — Дункан! Рад, очень рад! — подбежав, он обнял Трегарта.

— Вот! — Дункан вытащил Камень и Карту, хотелось избавиться от всего побыстрее.

Повстанец важно кивнул, принимая гостинцы.

— Ты молодец, ты сделал правильный выбор!

Да, он — молодец, отчего же так муторно на душе, почему он чувствует себя, словно вывалился в грязи.

— Я... устал. Хочу отдохнуть и... помыться. Где тут у вас...

— Конечно, конечно, тебя проводят.

Комната — памятник минимализму — сестра-близнец кельи агентов.

Сменял шило на мыло, хотя, не в комнате, конечно, дело.

Он совершил свой подвиг, поступок, еще один, едва ли не самый мощный удар по бездушной Гильдии. Теперь все будет, должно быть хорошо, просто замечательно... отчего же в душу, словно запустили каленые щипцы и медленно выворачивают, отчего хочется завывать, или забиться, в самый дальний, самый темный угол, чтобы никто не нашел...

Себябичевание прервал осторожный стук в дверь.

Не дожидаясь приглашения, она открылась.

— Можно? — в проеме нарисовалась физиономия певца свободы — Рашид Канна.

Похоже, правила приличия, Повстанец полагал пустым звуком, или у них, у Повстанцев так принято.

— Ну, как наш герой?

И этот туда же. Для Гильдии был героем, теперь — для Повстанцев. Нелегко быть героем.

Рашид бодро прошелся до дальнего угла, на что потребовалось аж пять шагов. Подумал. Присел на кровать.

— Вижу, вижу, мысли, сомнения терзают. Знаешь, я не умею цветисто говорить, однако то, что ты сегодня совершил... одним словом, это был правильный и по настоящему геройский, да, да, нечего кривиться, словно кислоты обпился, поступок.

— Надеюсь.

Руки Канна, пробыв непродолжительное время без дела, принялись теребить край покрывала.

— А ты... кто-то видел, как ты похищаешь Карту?

Дункан присел рядом, опустил голову.

— Самое невыносимое, самое противное — никто меня даже не заподозрил. Наоборот. Это, как... отобрать игрушку у несмышленища. Наверняка, они до сих пор считают меня героем, прямо, как вы. Ничего — сейчас там ранее утро, скоро день — хватятся.

— Вот, об этом я хотел с тобой поговорить. Из наших ни один не сможет, даже смертник, но ты — Герой Гильдии, добытчик Карты — другое дело. Жаль, раньше в голову не пришло.

— Вы о чем?

— Вот, — на раскрытой ладони Канна лежала небольшая коробочка. — Пронеси это в штаб Гильдии, оставь в Зале Совета и сразу назад, только сделать надо непременно сегодня, сейчас, пока ты вне подозрений.

Дункан аккуратно принял коробку.

— Что это?

— Передатчик, работающий на... впрочем, неважно. Проще говоря — жучок, шпион, подслушивающее устройство. Сегодня — великий день, подумай, мы подорвем могущество Гильдии изнутри, их планы, операции перестанут быть тайной. Пройдет совсем немного времени, и Гильдия потеряет свое влияние, власть...

— Ничего не выйдет. Перед каждым Советом комнату проверяют.

— Но не перед сегодняшним, в этот раз, им будет не до проволочек — это наша забота.

Ты, главное, оставь передатчик!

— Все равно, я не очень понимаю. Каким образом можно подорвать могущество Гильдии, прослушав всего одно заседание, не думаете же вы, что они допустят ошибку дважды... или... можно! — догадка неожиданно пришла к Дункану. — Никакой это не передатчик. Это — бомба!

Откровение не произвело на Канна должного впечатления.

— Ну да, бомба, и что?

— В каком смысле что.

— Подумай, когда еще представится такая возможность. Да, Карта, возможно, указывает Проход к Эталонному Миру, но это еще вилами по воде... а тут — всех — весь Совет, верхушку, руководство Гильдии, одним махом. Маленькая коробочка — и с Гильдией покончено, навсегда! Конечно, хоть и трудно, можно было бы убрать членов Совета по отдельности. Однако это ничего не даст, функции выбывшего Советника, даже Председателя, принимает другой — все расписано. Единственная и до сих пор невероятная возможность — уничтожить весь Совет, одновременно. Хаос, растерянность. После такого, Гильдия не оправится, а даже если оправится, будет уже не той Гильдией. Шанс — одним махом покончить с поработителями. Тысячи, миллионы угнетенных народов взывают к тебе!

Дункан не верил собственным ушам.

— Какие угнетенные народы? Вы сами-то слышите, что говорите? Нельзя построить всеобщее счастье на костях! Нельзя сначала сделать гадость, совершить подлость, а потом, как ни в чем ни бывало, возводить царство всеобщей гармонии. Нельзя начинать новое, пусть лучшее общество с массового убийства. Зло не бывает большим, или меньшим. Зло — есть зло!

Рашид слушал речь Дункана с откровенно скучающим видом.

— Постойте, — и снова догадка, пусть поздно, посетила Трегарта. — Вы... какой же я дурак! Вы такие же, как Гильдия, вам наплевать на других, на угнетаемые расы, вас интересует только власть, только вы сами!

— Разве кого-то заботит иное?

— Я совершил кражу ради других!

— Молодец, мы благодарны тебе за это.

— Я... глупец, наивный глупец! Но ничего, ничего, я справлюсь, исправлю ошибку.

— Интересно, каким образом.

Рашид Канн громко щелкнул пальцами. В следующую секунду, в комнату ворвались вооруженные люди. Миг — и Дункан был скручен, наручники захлопнулись на запястьях.

Рашид Канн поднялся, скучающе отряхнул одежду.

— Извини, Трегарт, ты не оставил мне выбора. Идеалистами легко управлять, но с ними трудно работать.

13.

Рашид Канн двигался по коридору. Думы, мысли — умные и не очень, важные и не слишком, злободневные и далекие от дня сегодняшнего гудели в голове главы службы безопасности Повстанцев.

А мальчишка-то почти согласился, будь у него побольше времени — подготовить речь,

разработать план, стратегию... с идеалистами тяжело работать — мысль прочно засела в голове — хоть и дешевле, нежели с наемниками и даже, да, да, надежнее. Главное — вовремя сказать, вообще сказать то, что они жаждут услышать. Всеобщее счастье, равенство — и он твой. Самое интересное, самое невероятное, во всяком случае, для него, для Рашида, было то, что они верят в это. Более того — готовы возложить на алтарь веры собственное счастье, благополучие, спокойствие, близких... Века эволюции, тысячи народов доказывают, доказали — всеобщего счастья нет, никогда не было и не будет. Всегда найдутся угнетаемые и угнетатели, возвысившиеся и основная масса, более и менее счастливые. Так нет же — вынь им золотой век, да полож.

Хотя и без них — идеалистов, нельзя. Кому лелеять великие замыслы, кому совершать судьбоносные поступки. Движение Повстанцев, Гильдию основали именно идеалисты — великие люди. И не последняя составляющая величия в том, чтобы вовремя уйти. Тогда на смену великим приходят маленькие, неприметные винтики-прагматики, твердо знающие, куда идти, что делать, дабы детище идеальных основателей не развалилось под бременем собственной назапятнаности. Не страшатся немного, или много испачкаться. В итоге идеальное детище превращается в то, что есть — жизнеспособный организм, заботящийся, борющийся за собственное место под солнцем. Гильдия такая, и Повстанцы — тоже.

А ведь какой был план, какой план! Дистанционный взрыватель, затем — небольшой, или большой кризис, желательно, затрагивающий несколько планет — внеочередное заседание, смертник, посланный в штаб — благо, фанатиков хватает. Конечно, его почти сразу уничтожат, однако бомбу он активирует. И все! Во время кризиса, Гильдия останется без руководства — двойной, тройной, десятерной кризис. Бери почти голыми руками. Если еще приплести сказочку про братьев-Повстанцев, как они спят и видят, дабы объединиться с братьями-гильдийцами, однако, погрязшее в кознях руководство последних... Рашид Канн вздохнул — мечты, мечты, не всем вам суждено познать реальность...

Все-таки, идеалисты незаменимы. Порою, им доступны такие места, куда трезво мыслящему путь заказан. И здесь же, отказываются от совсем простенького, плевого дельца, видите ли, оно идет вразрез с их идеалами.

Идеалисты хороши, но не всегда.

Особенно хороши те идеалисты, у которых идеалы — деньги, власть, обязательно — не идеальная.

14.

Серые пластиковые стены, кровать, умывальник, туалет, вентиляционное окно под потолком. Он в тюрьме.

— Дурак, дурак, дурак, какой же я дурак!

Руки баюкают свесившуюся голову.

— Идеалист хренов! Борец за справедливость! Апостол Павел нашелся! Вселенский защитник! Герой.

Слова, обычно восхваляющие, горчили.

Да, он дурак, и кого винить — сам выбрал, сам ступил на этот путь. Некому жаловаться — сам предал друзей, девушку. Не от кого ждать помощи...

Интересно, как Повстанцы поступают с пленниками?

Любое наказание, даже соты не казалось достаточным.

— Прощай Орта!

Нашел, когда вспоминать! Раньше надо было думать, когда предавал Гильдию.

Себя было жалко ужасно.

Даже шум за дверью не отвлек Дункана от самобичевания.

Шум прекратился, послышалось шипение, в районе замка появилась алая точка.

Созревающим фурункулом, точка вспухла, чтобы прорваться желтым лучом.

Интересно, для чего охранникам выжигать замок?

Дверь распахнулась от удара.

В сиянии льющегося из коридора света, в обтягивающем комбинезоне, с бластером наперевес, на пороге возникла Орта.

Дункан тяжело вздохнул.

— Уйди видение, не мучь меня!

Он-то точно знал — ничем иным, кроме галлюцинации, девушка быть не могла.

— Скорее, сейчас здесь будет вся охрана комплекса! — над изящным плечиком возникла бородатая физиономия Д'арно.

— И ты видение...

Орта кинулась к Дункану, губы девушки прижались к его губам.

— Нашла, наша!

Это было, словно поцелуй прекрасного принца, только принцем была Орта, а спящей красавицей — Дункан.

Поцелуй вырвал его из сомнамбулического состояния.

— Орта, Алекс, вы!.. но как вы меня?..

Девушка загадочно улыбнулась.

— У нас сильная эмоциональная связь, помнишь?

— Да, но... — от догадки сделалось страшно, и вместе с тем необъяснимо хорошо. — Ты... Телепату, позволила Телепату себя?..

— Не девушка, а клад! — Д'арно уселся рядом с Трегартом, на ладони Вольного Прыгуна лежал Камень Перемещения.

— Но Совет, как вам удалось расшевелить его? Спасательная операция, в такие сжатые сроки?

— Мы и не пытались, как ты сам знаешь, это практически невозможно. Наверное, они до сих пор заседают, заговаривая друг друга до полубоморока. Даже то, что пропала Карта, не заставило Советников...

— Карта, — Трегарт потупил взор.

— Милый, — Орта погладила его по спине. — Не переживай так, мы все знаем, все понимаем...

— Вы, знаете все! Откуда?

— Сопоставили два и два. Пропала Карта, пропал ты. Сейчас как раз выясняется, как Повстанцам, минуя защиту, удалось проникнуть в комплекс. Как это подло с их стороны — забрать добытчика Карты для низкой мести.

— Ты думаешь, меня выкрали...

— Пора!

Накатила знакомая волна холода, забило дыхание... они стояли у невысокой скалы, широкая расселина черной молнией делила ее на две половины. Рядом с трещиной, на

уровне глаз, виднелась знакомая метка.

— Штаб Гильдии.

— Задерживаться нельзя, нас здесь могут вычислить!

— Пойдите, вы не все... — на скале, на недалекой вершине, широко расставив темные колонны ног, казалось, попирая растрепанной шевелюрой низкое небо, стоял Призрак.

Глаза, капризом зрения, природы, игрой атмосферы отчетливо видимые даже с такого расстояния глаза, смотрели на него, только на него, на Дункана.

В следующую секунду, спасители потянули его в Проход.

— Не надо, я не...

Холод, невозможность сделать вдох...

Знакомый Зал Проходов, почти родной, вернее, бывший некогда родным.

Вооруженная охрана, ничуть не удивленная их появлением, шагнула к троице.

— Дункан Трегарт, вы арестованы, — головастый капитан с усиками-антеннами, росшими прямо из лысой макушки, цедил слова, словно отдавал команды, — за сговор с врагом, предательство, кражу имущества, принадлежащего...

— Что вы делаете, ведь это — Дункан Трегарт! — словно капитан минутой раньше не назвал его имени, возмутилась Орта.

— Мы в курсе.

— Он — герой, он только что из тюрьмы, его пленили Повстанцы!

— Не было никаких Повстанцев.

— Дункан, о чем он? Скажи этим...

Трегарт свесил голову. Не арест, не грядущее наказание, и даже не предательство — большее всего было разочаровать Орту...

— Дункан, скажи им... — уверенности в голосе девушки убавилось.

— Я скажу, — капитан погладил антенны, словно умирал непокорные вихры, — а лучше покажу — запись с камер наблюдения!

15.

Серые пластиковые стены, кровать, умывальник, туалет, вентиляционное окошко под потолком.

Он снова в тюрьме.

— Дурак, дурак, какой же я дурак! — даже мысли похожи.

Маячивший в отдалении призрак сот, приблизился, обретя контуры, на глазах обрастая плотью.

Было страшно. До колик в животе, до катания по полу с истошным: «Не хочу!».

— Подделом! Сам виноват! — признание собственной вины успокаивало слабо.

Тянуло обвинить кого-то другого, того же Рашид Канна. Правда, участи это облегчить не могло, а, соответственно, мужества не прибавляло.

— Дурак! Дурак! Дурак!

— Борцам за справедливость наше почтение, — в камере, у двери, стоял Д'арно.

Погруженный в себя, Трегарт пропустил появление друга.

— Как чувствует себя кузнец всеобщего счастья?

— Хоть ты не язви!

— Неужели я не первый? — Вольный Прыгун аккуратно опустился на деревянный табурет, неизвестно зачем оставленный в камере — стол-то отсутствовал.

— Мне хватает и себя самого.

— Извини, хотел поддержать, добавить оптимизма, ободрить...

— Поводов с этим самым оптимизмом смотреть в будущее, хоть отбавляй — грядущий суд, Повстанцы получили Карту, а с ней доступ к Камням, ко всем планетам, война неизбежна... и все это из-за... Дурак. Дурак!

— Я бы на твоём месте о себе думал. А Карта — Повстанцам от нее проку не больше, чем Гильдии.

— Как так?

— А вот так! Гильдия перехитрила саму себя, уничтожив Компьютер Основателя, возможно последний действующий Компьютер.

— Что с того?

— Без него отыскать планету, с которой открывается цепочка Проходов на Эталонный Мир, нет, не невозможно — весьма нелегко. Ты хоть представляешь, сколько вселенных? А сколько в каждой планет? Миллиарды, триллионы, здесь и счастливый случай вряд ли поможет. Эту секретную Карту кому только не показывали: агентам-пенсионерам, мессиям, шпионам, богам, даже мне — результат — ноль, то есть никакого.

— Получается, я выкрал пустышку! Никому не нужную вещь!

— Ты забрал вещь, принадлежащую Гильдии, ты, не забывай, предал ее. Не важно, руководствуясь какими мотивами — предательство всегда предательство!

— Да, конечно, — надежда, на мгновение блеснувшая сквозь реальность сот оказалась призраком, искрой в собственном глазу осужденного. — Как там Орта? — Дункан старался, очень старался, чтобы голос не дрожал, и ему почти удалось.

— А что Орта, закрылась в своей комнате, уже сутки, никому не открывает, на стук и звонки не реагирует. Чего ты ждал — она член Гильдии, винтик механизма, который ты пытался разрушить.

— Когда... когда суд?

— Этого не знает никто. Думаю, скоро, очень скоро. У меня имеются некоторые гм, рычаги воздействия, сделаю, что смогу.

— Спасибо.

Д'арно ударил кулаком по ладони.

— Нет, скажи, ты мне скажи, ты что, правда, верил в благородство Повстанцев? Что где-то, пусть в отдельно взятой вселенной возможно всеобщее счастье?

— Верил.

— Дурак!

— Знаю.

16.

— Встать, суд идет!

— Подсудимый, лелея преступные замыслы, под личиной верного члена Гильдии, вернулся...

— Протестую, это не подтвержденные факты...

— Протест отклоняется...

— Обвинение вызывает свидетеля...

— Вы видели подсудимого?..

— У обвинения больше нет вопросов...

— У защиты тоже.

— Обвинение вызывает следующего свидетеля — сержанта Дугана, стоявшего в карауле...

— Вы видели?..

— Уверенны?..

— Подтверждаете?..

— У обвинения нет вопросов.

— У защиты тоже.

Все шло своим чередом — речь обвинителя, защитника, свидетели, присяжные — неизменно члены Гильдии, заинтересованные, или равнодушные глаза зрителей. Все, как должно быть, идти, по правилам, веками установленным правилам, местами, под грузом тех же веков, превратившихся в еще более незыблемые традиции.

— Улика номер один — диск видеонаблюдения...

— Протестую!

— Отклоняется.

— Номер два...

— Номер три...

— Четыре...

— Протестую!

— Поддерживаю — нестиранный носок обвиняемого не может служить доказательством его вины!

Дункан словно участвовал в некоем фарсе, представлении. Люди и не люди разыгрывали его, кидая заученные реплики, тараторя поднадоевшие роли, даже присяжные, казалось, зевали строго дозволенное число раз с выверенными промежутками.

— А теперь, Ваша Честь...

— ... обвинение пытается изложить свои домыслы, как факты...

— Хорошо, я перефразирую...

Фарс, разыгрываемый исключительно ради и для него — Дункана Трегарта. Упорно не верилось, не хотелось верить, что это он и есть — его процесс, судебное заседание призванное решить его судьбу, соты... нереальность, невозможность происходящего расслабляла, стирая страх, беспокойство, стыд содеянного...

Сделалось даже немного... скучно.

Еще в начале заседания, жадно обводя глазами зрителей, Дункан пытался отыскать Орту. Единственные знакомые и сочувствующие глаза принадлежали Д'арно. Вольный сидел в переднем ряду и подбадривающе кивал Трегарту. «Похож на китайского болванчика», — выскочила нелепая мысль. Выскочила и ушла. Дункан вздрагивал, оборачивался на каждый скрип, каждый стук двери, надеясь, ожидая, хоть как-нибудь, в любом качестве — свидетеля, обвинителя, но... в последний раз — увидеть, приласкать глазами, вымолить прощение...

— В свете вышесказанного, обвинение просит Высокий Суд...

«Повстанцам от Карты тоже никакого проку!» — неожиданная мысль, неожиданно для

места и ситуации, в которой он находился, неожиданно приятная. Трегарт испытал острый приступ злорадства.

Правда, если отыщут очередной Компьютер, или был бы жив кто-либо из легендарных Прыгунов — разведчиков... догадка, озарение, невозможные при иных обстоятельствах, сейчас, перед лицом суда, решения судьбы, участи, неожиданно посетили его, впрочем, наверное, они так и приходят.

Он понял, вспомнил, кто...

— Я знаю, знаю, кто может помочь разобраться с Картой! — только произнеся это, Дункан осознал, что стоит и кричит на весь зал.

Судья посмотрел на него с высоты кафедры.

— Подсудимый, сядьте, вам предоставится время для последнего слова.

— Неужели вы не слышите, я знаю, кто может указать путь, путь к Эталонному Миру!

— Подсудимый, займите свое место...

— Да вы что, оглохли! При чем здесь суд, когда можно открыть...

— Еще слово, и вас удалят. Дальнейшее заседание будет проходить без участия подсудимого, — и, предвосхищая вопрос Дункана, — закон это разрешает.

— Я не верю своим ушам!

Только теперь, сейчас, озаренный светом открытия, возвращаясь на жесткую, отполированную тысячами прикосновений, тысячами осужденных скамью, Трегарт осознал реальность происходящего.

Из фарса, спектакля, судебное заседание в одночасье превратилось в карающую длань, неумолимую Фемиду, решающую его, его! Судьбу!

Разлука с Ортой, соты. Нет! Нет, этого не может... не происходит... не с ним...

Что-то говорил адвокат, с ним спорил обвинитель, призывал к порядку судья. Кажется, вызывали его, кажется, он что-то говорил, отвечал, кажется, снова говорили обвинитель и адвокат.

Скрежет отодвигаемых стульев, шорох одежд, шепот — чудом долетавшие до него сквозь пелену реальности. Все поднялись, поднялся и Дункан.

Серьезные, сосредоточенные, на редкость смешные лица.

Судья что-то спрашивал у присяжных, они кивали. По очереди, слева направо, китайскими болванчиками.

«Это хорошо, когда все соглашаются».

«Это очень хорошо».

Судья принялся произносить длинную речь, периодически сверяясь с белоснежным листком в пухлой руке.

«А рука-то дрожит, или это листок?..»

— ... учитывая смягчающие обстоятельства и прошлые заслуги, Дункан Трегарт — бывший агент Гильдии, уроженец планеты Земля, вселенной Лоин, приговаривается... — голос, наконец, пробил завесу реальности. От голоса веяло холодом, холодом каменных шестигранников. Сделалось страшно. Отчаянно захотелось забиться под скамью, чтобы не слышать, не понимать. Я все равно узнаю, но пусть мне скажут позже, потом, когда все кончится... — к высылке в одиночную вселенную, откуда не сможет вернуться. Учитывая, что подсудимый родом из такой вселенной, суд проявил гуманность и возвращает его... во вселенную Лоин, домой!

Дункан видел, как облегченно выдохнул Д'арно.

Не соты, домой, впору радоваться, прыгать от счастья, оглашая священные своды полусумасшедшими криками... домой, в ссылку, ему — вкусившему сладость межмирья, познавшему ласки Проходов...

— Приговор окончателен, обжалованию не подлежит, и будет приведен в исполнение — немедленно!

Немедленно? Но как же прощание, Орта!

— Постойте, мне есть что сказать! Тайна Карты!

Удар молотка, как щелчок ножниц Парок.

В унисон — кинжальная боль в плече.

— Капсула Невидимости дезинтегрирована!

Немедленно!

— Хоть выслушайте меня!

Тяжелая длань легла на плечо. Дункан обернулся. Безразличные, холодные глаза палача. В мозолистой, привычной руке — орудие казни — Камень.

— Уже! Я не...

Холод Прыжка навалился могильной плитой, плитой под которой билось живое сердце — ошибка природы, ненаучный факт, феномен, недостойный упоминания в сколько-нибудь серьезных монографиях.

Даже в атеистическом обществе в отсутствие уверенности в будущем, потере целей, разочарования в правительстве, индивидуумы ищут утешение в РЕЛИГИИ,

Проповедники провозглашают мысли и лозунги, наиболее соответствующие настроениям и чаяниям общественных классов.

Каждому — свои. (Стандартные проповеди см. приложение 3.2.)

Во избежание противоречий, нежелательно присутствие на проповедях представителей различных классов общества.

Особо подчеркивается, что все вышесказанное достижимо в царствие Бога. На данном этапе, на усмотрение координатора, может быть названа КОНКРЕТНАЯ дата появления божества.

Общество должно ЖЕЛАТЬ прихода агента-бога.

Памятка агенту Гильдия.

Закрытый курс для агентов-мессий.

1.

Косые струи дождя бичами, наотмашь хлестали открытое лицо, доброжелательными завистниками преодолевали непрочный барьер капюшона, холодными змеями забирались под воротник, чтобы там, в уютном тепле, скатиться по телу ледяными каплями.

Дункану было все равно. Ему давно было все равно. Вода насквозь пропитала тонкий дождевик, хлупала озерцами в десантных ботинках, склеила широкие штаны с синтипоновой подкладкой и даже распутала колтуны отросшей бороды.

Он брел, сквозь дождь, автоматически переставляя ноги, и лужи в ботинках вливались в водоемы улиц.

Два месяца, почти два месяца, берясь за любую работу, иногда за кусок хлеба, когда зайцем, когда на попутных, когда за мытье нужников, он добрался сюда. До Земли!

Шпиль высокого здания со светящейся, видимой за много километров эмблемой терялся в темноте и влаге.

Вылизанные, почти невидимые стеклянные двери открылись сами собой.

Портье, Дункан не помнил, как точно назывался этот служащий — вахтер, администратор, секретарь, он назвал его — портье, возможно потому, что мучительно хотелось отдохнуть — в гостинице, в последнее время ассоциирующейся у него с домашним уютом. Портье часто моргал почти идеально круглыми и небесно голубыми глазами, расположенными по бокам ребристого, аккуратно подпиленного рога.

— Доложите вашему боссу, его хочет видеть Дункан Трегарт, и пусть добавят — галера Флостеров.

Портье без приязни окинул взглядом небритую физиономию, слипшиеся волосы, грязный дождевик и штаны.

— Боюсь, мистера Левицкого сейчас нет в городе...

— Доложите вашему чертову боссу! А думать и бояться, будет он!

Портье часто захопал большими ресницами, впрочем, наивности это ему не прибавило.

— Хорошо, — наконец выдавил служащий. — Я свяжусь с секретарем мистера Левицкого. Если он сочтет нужным доложить о вас...

Дункан уже не слышал его, устало опустившись в уютное кресло для посетителей. Ему все равно. Ему давно все равно.

Хрипел динамик, хрипел портье, после некоторой паузы хрипели в ответ.

— Мистер Трегарт.

— Да, — у Дункана не осталось сил даже на то, чтобы подняться.

— Секретарь доложил. Мистер Левицкий сказал, что не знает человека по имени Дункан Трегарт и не примет вас, — в голосе служащего проступили металлические нотки. Конечно, если минутой ранее посетитель мог оказаться не тем, кем видится — обыкновенным бродягой, то теперь, после благословения босса... — Прощу вас! — четырехпалая рука указывала на дверь. Стекланную, почти невидимую дверь, за которой бушевали ледяные струи — границу того мира и этого, холода, нищеты, случайных заработков, ночлежек и мира тепла, уюта, крыши над головой, будущего.

Покидать этот мир не хотелось. Той же рукой служащий сделал знак. Рядом с Дунканом выросли два охранника. Не тратясь на слова, они молча подхватили его под руки и поволокли к выходу.

— Пустите! Я сам!

По-прежнему храня молчание, один из громил, несильно, без замаха, ударил его под ребра. Почти дружеское предупреждение.

— Я сам... — капли стекали по лицу — насобирались из капюшона.

— Отпустите, — спокойный, слегка насмешливый голос.

Голос подействовал на охранников подобно команде дрессировщика. Мускулистые руки разом разжались, Дункан рухнул на мраморный пол. Размазав капли мокрым рукавом, снизу вверх, он взглянул на спасителя.

Рядом с бледным портье, в дверях зеркального лифта, стоял... Антон Левицкий.

Большой босс широко улыбался.

— Маленькая месть за неделю в элизианской тюрьме.

Большой босс раскрыл дружеские объятия.

— Ну здравствуй, Дункан!

2.

Дорогой костюм, шикарные апартаменты, в руке бокал с вином.

Дункан сделал глоток красной густой жидкости.

Кислятина!

Старое, коллекционное вино для него отдавало уксусом.

Он вернулся, дома, он обеспечен и уверен в завтрашнем дне... Сложно радоваться посту старосты деревни после того, как правил миром. Вкусившему многообразию многомирья тесно в одной, пусть не самой маленькой, пусть не самой худшей вселенной.

Резные широкие двери распахнулись от мощного толчка. Антон Левицкий, как всегда, не вошел, влетел.

— Победа! Абсолютная и безоговорочная! — Антон плюхнулся в кресло, рядом с Дунканом, по лицу блуждала счастливая улыбка. — Стервятники из антимонопольного хотели прижать меня. Меня! Антона Левицкого! Клювы обломали! Что пьешь? Вино? Да, вино, только вино, самое дорогое, самое ценное — дар лоз, напиток небожителей, ниспосланный на землю, как награда. Это дело нужно отпраздновать!

Излучая кипучие потоки энергии, Левицкий кинулся к бару.

— Как с моим допуском? — Дункан сделал очередной глоток, и кислота обожгла горло. Левицкий замедлил движение.

— Далось тебе это возвращение. Тебя выперли, не забыл, и, как я понял из твоих рассказов, обошлись весьма гуманно. Посмотри на все это, — холеная рука обвела комнату, — на себя — прилично одет, хлещешь вино по десять тысяч за пол литра, другой бы радовался на твоём месте!

— Я не другой!

— А какой? Прошое все, закрыто, забыто, ушло. Наслаждайся жизнью, тем, что имеешь. Радуйся! Слушай, у меня сейчас дел, вроде, особых нет, давай плюнем на все и махнем на курорт, самый дорогой — Монте Спейс! Слышал об этой планетенке? Остановимся в шикарных апартаментах, да что там — выкупим весь отель, поиграем в казино, потратим неприлично много денег. Девочки! Какие там девочки! Бельдерийки, Санти, Веганки... у тебя когда-нибудь были веганки?

— Как с моим допуском?

Левицкий вздохнул, нацедил вина, вернулся в кресло.

— Никак! Сейчас получить допуск на посещение Порты не легче, чем... чем... чертovsky антиглобалисты! Развонялись, как... что там Порты, отовсюду, буквально отовсюду убирают наши колонии, а ведь некоторые из них имеют более чем столетнюю историю. А о заповедных планетах, подобных Порте и заикаться нечего.

— Дай взятку!

— Давал! Вернее, предлагал, не берут!

— Мало давал!

— Не в этом дело — опасаются люди, кому охота подставлять собственную шею. Погоди. Вот схлынет волна, пойдет на убыль компания, тогда и...

— У меня нет времени! — Дункан со стуком поставил бокал на стол. — Дай мне корабль, я полечу сам!

— И нарвешься на охранные спутники.

— Добудь код, спасателей, универсальный!

— Тебя все равно вычислят.

— Пусть, я буду уже далеко!

— Да что ж тебе нейдет-то! Все ему не так! Ну чего, чего тебе надо, чего хочешь? Давай звездолет куплю, самый дорогой, на заказ, будешь путешествовать, по всей галактике, пока не стошнит. Или... планету! Приобрету тебе какую-нибудь планетку, из отсталых. Станешь править дикарями, как бог... хотя нет — антиглобалисты...

— Что говорят в исследовательском центре?

Левицкий махнул рукой.

— А что говорят? Исследуют. Ну нет, нет таких культов, или религий на известных планетах, во всяком случае, пока не открыли.

— Пусть ищут!

— Ищут, ищут — деньги на ветер! Знаешь, после возвращения... оттуда, во мне что-то переменялось. Я жизнь ценить стал! Раньше — деньги, власть, положение — все не в радость. Какие-то проблемы: конкуренты, акции, забастовки... Стоило, стоило пресмыкаться перед Флостерами, побираться в трущобах Элизии, гнить в тюрьме, чтобы теперь — почувствовать жизнь. Жизнь! Во всей красе, каждый день — подарок!

— Зашли исследователей, шпионов на дальние планеты, может там обнаружится культ Гильдии.

Левицкий вздохнул.

— Зашлю, зашлю, на дальние планеты, к черту на кулички, куда скажешь, скучный ты человек.

3.

Костюм, апартаменты, бокал с вином. Последнее уже не казалось кислым.

Пробуждается вкус к жизни... или к алкоголю.

После месяца пребывания на Земле, Дункан потерял счет дням.

Каждый начинался одинаково.

— Доброе утро, мистер Трегарт. Вам что-нибудь нужно?

— Новостей для меня нет?

— Нет.

И дальше — сидеть, в обнимку с бокалом, или без, бессмысленно переключать каналы визора, или, забросив пульт, лежать, уставившись в потолок. Вздрагивая от каждого шороха, стука в дверь.

Наконец-то!

Пришли!

Отыскали!

И засыпать вечером в надежде, что завтрашний день окажется отличным от череды предшественников.

Шаги, стук в дверь.

На пороге — Левицкий.

— А-а, это ты, — разочарованно протянул Дункан.

— Пляши, скучный человек!

— Неужели! Добыл код спасателей? Штурмуем Порту!

— Никого штурмовать не надо. Ты слышал когда-нибудь о планете Валга?

— Нет.

— И я нет, а между тем, она совсем рядом — два дня лету.

— Чем же интересна эта Валга? — скука между тем покидала голос Трегарта.

— Ее открыли какие-то инопланетники, почти сразу колонизировали, довольно давно, еще до эпохи смуты. Колония разрослась, появились свои государства, войны, как водится. Потом к власти пришел какой-то диктатор, и Валга объявила изоляцию, короче, ни сами никуда не летали, ни к ним.

— А покороче никак?

— Длилось это не так долго — лет пятьсот. Потом — переворот, и последние два века Валга — вновь открытый мир. Справедливости ради, прозрачными кордонами мало кто

рвется воспользоваться — типично отсталая планетенка, со средним климатом, минимумом полезных ископаемых и избытком самомнения многочисленных вождей, царьков и президентов.

— Надеюсь, это конец?

Левицкий торжественно поднял руку с оттопыренным пальцем. На всякий случай, Дункан проследил за указующим перстом — взгляд уперся в потолок.

— На одном из материков правит... бог! Живой бог, раз в году показывается...

— Летим! — Дункан вскочил с дивана. — Сегодня, сейчас же!.. Где мои носки?

— Эй, эй, погоди, не распаяйся прежде времени. Мало ли кто может назвать себя богом. Может, пустышка, ложный след...

— Это он, он, я чувствую!

— Что ж, — пожал плечами Левицкий, — тогда, я с тобой.

4.

— Анза — эфир, Унда — орудие. Соединяя Унду с Анзой, ты получаешь полное единение над Самоаной. Возвышаясь от Пруши к Самоане, ты приближаешься к Великому Нагоа, — Антон Левицкий отшвырнул брошюру святого писания валгской религии. — Бред какой-то!

— Не бред. Я давно заметил, в запутанных текстах, обильно сдобренных малопонятными терминами, удивительно большое число знатоков отыскивает невероятное количество мыслей. Мудрых мыслей.

— Комментарий, порою, занимают больше места, нежели сами святы свитки. Под непонятные слова каждый подкладывает свои определения, иногда получая нечто путное. И ты, и я легко сможем накопать нечто подобное, не уступающее, а может, превосходящее все изданное ранее по глубокости и поучительности. Мы даже можем стать открывателями тайны бытия. Главное, найти достаточно чокнутого толкователя.

— И он сам не заметит, как выдаст свои мысли за наши.

— Точно.

Впервые с момента прибытия в родную вселенную, Дункан почувствовал в себе силы вести философские, отвлеченные разговоры. Надо сказать, ощущение почти гармонии, почти физического чувства исполняемого желания, когда можно расслабиться и пофилософствовать, ему нравилось.

И в раю был змей — демон нетерпения давал о себе знать.

— Что там дальше, дальше, читай!

Вздыхнув, Левицкий поднял книгу, лениво полистал.

— Гляди, а здесь почти нормально.

В Дхате и Пруши спустился Великий Нагоа, и Ранга... — язык сломаешь, — Рантгатанга достигла единения с Нарго... — тьфу, черт, — Нарнтготантги, — со второй попытки Антон укротил заковыристое слово.

— Она, она, Гильдия! — от нетерпения, Дункан вскочил и забегал по каюте.

— Хочешь сказать, ты в этом что-то понимаешь?

— Они так действуют. Бог спускается с неба в пламени и сиянии!

— В Ранготанге и Нарготанге.

— Он, он, я знаю! Читай дальше!

— Может, не стоит?

— Читай, читай, мы должны знать, как можно больше!

— По мне, с каждой страницей, узнаешь все меньше. У нас и без книжек достаточно средств для налаживания любых контактов, даже с божеством.

— Ты имеешь в виду этот звездолет?

— Не просто звездолет! Да будет известно тебе, неблагодарный, сей шедевр инженерного, заметь, не божественного гения, обошелся мне в кругленькую сумму. Это единственный в своем роде аналог военных кораблей, находящийся в частных руках.

— Обязательно было лететь на звездной крепости?

— Не крепости! Крепость, это сооружение оборонительного, э-э-э, свойства. Мы же — корабль наступательный...

— Читать будешь?

— Не хочу! — надулся Левицкий. — Надоело!

В нетерпении Дункан снова заметался по каюте.

— Капитан! — он активировал связь с рубкой.

— Да, мистер Трегарт, — ответил усталый голос.

— Долго еще?

Далекий командир судна вздохнул.

— С момента последнего запроса, приблизились к Валге на пять минут. По прежнему, ориентировочное время прибытия, по бортовому, — завтра к обеду.

5.

Потрескавшуюся, вопиющую о ремонте площадку космодрома окружал массивный каменный забор — поглотитель не одной тысячи отпущенных на починку средств.

— Капитан, — Левицкий дотронулся до верхней пуговицы замшевого пальто.

— Вас слышу, — пропищало в воздухе, — и все-таки, мистер Левицкий, еще раз настоятельно советую согласиться на вооруженное сопровождение.

— Обойдемся, надеюсь, с радарными у этих ребят все в порядке, и они в состоянии отличить вооруженный эсминец от прогулочной яхты.

— Наша помощь с орбиты может не поспеть вовремя.

Антон отмахнулся, несмотря на то, что собеседник не видел его.

— Кроме радаров, будем надеяться, у местных в порядке с чувством самосохранения, в противном случае, что там континенту, всей планете сделается жарко.

Над забором возвышались плоские крыши бетонных домов, похожих на усеченные конусы, расшитые бисеринками круглых окон.

Над домами, подпирая кирпичное небо, возвышались... минареты!

Мозаичные бока отсвечивали в лучах полуденного солнца.

— Это он, оно, я узнаю минареты! — то ли от страха предчувствия, то ли от боязни разочарования, внутри у Дункана все сжалось.

— На сотнях, если не на тысячах планет возводят подобные башенки, — Левицкий, пожившись, плотнее запахнул пальто. Несмотря на солнце в зените, погода стояла довольно прохладная.

- Ты не понимаешь! Религия, бог, минареты — не может быть столько совпадений.
- Увидим. Капитан, мы идем.
- Я слежу за вами, мистер Левицкий.

Прохожих в городе было немного. То ли у аборигенов обозначилось что-то вроде сиесты, то ли они просто не любили покидать уютные конусы, то ли... работали. Почти вровень с минаретами, частоколами, возвышались нещадно дымящие трубы.

— Партия зеленых здесь не в чести. Перспективное место, если удастся столкнуться, я бы поставил на планетенке пару тройку заводиков.

Аборигены представляли собой гуманоидов с серой, в складках, кожей, большим безгубым ртом и узкими, глубоко запрятанными в складках, глазами. На людей, во всяком случае, на Дункана, они произвели впечатление хмурых, замкнутых существ.

Наконец, показался дворец бога.

— Ничего себе! — присвистнул Левицкий. — А неплохо устроился, я тоже не прочь поруководить этим местом.

Вопреки военной науке, сооружение располагалось в низине. Вездесущие конусы присутствовали и здесь — от невысоких, плоских, словно колесо, до гигантов, высотой в несколько этажей. Свежесрубленными пеньками, они усеивали дно, и даже стены низины, занимающей площадь в несколько акров. Между пеньками — горизонтально, вертикально, зигзагообразно, обвивая, подобно змеям или экзотическим лианам, образуя сложный и на первый взгляд хаотичный узор, плелись всевозможные переходы, мосты, арки и балконы.

— Я бы на месте обитателей, без компаса из комнаты ни ногой. А ты чего молчишь? Язык от счастья проглотил!

Экзотическая архитектура убавила настроения Дункану. Конечно, он не ожидал обнаружить точную копию храма Орты, или дворца Кецаля, но хотя бы какие-то общие черты... западное крыло... потайной ход... где, в какой из башен этого муравейника искать западное крыло, да и нужны ли потайные ходы, когда основные образовывали лабиринт почище критского.

Хорошо хоть идентификация центрального входа не вызывала трудностей.

Мраморная лестница, опускающаяся с верхнего края низины, заканчивалась у широких, гостеприимно распахнутых трапецевидных дверей.

— Нас, небось, заждались. Чего стал? — Левицкий начал спуск, неожиданно ступени пришли в движение — лестница оказалась гигантским эскалатором. — Ничего себе, проедемся с комфортом.

У дверей путешественников ожидал высокий абориген при цветастом переднике, золотом жезле с солнцем на конце и головном уборе, вроде шлема, по гребню которого змеились разновеликие перья.

Дункан мог поклясться, когда они начинали спуск, аборигена внизу не было.

— Мистер Левицкий, — поклонился привратник, и перья согласно качнулись на блестящем помосте, — рады приветствовать выдающегося представителя рода людского на Валге.

Антон подмигнул Дункану, мол, знай наших.

— Следуйте за мной. Его Всемогущество ждет вас!

В тусклом освещении полутемных переходов не представлялось возможным рассмотреть интерьер дворца.

Шаги сопровождающего шлепали впереди.

Дункан всюду вращал головой. Серые стены украшали рисунки. Содержание их могло бы много сказать Трегарту, во всяком случае, хоть немного укрепить пошатнувшуюся уверенность.

Трегарт тихо выругался, проклиная темноту.

Трапециевидные двери возникли неожиданно. Гости свернули за очередной поворот и — вот они.

У створок несли почетный караул никак не менее дюжины роскошно разодетых аборигенов.

Сопровождающий загавкал на них на местном наречии, стража с поклоном расступилась. Поклонился и проводник.

— Вам туда. Мне без особого дозволения не разрешено преступать порог покоев Всевидящего.

— Отлично! — Левицкий бодрым шагом проследовал к двери и толкнул створку.

В помещении оказалось не светлее, чем в коридоре. Несмотря на то, что высокие стены усеивали круглые окна. Из-за матовых стекол, они выполняли, скорее, декоративную функцию, нежели служили полноценным источником света.

— Чем обязан посещению моей скромной обители одним из самых влиятельных людей известного мира.

Привыкшие к темноте глаза различили массивный трон, на возвышении в центре зала.

Они подошли ближе.

На троне восседал... старик, распознать признаки возраста, даже у инопланетян не вызывало трудностей — более морщинистая, истонченная годами кожа, жилистые руки, усталая посадка головы, глаза, давно утратившие задор молодости. Головной убор из роскошных перьев едва заметно колыхался от легкого подрагивания головы.

— Нам обращаться к вам, Ваше Всемогущество?

Морщины лица растянула улыбка.

— Я понимаю, передо мной трезво мыслящие люди, мало верящие в местные суеверия, к тому же, имеющие власть, много превышающую мою, так называемую, божественную. Да, я не бог, я — простой смертный, не упустивший в свое время подвернувшийся шанс.

— Откуда вы, с Валги? — встрял в разговор Трегарт.

— Позвольте не отвечать на этот вопрос. Все мы имеем свои маленькие тайны и на то они тайны, дабы оставаться таковыми как можно дольше, в идеале — всегда.

— Довольно необычно, для руководства, вы выбрали образ бога. Не императора, диктатора, президента, а — бога. Так сказать — сакральной сущности.

— Увы, увы — монархов убивают, диктаторов свергают, политиков не переизбирают. А бог — он вечен!

— Не скажите, и вы когда-нибудь уйдете в мир иной.

— Но до последнего момента, я останусь богом.

— Вы уже остаетесь им, достаточно долго, если не ошибаюсь, — Дункан сделал вид, что прикидывает в уме, — сто десять местных лет — больше века. Немного затянуто, учитывая, что средняя продолжительность жизни валганена около сорока.

Перья на голове старика колыхнулись немного сильнее.

— Мистер Левицкий, простите не расслышал, как вы сказали, зовут вашего спутника?

— Я не говорил. Дункан Трегарт — знаменитый в определенных кругах, гм, путешественник.

— Так что привело двух столь уважаемых людей в мое скромное жилище?

— А знаете, есть теория, согласно которой, наша вселенная не одинока в этом бескрайнем мире, — Дункан не сводил взгляда с «бога». — Согласно ей существует почти бесконечное множество иных вселенных, со своими звездами, планетами, даже физическими законами.

— Весьма занимательно, как теория.

Или Дункану показалось, или перья на голове старика увеличили амплитуду.

— Мало того, между этими вселенными возможны контакты, перемещения, путешествия. Конечно, в строго определенных местах.

— Метафизические рассуждения никогда не привлекали меня. Несмотря на божественный статус я — прагматик и любые теории рассматриваю с точки зрения практического применения.

— Если имеются вселенные, и между ними имеются Проходы, — Дункан сделал ударение на последнем слове, — несложно пойти в рассуждениях дальше. Просто обязана существовать некая организация, владеющая данными Проходами.

На этот раз, он был уверен — перья дрожали, и не сквозняк был тому причиной.

— Как любая организация, она обязана заботиться о своем существовании, развитии, расширять сферы влияния. Наиболее простой способ — оставлять в подконтрольных областях собственных наместников...

— К чему вы все это мне рассказываете?

— Вы даже не представляете, насколько в плане вышесказанного, удобная штука — религия. Хотя нет — вы-то как раз представляете.

— Мистер Левицкий, мне кажется, ваш друг...

— Так вот, эта организация, назовем ее, ну скажем... Гильдия!

Несмотря на выдержку, подкрепленную годами божественной власти, старик вздрогнул.

— Гильдия со своей религией, господин всемогущий, точнее, религиями, насаждаемыми агентами...

В этот момент, прозвучала мелодия. Колокольные переливы, сопровождаемые волшебными звуками органа.

— Э-э-э, что это?

Старик поднялся. Дункан был почти уверен — серая кожа стала бледнее, нежели с начале аудиенции.

— Боюсь, это — сигнал мне. Увы, увы — божественные обязанности взыскиют. Прошу простить, дорогие гости, я вынужден вас оставить. Не надолго, думаю, дело замет не больше минуты.

— Мы еще не закончили, — процедил Дункан.

— Конечно, — «бог» поклонился, — чувствуйте себя, как дома.

Старик не спеша, скрылся за небольшой, почти не приметной дверью, позади трона.

— Ты видел, видел! — Дункан подскочил к Антону. — Видел, как он побледнел! Это он, он, Гильдия!

— Меня больше волнует, куда он пошел.

— Не настолько же глуп старикашка, чтобы сориться с одним из самых влиятельных людей, он сам тебя так назвал.

— Надеюсь, он не забыл о присутствии на орбите нашего звездолета.

— Скоро узнаем.

— Не в моих правилах бездействовать, — Левицкий нажал пуговицу на пальто. — Капитан.

— Да, господин Левицкий.

— Следите за нами?

— Конечно.

— Опуститесь-ка пониже, зависните над самым дворцом, так, чтобы вас было видно из каждого круглого окошка этого чертова муравейника. Особо не церемоньтесь, напомните о своем присутствии.

— Вас понял.

— Не слишком круто? — засомневался Дункан.

— Убережем хозяина от опрометчивых поступков, для его же блага.

Минуты тянулись, возмнив себя вечностью.

Одна, вторая, третья.

Поглядывая на часы, Трегарт в волнении расхаживал по залу.

От предчувствия предстоящей словесной баталии, внутри все трепетало. В том, что он на верном пути, отпали всяческие сомнения, оставалось заставить, лучше уговорить «бога» открыть Проход. В конце концов, Трегарт не какой-нибудь захватчик — ему есть что предложить Гильдии — расшифровку Карты, путь к планете Санникова, ради этого можно простить многие, очень многие прегрешения. А ведь ему так мало надо — остаться там, рядом с Ортой!

— Однако, хозяин заставляет себя ждать, — Антон также взглянул на хронометр, — или у них так принято обращаться с гостями.

— Нет, это невозможно вынести! Слуги! Э-эй, слуги! — закричал Трегарт.

В щели входных дверей показалась испуганная физиономия их провожатого.

— Высоким гостям что-либо угодно?

— Гостям угодно знать, где твой хозяин!

— Пути Всемогущего неисповедимы, не нам — простым смертным...

— Иди отсюда! — прикрикнул Дункан.

Голова исчезла.

— Похоже, ты не в духе?

— Еще как! — Трегарт решительно направился к двери, за которой скрылся бог.

— погоди, что ты делаешь!..

Она оказалась не заперта.

За ней, тускло освещенная единственной лампой, находилась небольшая комнатка. Голые стены, на одной — неглубокая ниша с неуместной дверью.

И все.

— Бежал! — из-за плеча высунулась физиономия Левицкого. — Вот шельма, так и знал

— потайной ход! Ничего, сейчас задействуем сканирующую аппаратуру, живо отыщем этого супчика!

— Не стоит, — Дункан смотрел на нишу. Знакомые ощущения заполнили тело. Проход он не спутает ни с чем. Проход, через который, вне сомнений, скрылся правитель. Еще не вызывало сомнений, что дверь с той стороны — заперта.

Агент-бог спускается с НЕБА в сопровождении световых и звуковых эффектов (см. Приложение 9)

В установленное время, но с небольшой ЗАДЕРЖКОЙ. Последнее обязательно. В душах верующих растет ожидание, в умах противников — надежда на ложность пророчеств, и тут наносится удар — происходит нисхождение.

Событию должны предшествовать природные катаклизмы (землетрясения, шторма, ураганы и пр.), которые прекращаются с сошествием.

На местах все должно быть готово к появлению агента-бога.

Памятка агенту

Гильдия, закрытый курс для агентов-мессий.

Агенты, поддерживающие связь с правящей верхушкой со смещением ее с политической арены и уходом в подполье НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не теряют контактов. Напротив — всячески поддерживают изгоев, укрепляя зависимость последних.

Работа агентов крайне важна, на случай выхода агента-бога из повиновения.

Дополнение к «Памятке»

Для ограниченного пользования.

1.

Приглушенное освещение каюты напоминало полумрак потайной комнаты.

А ведь удача была так близко. Протяни руку, сделай шаг, и коснешься.

Ползучей змеей возвращалась старая знакомая — хандра.

Может, Антон прав — хватит попыток, хватит саможаления. Он жив и он — свободен, пусть в пределах одной вселенной, но и это немало. Некогда, его предки наслаждались свободой единственной планеты, страны, племени.

Он, в конце концов, богат, относительно молод — живи, радуйся, наслаждайся! Гильдия и Орта остались в прошлом, недостижимом, как любое прошлое...

Сердце сжалось, по спине замаршировали толпы мурашек.

Что за черт? Ощущения были сходны с теми, которые он испытывал в близости Прохода. Проход — на движущемся корабле, в его каюте! Допился. До полного комплекта осталось дожидаться зеленых чертей.

Шевеление в дальнем темном углу обнадежило — ожидание оказалось не долгим.

Трегарт не без интереса рассматривал смутные очертания. Для черта фигура была великовата, хотя, кто знает, какие они — черти. Если это черт, то явно женского пола — приятные округлости не спутаешь ни с чем.

Допился — до женских бесов.

Посетитель сделал шаг, луч света упал на лицо.

Прекрасное лицо в обрамлении милых светлых кудряшек.

Защемило сердце. Жестокое воображение, как же она похожа на Орту!

— Дункан Трегарт, меня прислали передать тебе предупреждение — первое и последнее, — заговорила галлюцинация. И голос, как у Орты! — Еще одна попытка вернуться, попытка давления на наших агентов, и твоя ссылка будет заменена заключением в соты. Мы следим за тобой.

Неожиданно Дункан осознал — это не сон, не галлюцинация, и Орта, его Орта — действительно, во плоти, в его каюте.

— Орта! — вскочив, он кинулся к девушке.

— Не подходи! — она отпрянула от него, как от чумного. — Я не хотела сюда переноситься. Я лишь выполняю приказ — передаю послание Гильдии.

— Гильдия, да Гильдия, мне есть что предложить им — Карта Пути, кажется, я знаю, кто может...

— Предатель пытается вымолить снисхождение. Раньше надо было думать, когда предавал.

Дункан дернулся — слова были подобны пощечине, истекая из уст любимой девушки, они ранили во сто крат сильнее.

— Да, да, я — предатель. Но ты, ты, не агент Гильдии, а просто девушка Орта, неужели идеи выше чувств!

— Кто сказал, что у меня были чувства?

— Мое спасение! Ты, едва ли не в одиночку, не дождавшись решения Совета, отправилась в логово Повстанцев.

— Обычная дружеская помощь, попавшему в беду агенту.

— А поцелуй?

— Сестринские чувства к брату-соратнику.

— Вот как, и много у тебя братьев, ради которых, ты готова позволить копать в собственной голове Телепату?

Удар достиг цели. Даже в темноте, было видно, как побелело лицо девушки.

— Мой долг, как агента Гильдии... — она отступила в угол, из которого появилась. Шевеление тьмы подсказало — они не одни. Естественно — Орта не Прыгун. Блеснул Камень Перемещения. — Прощай, задание я выполнила, послание передала. Еще раз предупреждаю — желаешь провести несколько жизней в сотах — возвращайся. Прощай!

— Постой! — Дункан кинулся в угол.

Дурак, дурак, так много хотелось сказать, вместо этого, он не нашел ничего лучше, как поддевать девушку.

Руки обхватили пустоту.

2.

Трегарт мерил шагами комнату.

Снарядив в качестве посланца Орту, Гильдия поступила мудро, у любого другого он бы попытался силой отобрать Камень.

Последнее предупреждение! Ха! В гуманизм Совета верилось с трудом, выходит, он их

задел, что не удивительно — мало кому понравится, если раскроют и заставят бежать твоего агента. Но зачем предупреждать? Проходом на Валге он все равно воспользоваться не сможет. Напрашивался только один вывод — существуют и другие планеты с культом Гильдии, другие Проходы, возможно, их не так мало. Вспомнились слова наставника, которые тот выдал в редкие минуты рефлексии. «На самом деле, мы не знаем, куда ведут Проходы. Точнее, некоторые знаем, но большинство... в иную вселенную, галактику, на планеты собственной, настолько удаленные друг от друга, что невозможно прочесть рисунок созвездий».

Тогда, захваченный возможностью мгновенного путешествия, между мирами, открывшимися перспективами, Дункан не обратил внимания на слова преподавателя. Какая разница — в иную галактику или на планеты собственной. Но сейчас... возможно, речи на суде об изолированной вселенной — для отвода глаз. И беспокойство Гильдии вполне понятно. Ссылный агент Дункан Трегарт, хоть жизнь положи, не отыскал бы Прохода, но Дункан Трегарт в сочетании с возможностями и средствами Антона Левицкого...

Что ж, он отыщет, найдет Проходы, сколько бы на это не потребовалось средств и сил. Ради Гильдии, он рисковал жизнью, пробирался во дворец восставшего бога, был в плену у мыслящего дерева, спускался по воронке ада, побывал во дворце времени, так неужели для себя, ради себя самого, не совершит хотя бы столько же!

Какая-то мысль не давала покоя. Что-то он минуту назад вспомнил и упустил, занятый самовосхвалением.

О чем он думал?

Отыщет агентов — так, хорошо.

Затратит силы — правильно.

Был на планете бога — был.

Баньян, воронка — тоже.

Дворец времени — все верно...

Дворец Времени! Ну конечно! Как там говорил Эон...

Со всех ног, Дункан понесся в капитанскую рубку.

— Капитан! — влетев вихрем, не озабочиваясь мнением других, Дункан кричал с порога. — Планета Ретгар, есть такой мир?

— Э-э-э, одну минуту, сверюсь с базой данных, — наверное, было в облике Дункана что-то такое, что заставило космического волка проглотить слова возмущения, вызванные вторжением пассажира в святая святых звездолета. — Э-э-э, да — планета Ретгар — третий мир системы Плахима. Кстати, это совсем недалеко отсюда — три дня лету, странно, что я о нем не слышал.

— Не удивительно, — встрял один из штурманов — пожилой озец с огромной сплюснутой головой. — Вот уже лет сорок туда никто не летает — проклятое место.

— Почему?

— Ретгар — почти рай для оздоровительных заведений — бьющие из-под земли теплые ключи, целебные источники, вот кто-то, не помню кто, и построил санаторий, точнее, решил построить. Кажется, они так и не довели дело до конца — начали пропадать люди, причем, добро б — дикие животные, или еще кто, а то — на ровном месте, средь бела дня. Проклятое место.

— Капитан, курс на Плахиму!

— Это корабль мистера Левицкого, только он может...

— Мистера Левицкого, я беру на себя.

Космический волк вздохнул.

— Вы уверены? — не ведая причин, одно он знал точно — Антон Левицкий выполняет все прихоти своего взбалмошного друга.

— Абсолютно, летим, летим!

3.

Они приземлились на краю плато, у стен недостроенного комплекса.

Видимо, строители покидали это место в спешке: брошенная техника, сгруженные, но так и не распечатанные блоки, наполовину опустошенные контейнеры с навсегда затвердевшим раствором, предметы утвари, полуистлевшая одежда.

— Ближе нельзя! — категорически заявил капитан.

В центре плато, за язвами бурлящих озер, за столбиками фонтанов гейзеров, возвышалась скала с усеченной вершиной.

— Проклятое место, — выбравшись из корабля, люди опасливо косились на полуразваленные здания.

Команда сопровождения, не сговариваясь, облачилась в полный боекомплект, включая недельные запасы пищи и переносную ракетную установку.

Даже Левицкий — в пятнистой униформе, с бластером наперевес, почти не отличался от вояк.

— Нам туда, ты уверен?

— Да, да! — Дункан не замечал никого и ничего вокруг. Планета Ретгар, скала с усеченной вершиной — Эон знал будущее и знал, что в этом будущем пригодится Дункану.

Двигались осторожно, гуськом — Трегарт и Антон в центре колонны. Не раз и не два струи горячего пара вырывались прямо из-под ног. Только тренированная реакция военных спасала путешественников.

Дункан, единственный, не замечал трудностей. Планета для него была пропуском в рай, а значит, прекраснее места, он не встречал в своей жизни!

У подножия горы примостилась относительно безопасная базальтовая площадка. Люди, наконец, получили возможность расслабиться.

— Мы дошли, что дальше? — Антон выжидающе смотрел на Дункана.

— Н-не знаю.

Он так уверился в предсказании хозяина Дворца Времени, что рассчитывал на саморазрешение загадки, едва они достигнут места. Конечно, отыскать полноценный Проход, со знаками, было бы слишком оптимистично, но все же...

— Я сейчас...

— Куда?

— Обойду кругом.

— Ты и ты, — Левицкий указал на парочку военных, — с ним.

Нехотя, те козырнули.

В сопровождении охраны, старательно прислушиваясь к собственным ощущениям, Дункан обходил скалу.

Ничего. Ни намека на Проход.

Неужели Эон обманул? Шутка над смертным того, кто не ведает кары времен.

Буквально на каждом шагу попадались исходящие паром бурлящие озера — от, размером с небольшую лужу, до нескольких десятков метров в поперечнике.

Проходя мимо одного из них — вытянутой мутно-серой кляксы в человеческий рост, Дункан что-то почувствовал.

— Стойте!

Сопровождение остановилось. На лицах ребят явственно читалось, что они думают обо всей миссии, вместе взятой и о его умственных способностях в частности.

Не заботясь, какое производит впечатление, Трегарт приблизился к озеру, наклонился, встал на колени. Так и есть — чувства не ввали — Проход. Исходя из тех же чувств, находился он под водой.

— Зовите мистера Левицкого и остальных! Кажется, мы, я нашел...

— Ты уверен? — Антон и себе опустил на колени, рядом с Дунканом. Рядом с его лицом лопнул особенно крупный пузырь, обдав финансового магната серыми брызгами. — Гадость какая!

— Есть только один способ проверить! — Трегарт принялся расшнуровывать ботинки.

— Постой, что ты задумал?

— Я иду. Туда.

— В смысле? Только не говори, что собираешься нырнуть! Неизвестно что за мерзость булькает в этой луже. Отравишься, сварись заживо.

— Я иду.

— Вернемся на корабль, возьмем зонд, опустим...

— Зонд не увидит Прохода, его можно только почувствовать.

— Тогда скафандр! Повышенной защиты! Нырнешь в нем.

— В скафандре я то же вряд ли что-то почувствую.

— Ну не знаю...

— Зато я знаю! — на землю полетели куртка и штаны.

— Ты что серьезно окунешься в это болото?

— Пойми, — на секунду Трегарт даже прекратил разоблачаться, — не могу объяснить, но я должен, обязан вернуться, будто тянет, словно там осталась частица меня, очень важная частица. А это, — палец указал на озерцо, — на сегодняшний день мой единственный шанс.

— Может, останешься? — было слышно, Антон сам не рассчитывал на положительный ответ.

Поверх штанов легла рубашка.

— Понял, разубедить тебя невозможно, но ответ: зачем ты разделся?

— Ну, как... — Трегарт переминался с ноги на ногу в одних трусах, — лезу... в воду...

— С чего, интересно, ты взял, что с той стороны тоже вода? Хорош ты будешь, посреди оживленной улицы, в одном нижнем белье.

Об этом Дункан не подумал.

— Так что, одеваться?

— О-де-вать-ся, — передразнил его Левицкий. — Конечно, одеваться, и не только, —

стянув мешок и вытряхнув из него все содержимое, он положил в него собственное платиновое кольцо с бриллиантом. — Ну-ка, ребята, у кого что есть, скинемся парню на дорожку, и не жмитесь, по прибытии всем компенсирую в пятикратном размере.

Привычка подчиняться сыграла свое — в шляпу полетели кольца — дорогие и не очень, парочка серег, массивная цепочка. Судя по лицам, недоумение военных увеличивалось посекудно. На какую дорожку? В последний путь?

Левицкий взвесил скарб.

— Не густо, но на первое время хватит, — он сунул мешок Дункану. — И бластер возьми.

Трегарт чувствовал себя до безобразия глупо — под недоуменными взглядами, с бластером на шее и кучей драгоценностей в мешке — разбойник с большой дороги после удачного дела.

— Спасибо, спасибо за все...

— Чего там, надеюсь, оно того стоит.

— Стоит... надеюсь.

— Смотри только не утони.

Густая, непохожая на воду жидкость обожгла кипятком.

Перед тем, как нырнуть, Дункан в последний раз взглянул на провожающих — недоуменные взгляды, вытянутые лица.

— Э-э-э, прощайте.

Под «водой» чувство близости Прохода усилилось. Мгновенно пропитавшаяся одежда тянула вниз, что было только на руку.

Отталкиваясь от узких стен, Трегарт погружался все ниже, ниже, туда, где близость Прохода станет нестерпимой.

Стонущие легкие зывали о глотке воздуха. Если и стой стороны — вода — ему конец, его просто не хватит добраться до поверхности. Пройти столько испытаний, сделать почти невозможное — отыскать Проход, чтобы так вот банально захлебнуться... справа, совсем рядом — он узнал, ощутил его. Запоздало пришла мысль — если на планете пропадали люди, почти наверняка, одним Проходом дело не ограничивалось. Требовалось просто проявить терпение, поискать. Возможно, как нередко бывает, Проходы самоактивировались в определенное время суток. Отогнав всяческие мысли, борясь с собственным телом, моля о глотке воздуха, Дункан рванулся к заветным воротам...

4.

Призраки, они же — Духи, они же — Хозяева, они же — Мары. Мифические существа, якобы, обладающие способностью появляться и исчезать в различных, порою, труднодоступных местах. Согласно одним представлениям, являются предвестниками катаклизмов, войн, эпидемий и проч. Согласно другим — сами вызывают их.

В различных вселенных описания Призраков варьируются от темнокожих гигантов с горящими глазами, до гуманоидов мужского пола, нормального роста и сложения, обладающих гипнотическим взглядом.

Не злобны, избегают контактов.

Вера в Призраков возникла в среде Прыгунов — Первооткрывателей и Вольных Прыгунов в I–II в. н. э., длительное время находящихся без общества в дальних исследованиях. Впоследствии, от них получила распространение во многих вселенных мегамира.

Персонификацией Призраков, являются, так называемые: Звездные Скитальцы, Вестники, Знамена — малоизученные, а, следовательно — малопонятные явления, такие как: метеоритные дожди, затмения, покинутые звездолеты и проч. Согласно представлениям отсталых народов, также являющиеся предвестниками, либо носителями несчастий, болезней и т. д.

«Мифы и суеверия»

Т.1. гл. 4. «Призраки — как они есть»

5.

Он буквально вывалился, Проход располагался на возвышении, что-то мягкое, податливое приняло исстрадавшееся тело.

По счастью, это была не жидкость, рот широко открылся, Дункан с шумом втянул драгоценный газ.

Легкие обожгло, словно огнем, в отличие от горячего озера, это оказался огонь холода. Словно тысячи иголок впились в глотку, трахею, бронхи. Трегарт закашлялся, с каждым судорожным сокращением диафрагмы, посылая внутрь новые порции ледяного воздуха.

Он лежал, наполовину зарывшись в снег.

Одежда, пропитанная жидкостью, мгновенно загубела. Пронизывающий, ледяной ветер, играючи, отбирал остатки тепла.

Если ничего не предпринять, он просто замерзнет. Трегарт пошевелился, точнее, попытался пошевелиться — замерзшая одежда превратилась в каменный панцирь. Сделалось смешно — собственная одежда держит тебя, однако, после нескольких неудачных попыток, стало не до шуток.

Он замерзает!

Ирония судьбы, все началось с того, что он вот так же, не в силах двинуться, погибал от жары. Закончится — смертью от холода.

Судьба, порою, откалывает жестокие шутки. Жаль участникам не до смеха.

Из окружающей Трегарта белой мглы проступили фигуры.

Все, как тогда — галлюцинации. Точнее, в тот раз они оказались реальны, но вот теперь...

Впередиидущая фигура приблизилась, склонилась над ним — утверждая в мысли о воспаленном воображении — красивое лицо в обрамлении завитков светлых волос. Орта!

Умиравший мозг, отыскав аналогию, просто воспроизводил события годичной давности, ибо, тем же мозгом, еще не утратившей способности мыслить его частью, Трегарт понимал — Орты здесь быть не может.

Я умираю.

Мысль, вопреки обыкновению, облегчения не принесла.

6.

Он лежит, жив, укрыт одеялом.

На фоне светлых стен проступило лицо немолодой женщины — накрахмаленный чепчик, снежной шапкой, венчал горю сложной прически.

— Очнулся! — это не ему, это кому-то, пока не видимому, за спиной. — Как вы себя чувствуете?

А вот это — ему.

Сиделка? Медсестра?

Под горой обнаружилась пара профессионально заботливых глаз.

Неужели он снова у Повстанцев?

А как же снежная планета, Орта?

— Хорошо, — и это не было дежурным ответом на стандартный вопрос. Он, действительно, чувствовал себя неплохо.

«Что они мне вкололи?» Хотя, больше интересовало, кто «они». При всей банальности отчаянно мучил вопрос: «Где я?».

Над плечами женщины возникла пара рослых мужчин в сине-голубой униформе.

— Дункан Трегарт, одевайтесь, пойдете с нами!

Вопрос «где я?» отпал сам собой.

В небольшой комнате, на возвышении, за кафедрой сидело три человека.

Конвоиры замерли за спиной, оставив Дункана наедине с троицей.

Происходящее что-то напоминало Трегарту.

— Дункан Трегарт, вы обвиняетесь в нарушении условий ссылки, изложенных в параграфе 52.3 Кодекса Гильдии, выполнять статьи которого, вы обязались, вступив в нее и подписав соответствующие документы.

Понятно что напоминало — суд. Но где же обвинитель, адвокат, присяжные?

— У суда также имеются сведения, что вы неоднократно пытались нарушить данные условия. Несмотря на особое мнение члена Совета Гмем Канна, предлагавшего сразу после первого нарушения заключить вас в соты, вам было сделано предупреждение.

— Ваша Честь, у меня были на то причины...

— Вы получали предупреждение? — насупил брови левый судья.

— Ну да, но Карта...

— Обвиняемый признал факт получения, — равнодушно констатировал правый коллега.

— Проигнорировав предупреждение, вы повторили попытку покинуть место ссылки. На этот раз — удачную. Мы — следили за вами. На ваше счастье, так как, несмотря на особое мнение члена Совета Гмем Канна, — судья зашуршал бумагами, — цитирую: «пусть этот гаденыш замерзнет на ледышку», — вы были спасены, помещены в госпиталь, где вам была оказана квалифицированная помощь.

— Я благодарен Гильдии, Ваша Честь, однако, прошу выслушать меня...

— Не спешите благодарить. Учитывая вышесказанное, руководствуясь статьями 12.5,

17.8, 24.8 и 25.1 Кодекса...

За спиной послышался шум, судья кинул взгляд поверх головы Дункана.

За дверью что-то происходило.

Трегарт обернулся.

Возня, сдавленные крики...

— Пустите, я имею права!

От удара дверь распахнулась, за ней, в лапах синеформных охранников, бился Д'арно.

— Дункан, Дункан, я с тобой! Это самосуд!

— А также дополнением 18 от двадцать второго января две тысячи шестого года, мы — члены судебного заседания, заменяем Дункану Трегарту, уроженцу планеты Земля, вселенной Лоин, бывшему члену Гильдии, меру пресечения — ссылка, заключением в соты.

— Не-е-ет! — Д'арно с новыми силами пытался пробиться сквозь охранников.

— Но как же... Карта... я знаю, как ее... можно...

— Приговор окончателен и обжалованию не подлежит!

Судейский молоток опустился на плаху кафедры.

7.

Его комната, старая комната — кровать, шкаф, тумбочка; он так стремился сюда. Теперь она превратилась в камеру.

Ненадолго.

Интересно, кто сейчас здесь живет? Какой-нибудь неоперившийся, свежезавербованный агент из забитой вселенной?

Скрипнула дверь, Дункан обернулся... поначалу, показалось, он спит, или снова бредит — на пороге стояла она, Орта.

Девушка сделала шаг, дверь с шумом стала на место.

Дункан вскочил с кровати, сделал несколько шагов навстречу и... остановился.

Отчуждение стало между ними стеклянным щитом.

— Зачем, почему ты вернулся?

Трегарт смотрел на нее, как тогда, во время первой или второй встречи во дворце, как тогда, после испытания Телепатом...

И как тогда, девушка потупила глаза.

— Из-за меня?

Тогда это была правда, тогда он согласился на ритуал Рая, на побег с галеры, копание в собственных мозгах из-за нее...

Тогда.

Теперь это была только часть правды. Нет, Орта не ушла, девушка по-прежнему занимала место в его сердце, однако... было что-то еще...

Почему же он вернулся? Почему на самом деле вернулся?

Пожившему среди, да сутолоки, толчеи, но и возможностей большого города трудно приспособиться к жизни на хуторе. Путешественнику тесно в границах страны, или континента. Познавшему плод межзвездных полетов не усидеть на одной планете. А распробовавшему возможности многомирья, многообразия...

— Когда ты... предал... мне казалось, я никогда не смогу простить... не смогу даже

видеть тебя... Мне было больно!

— Прости.

— Мне казалось... я не хотела, чтобы ты возвращался... но, когда узнала, что вернулся... я сама, понимаешь, сама напросилась в тот холодный мир. Увидеть, хоть на миг, минуту... мне было приятно, что ты не послушался, сделал это... теперь соты... Зачем, почему, на что ты рассчитывал!

В глазах, прекрасных глазах Орты, блестели слезы.

— Карта... Путь... — Дункан махнул рукой. Рядом с ней не хотелось говорить об этом, тем более что его все равно никто не слушал. Хотелось обнять... или хотя бы просто стоять, вот так, рядом, растягивая секунды до размеров вечности.

— Как там Алекс?

— Д'арно, — девушка шмыгнула носом. — Ругался, пока его не выдворили из штаба. Клялся, что это так не оставит, спасет тебя.

— Хороший он человек.

И Дункан и Орта, да и Д'арно знали — перед заключением в него снова введут Капсулу, и уже никто не сможет отыскать Дункана Трегарта. Разве только обойти планету, заглядывая в каждую ячейку. При количестве последних в несколько миллиардов, на это потребуется не одна жизнь.

Скрипнула дверь.

— Уже! — голоса Дункана и Орты слились в один.

Конвоиры стояли на пороге.

8.

Знакомый зал с гостеприимно распахнутыми дверьми Проходов.

Здесь все началось — здесь и закончится.

Трегарта заставили облачиться в сине-голубую униформу Гильдии. Он мечтал одеть ее — домечтался. Нашивки и знаки различия были аккуратно срезаны.

Кроме самого Дункана, конвоиров, парочки чиновников и судебного исполнителя, у Проходов топтался зеленокожий юноша с нашивками ученика.

Как и он — Дункан — почти год назад, молодой человек смотрел на происходящее мало что понимающими глазами.

Один из гильдийцев вытащил Камень, присутствующие поспешно обступили его.

Как и во время первого посещения, первое, что ударило в уши — тишина.

Ни звука, ни вскрика, ни шелеста ветра, ни шевеления.

Лицо ученика из изумрудного сделалось почти белым. Трегарту было почти жаль юношу.

Он вспомнил собственное «посвящение» — нет, он не будет молить, не станет взывать к милосердию, тщетно надеясь услышать ответ от бездушных скал, разве что принять за ответ отражение собственного голоса.

Он двигались по широким стенам. Как и тогда, Дункан не удержался, взглянул вниз: черепахообразный инопланетянин издыхал, не в силах преодолеть силу притяжения и вес собственного панциря, существо, некогда бывшее человеком, или близким видом,

оскалившись, провожало путешественников безумными глазами.

Окончательно утративший природный изумруд ученик тяжело дышал.

Смотри, смотри парень, что тебя может ждать, и думай, сотню раз подумай, прежде чем вступить в Гильдию.

Впередиидущий замер на краю одного из шестигранников. Подтянувшись, замерли остальные.

Трегарт посмотрел вниз — ячейка была... пустой.

Паника, страх накатили удушливой волной.

Неужели, здесь, в этом каменном мешке, он проведет остаток жизни, жизнью. Неужели эти стены с безмолвным клочком неба, все, что он увидит на протяжении многих лет!

Нет! Нет!!

— За нарушение законов Гильдии, за преступные действия против нее, — голос чиновника достигал ушей Дункана, словно сквозь вату, — бывший агент Дункан Трегарт, приговаривается к заключению в сотах!

Нет! Н-нет!!

Это не правильно! Так не должно быть! Только не с ним!

Мы же люди, не звери, люди так не поступают!

В поисках понимания, Дункан хотел кинуться к... ученику. Он молод, он поймет, остановит, Гильдия еще не развратила его...

Трегарт почувствовал, что... падает.

Падает в соты.

В соту!

Ему показалось, он летел долго, очень, невообразимо долго. Кажется, он кричал, возможно, плакал, почти наверняка, проклинал.

Приземление оказалось очень болезненным. Потемнело в глазах, боль от удара пронзила тело.

Когда Дункан вновь обрел способность видеть, наверху, в голубом шестиугольнике неба, уже никого не было.

— Кто скажет, для чего нужны Камни Перемещения?

Преподаватель — длиннорукий несфер обвел класс желтыми глазами с ромбовидными щелками зрачков. Необычное строение глаза, вкупе с небольшими желтыми клыками, нависающими над нижней губой, придавали несфере сходство с киношным, плохо загримированным вампиром.

Лес ладоней — от трех до восьми палых, клешней и щупалец радовал учительский взгляд.

Еще бы — вопрос не из тяжелых.

— Хорошо, Гтанг, — палец несфера с изящным ноготком указал на большеглазого мальчугана с первой парты.

— Для Прыжков! — едва успел подняться, выпалил довольный ученик.

— Каких прыжков? — сдвинул брови преподаватель.

— Ну... — вопрошаемый часто заморгал внушительными глазками.

— Каринка.

Девочка — соседка большеглазого, затараторила уже на подъеме.

— Прыжков во вселенные, в которые нет Проходов, или из места без Проходов, или, когда нет времени ждать, или далеко идти...

— Молодец, молодец, а еще?

Рук не убавилось.

— Д'арно.

Худой черноволосый ученик бодро вскочил.

— Капсулы Невидимости!

— Что такое Капсула Невидимости?

— Ну... — черноволосый взъерошил затылок, — это капсула...

Сидящая позади отвечающего симпатичная девочка горячо зашептала в худую спину.

— Ассанта, может, ты хочешь ответить?

Девочка поднялась.

— Это нерастворяемая оболочка из полимерных материалов, содержащая небольшую часть, в учебнике написано — крупинку Камня Перемещения. Капсула вводится в тело агента.

— Д'арно, ты скажешь нам, зачем это делается?

— Ну... это, чтобы не нашли его...

— Вот именно — не нашли! — преподаватель поднял худой палец. — Как вам известно, идет война! Война с Повстанцами!

— Вы говорили, это... конхронтация, — напомнил тонкий голосок с галерки.

— Одно и то же! — отрезал преподаватель. — Каждый член Гильдии, каждый агент — потенциальная мишень. Особенно — Совет. Их можно обнаружить, просто представив и прыгнув при помощи Камня Перемещения. А если в это время, он спит? Беспомощен? Капсулы Невидимости — временная, но необходимая мера. До полной победы Гильдии. Да будет вам известно, подобные капсулы — контейнеры с частичками Камней вмурованы в стены комплекса

Гильдии, того самого, где мы находимся.

Класс дружно завращал головами, словно надеясь разглядеть легендарные Капсулы.

— Для чего это сделано — догадайтесь сами.

1.

Час, день, год, тысяча лет.

Голые стены. Серый, без зазубрин, изъянов, словно отполированный, камень. Шестиугольник неизменно голубого неба. Ни облака, ни дождя, ни звезд, ни ночи — день, неизменно светлый, ясный, растянутый до бесконечности день. Будь проклят день!

И тишина.

Давящая на уши, оглушающая сильнее любого крика. Будь проклята тишина!

Будь прокляты соты!

Будь проклята эта планета!

Будь проклята... жизнь!

Жизнь, почти бесконечная, разбитая на промежутки возвращающегося времени.

Агасфер — вечный жид, тебя наказали бессмертием. Раньше я думал: какое же это наказание? Только сейчас до меня дошла вся мудрость и жестокость богов.

Час, день, год, тысяча лет.

Сколько я уже здесь? Имеет ли значение слово сколько?

Там, здесь, за стеной, за стенами — братья по счастью, счастью вечной жизни — узники бессмертия.

Счастливицы.

Ваши стоны, ваши мольбы, ваши проклятия не долетают моих ушей. Вы рядом и далеко. Возможно сейчас, в эту самую минуту, вы скребете камень кровавыми ногтями, в тщетной надежде добраться до такого же узника, или теми же ногтями рвете себе вены, забрызгивая соту — место награды и проклятия — каплями жизни в напрасной, или оправданной надежде вырваться, разорвать этот круг.

Скоро, возможно, очень скоро, я последую вашему примеру.

Уже сейчас — вены, пульсирующие синие жилки притягивают меня, как манит заблудшего в подземелье солнечный свет, как глоток воздуха — утопающего, как влага — умирающего от жажды.

Как смерть пытаемого.

Час, день, год, тысяча лет.

Голод, жажда, телесные муки мне неизвестны. Почти неизвестны. Поначалу, в первые промежутки, или циклы, они еще доставляют хлопоты. Становясь вечными спутниками, ты перестаешь обращать на них внимание, воспринимаешь, как должное, обыденность; как эти стены, это небо, этот вечный день.

Муки?

Что они в сравнении с мукой вечности, безысходности, бессилия что-либо изменить или нарушить. Нет, нет, муки — благо! Благо разнообразия, слабого подобия рисунка на неизменном камне вечности.

Час, день, год, тысяча лет.

Они летят, и ты летишь, уставившись вверх — небо. Почти тщетная, почти оправданная надежда увидеть там, на голубом холсте, на краю жизни и вечности, хоть мельком, хотя бы тень, обрывок... процессии. Новая судьба, новый призрак сот — живя, мы уже давно не живые, разнообразие в бесконечном течении вечной жизни.

Хотя бы мельком, тень, обрывок...

Это кажется очень важным.

Сколько бы времени не заняло.

Время у нас, у меня есть.

Час. День. Год. Тысяча лет.

Я почти решился.

И синие жилы виделись воротами рая, а обломанные ногти золотыми ключами, кожа — привратником, а красная влага — божественным светом.

Умом, не утратившим способность рассуждать краешком сознания, я понимал — все проходят сквозь это. Некоторые выдерживают, выдерживают, чтобы по прошествии времени вновь вернуться к воротам подрагивающих жилок.

Открой, отвори, отверзни... ты там. Где там? Все равно, только бы не здесь.

Я... решился.

Синие жилы — ворота, обломанные ногти — ключи, кожа — привратник, красная влага — свет.

Выход — вот он!

Чу.

Тень легла на вытянутую руку. Тень? Здесь!

Бес безумия прилетел любоваться делом рук своих. Ангел смерти явился препроводить в царство забвения. Сейчас, сейчас, я скоро. Ногти царапают привратника, пытаюсь добраться до врат, тот сопротивляется, нехотя сдавая позиции, и первые капли божественного света кропят плащ стража.

Сейчас, сейчас, я скоро, не улетайте, подождите, еще минуту.

Дуновение ветра, шелест за спиной.

Я уже, уже, почти!

Света становится больше, вот она — створка врат!

Тяжелые ладони легли на плечи.

Сейчас, сейчас...

Рука — грубая, загорелая, с силой отрывает мою от расцарапанной раны.

Нет. Нет! Куда? Я же почти... Что вы делаете?!

Тяжелый взгляд, даже в отсутствие ветра, развивающиеся волосы, темные свободные одежды.

Сквозь пелену затуманенного разума пробивается узнавание — Призрак.

Призрак! Здесь!

И на редкость трезвая мысль: «Я сошел с ума».

Немигающие глаза серьезны. Призрак не отпускает мою руку, руку, под ногтями которой бурыми комочками берется кровь.

Знакомые, почти забытые, казалось, утраченные ощущения охватывают меня.

Прыжок?

Нет, не может этого быть! Это галлюцинация, новый виток мучений. Расшалившийся

мозг в преддверии гибели уводит от решающего шага.

Врешь! Нас так просто не возьмешь!

Я крепко зажмуриваюсь.

Когда вновь открываю глаза... серые стены исчезли. Призрак все так же стоит рядом, руку он отпустил.

Холмы, покрытые зеленой растительностью. Зеленый — почти забытый цвет! Извилистая речушка, за ней — лес.

Ужели мозг способен создавать такие картины? Легкий ветерок, вместе с прохладой принес запахи трав, шелест листьев; щебет птиц пробился сквозь тишину. Звуки? Запах? Я вскрыл вены и в раю?

Призрак с силой разворачивает, узловатый палец указывает на городок — небольшой, обнесенный частоколом бревен, у излучины. Рядом с покосившейся стеной — добротный сруб трактира, пенная кружка у входа покачивается на кожаных ремнях.

Бывают ли в раю трактиры?

Открыв собой дверь, из строения вылетает худой субъект в латаной рубахе, в лаптях... без штанов. Сияясь подняться, он грозит небесам белым задом.

И пьяницы?

Призрак толкает по направлению к постройке.

К раю.

В сравнении с сотами, любое место, даже воронка Нараки — рай.

Давление ослабевает.

Оборачиваюсь.

Позади — никого.

2.

— Эй, трактирщик, еще! Подай еще твоего пойла!

— Ай, пан Дарн, зачем так говорить, зачем обжать благородный напиток и несчастного пана Кацека. Пан Кацек готовит, как нехорошо изволил выразиться пан Дарн, свое пойло из отборнейшей ржи, пан Кацек лично, вот этими вот руками, на которых — всевидящий Эльб свидетель — нет места без мозолей, отбирает каждое зернышко. Пан Кацек сам, а ведь пан Кацек далеко не мальчик, чтобы, не приведи Эльб, не перегрелся аппарат, носит воду из криницы — студеную, чистую, как слеза младенца воду от подземных источников, а это — пусть на пана Кацека обрушится вся мощь всезнающего Эльба, если он врёт — почти пол версты, диким полем... — пан Кацек — изможденный трудами трактирщик, объемное пузо которого с трудом втискивалось в цветастый муслиновый жилет с золотой цепочкой часов, ловко лавировал между деревянными столиками, словно величайшее сокровище, прижимая к самому нижнему из дюжины подбородков литровую бутылку с мутным, приятно булькающим содержимым.

Наместо — куча мелких пузырьков — признак градусов, колыхалось на границе двух сред.

— Неси быстрее, я плачу не за болтовню! — золотой самородок, размером с фалангу большого пальца, покатился по мореной поверхности стола.

Трактирщик, насколько было возможно для его комплекции, быстрее засеменял

ножками.

— Да будет известно пану, нектар пана Кацека известен далеко за пределами округа. Бургомистр самого Брума — славного златоверхого Брума, нанося визиты нашему, да насытятся аппетиты ненасытного, неизменно останавливается в моем заведении, дабы испить живительной влаги пана Кацека.

— Неси, неси!

— Еще дед пана Кацека, упокой Эльб его душу — Миро Кацек в честь которого назвали самого пана Кацека, передал секрет божественного напитка своему сыну, а уж он — пану Кацеку. И пан Кацек, когда его непутевый сын Якоб — надежда и опора в старости, продолжатель славной фамилии, вернется из бурсы, пан Кацек говорил, что его сын учится в бурсе? Знали бы вы, чего стоит эта наука пану Кацеку! Ну так вот, когда...

У любого пути — есть конец, так и многословный пан Кацек, наконец, добрался до заветного стола.

Посетитель выхватил из рук бутыль. Освобожденная ладонь накрыла самородок. Живительная влага, распространяя аромат сивушных масел, полилась в — неслыханная роскошь — рюмки грязного, мутного стекла.

— А ты знаешь, какой он был парень? — опрокинув чарку, посетитель вновь потянулся к бутылке. Сосед по столу — бородатый мещанин в крашеном камчатном кафтане давно спал, аки на перину, пристроив голову в тарелку с недоеденным салатом. — Вот какой!

Кулак с оттопыренным большим пальцем ткнулся под нос спящему.

— А они его — в соты!

Нектар пана Кацека в очередной раз окропил горло рассказчика.

— Я его специально не вытягивал, ну, когда в ссылку, хотя мог — мы Вольные Прыгуны ого-го! Знал, что следят, знал что — соты. А он вернулся. Сам. Нет, ты подумай, сам! Трактирщик, а закуска где? Эта гадость, как ее — заливная рыба!

— Ай, пан Дарн, зачем так говорить, зачем обижать несчастного пана Кацека и благородное блюдо. Теща пана Кацека — и это было таки единственное, что хорошего она сделала в жизни, научила свою дочь — несравненную Яцьку, вы видели жену пана Кацека? О-о-о, это не женщина. Гитер — извечный противник Эльба и то не доставлял Всемиловейшему столько хлопот, сколько...

Трактирщик замолчал на полуслове — в заведение вошел клиент.

Не первой свежести синяя одежонка, всклокоченные волосы, растерянные глаза — сразу видать — иностранец.

Забыв про жену, пан Кацек устремился навстречу гостю.

— Что угодно благородному господину? Жаренные на гусином жиру клецки, луковый кугель, вот-вот поспеет барашек, ай молодой, мягкий, как ладонь ребенка, сочный барашек...

Не глядя на трактирщика, словно безумный, посетитель направился напрямик к столу, к пану Дарну со спящим собутыльником.

— Пан желает компании? Тогда пан зашел таки куда нужно. У пана Кацека всегда есть компания, с интересными людьми и трапеза...

Посетитель остановился перед Дарном с переменным успехом пытающимся совместить горлышко бутылки и рюмку.

Прервав занятие, Дарн поднял глаза на неожиданную преграду, перекрывшую и без того не слишком яркий свет.

— Ай, пан Дарн — радость — новый сотрапезник. Вот кому вы еще не рассказывали про друга! Кстати, милостивый господин, вы не слышали? Что за история, ай, что за история — диямант не история!

Дарн замотал сначала головой, потом, когда действие, видимо, не привело к желаемому результату, принялся махать перед носом руками.

— Уйди, сгинь, призрак, мираж!

— Пан Дарн сейчас вам все поведаст, и я не Миро Кацек, если вы не будете плакать, как плакали все, кто слышал рассказ пана Дарна. Всевидящий Эльб свидетель, сердце буквально разрывается...

Закончив махать руками, Дарн решительно отставил бутыль.

— Все! Допился — галлюцинация. Белая горячка!

— Э-э-э, пан Дарн хочет сказать... — впервые в жизни Миро Кацек не знал, чего хочет клиент.

3.

Студеная вода приятно освежала лицо, придавая упругость коже, бодрость мышцам, разгоняя пелену хмельного дурмана почти прочно обосновавшегося в голове за последние дни.

Единственный недостаток — было нечем дышать.

Вода исчезла, оставив бодрящие капли гулять морщинами измученной физиономии.

На месте влаги вновь появилось лицо Дункана Трегарта. Лицо, которого не могло быть.

— Ну как, протрезвел?

Д'арно помотал головой, в очередной попытке отогнать наваждение.

Галлюцинация истолковала жест по-своему.

Очередная ванна из освежительной влаги вновь была принята многострадальной верхней частью тела.

И вновь, стекая, струи соткали лицо невозможного — лицо Трегарта.

Из-за спины донеслось жалобное блеяние трактирщика Кацека.

— Пан иностранец, умоляю, не утопите его, он не расплатился еще за две поллитровки...

«Шельма Кацек, я заплатил тебе больше, чем стоит все твоё дешевое пойло вместе взятое!» — хотел крикнуть Д'арно, однако очередная купель пресекла изъявление праведного гнева.

— Протрезвел?

— Уйди, горячка!

Вода.

— Стой, стой, — в очередной раз, обретя способность дышать, успел вставить Д'арно. В очередной раз, внимательно присмотревшись к мучителю, он осторожно поинтересовался. — Скажи еще раз, ты не галлюцинация?

— Окунуть?

— Нет! Хотя... пожалуй, еще разок.

После выполнения просьбы, Д'арно уставился на привидение. Вопреки обычаям бестелесных духов, оно не исчезло, не взялось туманом и даже проявляло некоторые

признаки нетерпения.

Д'арно опасливо дотронулся до щеки — вполне материальна, даже теплая.

— Дункан?

— Кто ж еще!

— Дункан! — Александр кинулся обниматься. — Брат! Я думал, ты навсегда... — новый аргумент в пользу бреда пришел в голову. — Постой, ты же в сотах?

— Как видишь, не совсем.

— Но оттуда невозможно выбраться.

— Как видишь, не всегда.

— Но как же ты?..

Трегарт махнул рукой, настоящей рукой, во всяком случае, мокрые брызги были материальны.

— Расскажу — не поверишь. Меня самого впору окунать.

— Ты меня нашел, здесь?

— Не я, кто-то помогает мне, нам. Зачем он это делает, не знаю, во всяком случае, сам спаситель никаких объяснений не представил, поэтому, буду делать, что хотел, что должен. Ты как-то упоминал, тебе показывали Карту Пути?

— Ну да, только без толку...

— Камень с тобой?

— Обижает! — Д'арно полез за пазуху.

— Вытягивай, прокатимся в одно место.

4.

Темнота, спасительная темнота, прыгунец плохо видит в темноте. Он захихикал, и тут же, убоявшись выдать убежище, прикрыл рот ладонями.

Плохой, плохой рот, он всегда смеется.

Плохой прыгунец.

Обычно они не забираются так низко. Внизу прыгунцам холодно, внизу мало добычи, только он — худой старик. Зачем прыгунцу старик? Прыгунец любит мясо, сочное мясо!

Старик облизал шершавые губы.

Да, мясо. Конечно, оно не такое вкусное, как... шоколад. Одно воспоминание о темном лакомстве наполнило рот слюной.

Когда он последний раз лазил наверх, посчастливилось поймать ползунчика. Обычно они быстро двигаются, убегают, как только видят кого-то крупнее себя, но старику повезло. Ползунчик был ленив, или болен. Он оторвал ему голову, чтобы ползунчик не уполз. Да, голову. Головы катились крупным градом, палачи менялись каждые пол часа, топоры приходилось менять еще чаще — сталь не выдерживала. Правитель Сань О прикрыл зевок четырехпалой рукой, пальцы с утолщениями на концах — словно барабанные палочки — лениво заскребли покрытый редкой щетиной подбородок.

— Смотри, смотри, Бен Го, как истинный владыка поступает с бунтовщиками.

Поначалу Сань О ловил каждый вскрик, впивался в каждую жертву, провожая удовлетворенным взглядом летящие головы — сладостный миг триумфатора, победы, милей любимой картина умирающих врагов.

Теперь, когда экзекуция растянулась на несколько часов, а счет казненных перевалил за тысячу, торжество победы сменилось обыкновенной скукой. Царапая лед шипастым хвостом, мимо убежища прогупал прыгунец. Старик сильнее прижал грязные ладони ко рту. Нет, нет, он не выдаст себя, даже шорохом — у прыгунца хороший слух.

Тогда, после казни, Сань О закатил пир: ганорсике гусеницы, запеченные в собственной желчи, ваньганские слизи, мясо латистов и — вершина праздника — суп из полурастворенных сайнарских медуз с пряностями Кейтнарлов.

Рот вновь наполнился слюной, старик принялся поспешно сглатывать ее. Ползунчик, да, ползунчик, он закопал его. Он помнит, где закопал его. Старик захихикал и опять, убоявшись звуков собственного голоса, прикрыл рот ладонями.

Никто не найдет его ползунчика, даже шепшиш с его нюхом. Шепшиш часто находил запасы старика, но не в этот раз. Он закопал тушку, рядом с озером вонючей грязи, здесь, на холодном дне, не замерзающей грязи, даже копошащиеся в отбросах гаены обходили его стороной. Воняло сильно, смрад забивал дыхание, выворачивал желудок, но он смог — закопал.

Теперь, по прошествии времени — мясо дошло, пустило соки, приятные, вкусные соки со сладковатым душиком.

Старик снова принялся сглатывать слюну.

Но что это? Чуткий слух уловил шевеление у входа в укрытие. Прыгунец так не звучит!

— Э-э-э, Трегарт, не подумай чего, но ты уверен, что перенесся, куда надо?

— Уверен.

Это они, они пришли за ним! Он спрятался, сюда, на самое дно, в холод, но они нашли его здесь!

Гильдия! Гильдия — страшное слово, старик уже не помнил, почему так боится этого слова, но от него веяло безысходностью, одиночеством и безмолвными каменными стенами, отчего-то имеющими вид шестигранника.

— И где нам искать твоего осведомителя? Кстати, мог бы предупредить, что здесь не жарко, захватили бы чего-нибудь согревающего.

— Ты достаточно нахватался за последнее время.

Старик сильнее забился в спасительную темноту. Они пришли за ним! Нет, нет, он не дастся, не позволит! Он будет сидеть тихо, тихо, и они уйдут! Он уже сидел так, однажды... гарпасты с гиенами-нюхачами двигались по следу, они почти догнали его, но он, он свернул в болото — болото духов. Аборигены обходили гиблое место стороной — духи непредсказуемы. Пока он развлекал Повелителя Перерожденных байками о загробном мире, его подданные завели преследователей в самую топь. Они кричали, как они кричали, а потом их души пополнили ряды Перерожденных...

Старик хихикнул.

— Ты слышал?

— Чего?

— Звук.

Проклиная себя, старик вновь закрыл рот ладонями.

— Кажется, он звучал отсюда.

— Из этой дыры? Эй, эй, постой, не думаешь же ты лезть туда!

Свет, тусклый свет загородила фигура. Старик понял, что раскрыт. С криком, выставив единственное оружие — руки с отросшими ногтями, он кинулся на обидчика.

Они катались по холодному льду. Старик визжал, стараясь добраться остатками зубов до горла.

Гильдия. Соты! Нет, нет, он не пойдет в соты!

Что-то ударило по затылку. Что-то тяжелое. Вместе с болью, пришло понимание, что он не может шевельнуться.

Гильдия. Соты. Он не хочет в соты!

Издали долетали голоса.

— Осторожнее!

— Больно?

— Сам как думаешь?

— Так тебе и надо. И это твой источник знаний?

— Ну, в последнюю встречу, он вел себя несколько миролюбивее.

— Не удивительно, что тебе не поверили.

Вера, да, вера — старик помнил. Вера поднимала людей, разворачивала реки и завоевывала царства.

Вера! Сильная вещь, если уметь ей пользоваться.

Он умел, пользовался.

Как это часто случалось, перед глазами встала картина — он, облаченный в золотой наряд, блестящий, подобно солнцу, на вершине минарета, внизу — на площади, на примыкающих улицах и дальше, дальше, насколько хватал взор — на крышах домов, широких стенах, за стенами, в чистом поле — подданные, верующие, павшие ниц, возносящие молитвы, нет — молитву, ему...

Пощечина вернула к холодной, полутемной реальности.

— Очнулся?

Лицо, лицо ненавистного гильдийца. Старик вновь хотел вцепиться в него ногтями. Выщарапать всевидящие глаза, перегрызть горло... руки оказались стянуты за спиной, второй гильдиец как раз заканчивал вязать ноги.

Старик плюнул в это лицо — все что мог, и зашелся хохотом, когда понял, что попал.

— Очнулся, — констатировал противник, отирая плевком. — Слушай, — сильные руки потрянули худое тело, — ты меня помнишь? Вспомни, я был здесь, с напарником, не этим, другим, некоторое время назад. Ты еще показал нам Проход.

Проход? Да, он помнил — Проход, множество Проходов — тысячи, десятки тысяч, сколько он прошел, через сколько прыгал, не зная, что ждет его с той стороны...

Руки, возвращая к реальности, снова потрянули тело.

— Ты меня помнишь?

Старик поспешно закачал головой. Нет, он не помнил, но если от него хотят согласия... только не соты!

Незнакомец приблизил губы к уху старика и прошептал:

— Бен Гаан.

Гаан. Слово что-то всколыхнуло в душе. Бен. Кажется... да, ее звали Майе, у нее была бархатистая, удивительно мягкая кожа. В лучах закатного зантанского солнца, она отливала

серебром.

— Я люблю тебя!

И он любил ее... кажется... или, он любил Орейру, а Майе ненавидел...

Воспоминания, мысли, образы, сцены, они всплывали нежданные, иногда их не хотелось отпускать, подольше купаясь в рожденном воображением или памятью блаженстве. Иногда — холодное дно Воронки казалось раем в сравнении с всплывающими картинками.

— Бен Гаан... — старик заплакал. — Шоколад, хочу шоколада, — слезы, вкупе со слюной смочили грязное лицо.

— Развяжи его, — сквозь всхлипы пробился далекий голос.

— Ты уверен?

— Делай, что говорю.

Путы ослабли, старик приблизил руки к лицу, обильно смачивая их слезами.

— Она любила... меня, и я ее... а ее отец — правитель Антейнов, и Гильдия...

— Э-э-э, Дункан, я начинаю подмерзать.

— Бен, — тяжелая рука сжала плечо, — послушай, сейчас тебе опишут одно место, если узнаешь, скажи нам, где оно, в какой вселенной, как туда добраться.

Бен, да, он — Бен, но не просто Бен, было еще одно — полное имя, как же...

— Ты понял меня?

Старик поспешно закивал.

— Согласен?

Снова кивок.

— Давай!

Это уже не к нему, однако, на всякий случай, старик кивнул и в этот раз.

— Чего давать?

— Рассказывай, описывай, все, что увидел в Карте.

— Кому, этому чуду?

— Это чудо — легендарный Прыгун — Бен Гаан.

— А я Хит Санников — основатель Гильдии. У него просто голова трусится.

— Попробуй, это наш шанс.

— Единственно для того, дабы поскорее выбраться отсюда.

Второй человек приблизился к старику.

Он насторожился.

— Гм, ну, значит, это... там вода, кругом одна вода, за исключением островков, а по ней — растения, вроде надувных шаров, только пятнистые, на длинных ножках...

Старик продолжал кивать — этого от него хотели.

Да, вода, там тоже было много воды, и острова. На них, среди отвесных скал, вили свои гнезда крылатые люди — анены. Удивительные существа — не ведающие алчности, зависти, не знающие власти и разврата богатства. Небо было их крышей, море — питало тела, а сладостная музыка ветра — душу. Они жили, как дети — недолго и счастливо, и умирали, сложив крылья, растворившись в пучине вод...

— ...вот и все, — пробился голос.

— Ты знаешь это место?

Старик закивал. О да, он знает множество, превеликое множество мест.

— Где оно, как туда добраться?

Старик продолжал кивать.

— Отвечай!

Его затрясли, но он не чувствовал боли, он был там, высоко в небе, парящим, рядом с аненами.

— Отвечай, говори!

Они несли его — от острова к острову, от гнезда к гнезду, пока он тоже не научился различать музыку ветра.

— Отвечай, отвечай!

— Дункан, Дункан, — вновь зазвучал второй голос. — Ты же видишь — бесполезно, мы теряем время.

— Нет, нет, не верю, он знает, знает...

О да, он знает, с планеты, с каменистых островов открывалось множество — десятки, если не сотни Проходов... Он так и не сказал про этот мир Гильдии. Не смог.

— Должен, должен быть выход, вытянуть, заставить...

— Если знания о планете и существуют, они запрятаны глубоко в мозгу этого существа. Забудь, даже ему самому не вытащить их оттуда.

— В мозгу! Ты сказал, в мозгу! Нет, ты не прав, есть способ! Давай сюда Камень!

— Так это... он у тебя...

6.

Кецаль осторожно подвигал спиной. Даже подушка, которую он начал подкладывать в трон, помогала слабо. Примерно через пол часа неподвижного сидения, боль от позвоночника, паутиной, расползалась по телу, захватывая одеревеневшие мышцы, отдавая в органы, возбуждая нервы.

Доктора говорили — грыжа, позвоночная грыжа, и не одна. Еще говорили — необходима операция. Ха, позволить этим коновалам копать в собственном хребте!

Грыжи, и именно позвоночные изумительно лечили на Кобыляке — цеха местных врачей передавали секрет из поколения в поколение... но вот беда — планета под властью Гильдии.

— Итак, насколько я понял, вы просите меня отдать своего Телепата?

О Д'арно — Вольном Прыгуне, Кецаль слышал, хотя увидеться довелось впервые, а вот с том, что у вольного объявился спутник...

— Не отдать, всего лишь одолжить — на день, не более.

Что-то с этим спутником было не так, Кецалю казалось, где-то он его уже...

— Отдать, одолжить, какая разница! Назовите хоть одну причину, почему я должен идти вам навстречу.

— Этого желают Призраки.

Ну вот, и эти туда же.

— Я верю в Призраков, но я не сумасшедший, во всяком случае, не настолько, чтобы помогать оборванцам, прикрывающимся священным именем.

— Кецаль, — заговорил спутник вольного, мятая сине-голубая форма без нашивок внушала смутное беспокойство, — это не способ завоевать доверие и уж конечно не насмешка. Я знаю, о чем говорю. Я — бывший агент, Гильдия осудила меня, приговорила к сотам.

— Соты! — упоминание страшного места трансформировалось в холодные мурашки, даже боль на время сбежала из спины.

— Да. И оттуда меня спас, вытащил не кто иной, как — Призрак!

Кецаль испытал укол ревности — Призрак мог спасти только его! Хотя, не все что произносится вслух, и даже не все то, что думается — правда.

— Чего же, муж, облагороженный божественным вниманием, может хотеть от меня, простого слуги великих богов?

— Мы уже сказали — Телепата.

— Зачем, для чего вам существо, читающее мысли?

— Единственное, что можем сказать — дело способно порядком подпортить нервы Гильдии.

— Звучит заманчиво.

— На день, всего на день.

7.

Снова это проклятый мир! В юности, соблюдая освященную веками церемонию посвящения в агенты, Д'арно показали соты. Животное чувство страха, испытанное тогда, до сих пор, спустя десятилетия, холодило нервы, заставляя гнать даже мысли, случайно обернувшись к теме запретной планеты.

Здесь, в этом лишенном света и тепла мире, Д'арно испытывал сходные ощущения.

— Где же его искать? Помоги, прощупай местность.

Дункан обращался к Телепату. Присутствие урода отнюдь не способствовало поднятию настроения.

Александр не любил расу уродов, да что не любил, он их почти ненавидел — иррациональное чувство к существам, вся вина которых сводилась к не слишком привлекательной внешности и умению читать мысли. Именно ненавидел, и Д'арно было плевать, что урод знает о его чувстве! Или не плевать... ненавидел и... боялся.

— Там, — шипящий голос пробирал до костей не хуже мороза. Корявый палец, палаческим крюком, высунувшись из-под накидки, указал на одно из темных пятен, в изобилии усеивающих стены воронки.

— Пошли!

— Ага, — Д'арно плотнее закутался в теплый, подбитый мехом яланской гидры, плащ. Далеко не без труда, ему удалось уговорить Дункана задержаться для соответствующей экипировки. Будь того воля, этот полоумный до сих пор щеголял бы в потрепанной униформе.

— Гаан, ты здесь? Это мы — твои друзья, вылезай.

Опустившись на колени, Трегарт разговаривал с дырой.

Дался ему этот старик! Пусть, даже и имеющий отношение к легендарному Прыгуну.

Из темноты показалась всклокоченная грива грязных волос.

— Нет, нет, я не хочу в соты! Я ничего не сделал! Это все они — бог Монтегума с подручными, они оговорили, подставили меня... а потом мы спускались с гор. Какие там горы! Спустились, и вышел снежный человек... я испугался, а они ручные, совсем ручные, и Баньян схватил меня, а зверек и говорит...

Опять этот сумасшедший бредит!

— Меня там поили вином — у губернатора Лендеи отличные виноградники, а еще... шоколадом, — морщинистые веки мечтательно прикрыли бесцветные глаза. — Шоколад, — произнося буквы, он словно катал на языке сладкие кубики, неземным лакомством смаковал каждый слог. — Ни разу после, я не ел шоколада, — или Александру показалось, или действительно под веками блеснули слезы.

Дункан порылся в карманах, между прочим, карманах весьма недешевого пальто, купленного Д'арно, а к пальто еще прилагался костюм из джергхайского шелка, льняная рубашка с ручной вышивкой и туфли из кожи кайского аллигатора в которых не стыдно показаться даже на приеме у бога. Это не считая прочих не дешевых аксессуаров, таких как: бриллиантовые запонки, платиновые часы и витая заколка для отсутствующего галстука. Вылитый принц! Упрямец еще смел утверждать, что ему это ни к чему.

— Держи! — нечто, завернутое в фольгу, опустилось в морщинистые ладони.

Пальцы с неистовством насильника сдернули блестящую обертку.

— Ш-шоколад... — он не кричал от радости, он произнес это слово благоговейным шепотом. Так преклоняются перед божеством, перед святыней, священными, освященными веками чудес и миллионами верующих реликвиями. Только... реликвии не едят.

Интересно, каким образом в великолепие облачения Трегарта затесался шоколад?

— Давай!

— Что давать? — Александр не сразу сообразил, что Трегарт обращается к нему.

— Вспоминай планету из Карты, а теплепат передаст изображение старику.

— Что-о-о! Чтобы этот урод копался в моей голове!

Сумасшедшему, поглощенному драгоценным лакомством, похоже, было все равно.

— Давай, не бойся.

— Кто боится? Я ничего не боюсь! Просто... просто... а, черт с вами!

Александр покорно представил мир. Небольшие острова, окруженные ярко-голубой, под стать небу, водой, пятнистые шары растений, сверху, это, наверняка, походило на праздничное шествие...

— Знаю, — не отрываясь от шоколада, бросил старик.

— Ты узнал место? Можешь рассказать, как добраться туда?

— За шоколад он тебе еще не то порасскажет.

— Знаю! — упрямо твердил умалишенный. — Проходами, только Проходами. Камнем — никак. Я был наблюдателем при дворе Кортунга Нассау... — неожиданно старик замолчал, даже жевать перестал. — Нет, нет, не скажу, нельзя! Никому не скажу, все плохие! Все плохо!

— Как насчет еще одной плитки шоколада? — Дункан снова выудил лакомство.

Да что там у него — склад кондитерской фабрики!

Старик колебался недолго.

— Ты — хороший. Тебе — скажу. Но не им, пусть уйдут.

Трегарт махнул рукой.

Д'арно с Телепатом покорно отступили на несколько шагов.

— Дальше! Они услышат! — взвизгнул сумасшедший.

Пришлось совершить прогулку в несколько десятков метров в компании уroda. Тот оставался абсолютно безучастен к происходящему, безмозглой куклой выполняя команды Дункана.

Плохо различимые фигуры, любовниками, наконец получившими долгожданное уединение, склонились друг к другу.

Близость длилась довольно долго.

Наконец, стыдливой девицей, старик юркнул обратно в дыру, а Трегарт побежал к ним.

— Намиловались?

— Чего?

— Забудь, узнал, что хотел?

— Кажется. Двигаем отсюда, — Дункан вытянул Камень.

8.

Народы сами определяют свою судьбу.

Народы сами определяют вероисповедание.

Ни одна из рас, либо групп не может владеть Проходами единолично.

Доступ к Проходам — свободный.

Многомирье не может являться чьей-либо собственностью.

Единственное право собственности распространяется на Камни и на новооткрытые, без местной разумной жизни, планеты.

Право собственности определяется первенством обнаружения.

Право собственности на планету не распространяется на ее Проходы.

Из манифеста Повстанцев

9.

Бесформенная клякса, расцвеченная радужными переливами, набухла мыльным пузырем, пришла в движение. Впрочем, они все время двигались. Светящиеся нити, соединяющие кляксу с соседками, натянулись пережатыми струнами. Миг — и они лопнули. Переливающиеся обрывки втянулись в материнские тела. С противоположной стороны, похожие нити потянулись к близлежащим соседям.

Он расширил обзор. Кляксы заняли пространство, вместе с нитями, образуя сложную паутину.

Кляксы — вселенные. Нити — Проходы.

Телепат сузил угол зрения, заполнив мозг одной единственной вселенной, и нити Проходов потянулись к планетам и солнцам мегалактики.

Там, в этих вселенных, на этих планетах, жили его сородичи. Они виделись Телепату, как багровые точки. Возможно, кто-то из братьев в эту минуту наблюдает за ним. Телепат не любил их. Не ненавидел, а именно не любил. Трудно переносить общество того, кто знает, о чем ты думаешь.

В этом Телепат был схож с людьми.

Троица путешественников вышла из Прыжка, картина вселенной сменилась интерьерами дворца Кецаля.

Этот агентшкa, ничтожный гуманоид, вообразивший себя пророком, или богом,

позволил себе обойтись с ним, с Телепатом, как с вещью. Отдал на прокат, сдал, разрешил пользоваться.

Он не чувствовал обиды — разве достойно льву обижаться на блоху? Однако, маленький урок...

— Не томи, что, что ты узнал?

— Позже, потом, не здесь.

При желании, Телепат легко мог прочесть мысли обоих. Повстанцы, Гильдия, сбежавшие преступники — дразги людей, его волновали мало.

Кецаль ожидал их в свои покоях.

Привычные мысли — самолюбование, вера в непогрешимость, подозрительность, страх...

— Как и обещали, возвращаем Телепата...

Странно, когда он уходил, Кецаля постоянно гложили мысли о болезни. Телепат прислушался — боль в спине не прошла, отчего же он?..

— Будьте моими гостями, отдохните...

Слова его волновали мало, слишком часто они расходились с мыслями. Телепат расширил чувствительность — привычный хоровод мыслей вторгся в сознание: стражник за дверью мучится застарелой мозолью, камердинер ревнует горничную к молодому лакею, повар отрезает солидный кусок мяса на продажу купцу-соседу... все, как обычно, как всегда... что-то не так. Чьи-то мысли нарушали привычное кружево дворца.

«Гильдия!»

«Отступники!»

«Понесут наказание!»

Причем, рождались эти мысли совсем рядом.

Телепат понял, как отомстить Кецалю.

— Он предал вас!

Д'арно не сразу сообразил, что говорил... Телепат!

Кецаль как раз расписывал прелести собственной резиденции.

— За той дверью, — продолжил урод, — агенты Гильдии, как только им подадут знак — дернут за шнур звонка, они ворвутся сюда.

Побелевшее лицо хозяина исказила гримаса, отдаленно напоминающая улыбку.

— Это... это... шутка, он шутит...

Д'арно не первый год жил на этом свете, он обернулся к Дункану:

— Камень, скорее, сматываемся отсюда!

В это время дрожащая рука дернула за шнур.

Мысли торжества, мысли отчаяния, ненависть, чувство выполненного долга, мысли о грыже, которую наконец-то вылечат...

Какой букет! Какой вкус!

Телепат с удовольствием погрузился в смакование чувств и образов.

Гильдийцы выскочили из засады — азарт, чувство исполняемого долга, немного ненависти к отступнику — у одного, самого молодого.

Добыча растерянно простукивает карманы в поисках Камня Перемещения — признаки паники.

«Быстрой, быстрой!» — у второго — нетерпение.

«Грыжа, как вовремя подвернулись эти двое. Теперь мне позволят вылечить грыжу!» — это понятно — родной Кецаль.

Телепат не волновался за себя, ни сейчас, ни в будущем. Он слишком, слишком ценен, а сомневающимся можно с легкостью внушить эту мысль.

Основной целью гильдийцев, был Дункан Трегарт, к тому же, он находился ближе к нападающим.

Но у него Камень...

Телепат решил насолить Кецалю еще больше. Небольшое, почти филигранное вмешательство — жаль не видят сородичи — и гильдийцы, словно мебель, обминув Трегарта, кидаются на Вольного Прыгуна.

Внутренне Телепат содрогался от хохота.

В руках Трегарта наконец-то появился Камень.

— Беги! Дункан, беги! — Д'арно бился в руках молодчиков из засады.

Трегарт колебался.

И снова небольшая корректировка.

Дункан поднял к лицу Камень, и... исчез.

Не сдержав чувств, Телепат захохотал в голос.

10.

Что на него нашло?

Почему?

Отчего?

Дункан рассеянно смотрел на Камень у себя на ладони. Полированные бока не менее рассеянно отражали свет.

Бросить друга!

В беде!

Сбежать, дрожа за собственную шкуру! Как последний трус.

Вернуться!

Да, вернуться!

Камень, в ожидании работы, покорно грел ладонь.

Но что он может противопоставить Гильдии?

Один человек против махины, повелевающей тысячами миров, миллиардами подданных...

Бороться, ввязываться в драку — безумство!

Или...

Камень по-прежнему лежал на ладони.

Как там говорил Гаан...

11.

Сложный узор из линий и цветных пятен, едва Дункан закрыл дверь, вновь возник на

матовой стене.

Не оглядываясь, от галереи кабинок, напрямик через огромный зал, Трегарт двинулся к комнатам персонала.

Заклейменный раб препроводил клиента за одну из дверей.

Невероятное совпадение, но служащий за конторкой оказался тем же, что и во время посещения Хитры с Д'арно.

Два из трех глаз внимательно изучали клиента.

— На Юзию за одного, — Дункан без сожаления снял запонки и заколку для галстука.

Как и в первый раз, предметы исчезли с отточенной практикой быстротой.

Защелкали клавиши невидимого пульта.

— Прошу туда, — трехглазый кивнул на дверь.

Как рассказывал старик, Юзия была миром, населенном огромными ящерами.

Трегарт стоял на пяточке поляны, отвоеванном у первобытного леса.

Из-за высоких деревьев с голубоватыми раскидистыми, словно растрепанное мочало, кронами раздавались душепробирающие рыки.

Хотя в таких джунглях достаточно крупных хищников водиться не могло, небольшой размер не гарантировал безопасности.

Дункан поспешил к Проходу.

Снежный мир. Мороз пробирает до костей, ветер, поднимая тучи мух-снежинок, бавится, забивая ими глаза, рот и уши.

Планета живо напомнила Трегарту мир, через который он попал сюда.

Следующей оказалась пустыня. Целых три солнца в зените только первые полторы минуты несли блаженство. Блаженство покинуло тело с остатками холода. Пришли мысли — что доставляет большие мучения? Жала или холод? Почти извечный вопрос.

История повторялась, точнее, шла обратным ходом.

У него сначала был знойный, потом холодный мир.

Как утверждал старик, здесь следовало обождать, Проход — потрескавшаяся кора чудом не занесенного песками дерева, открывался только под вечер.

Когда два из трех солнц спрятались за горизонт, с первыми признаками прохлады, Дункан совершил Прыжок.

Как учил старик, перед ним, он сделал глубокий вдох и задержал дыхание.

Студеная вода мгновенно пропитала одежду, добравшись до тела. Даже не будь старика с его советами, Дункан все равно не смог бы наполнить легкие. Дыхание спирало мгновенно.

Бестолково колотя руками и ногами, Трегарт выбрался на поверхность.

Бородатое лицо местного жителя вытянулось от удивления. Секунда, и абориген, побросав деревянные ведра, с криками припустил по полю.

Еще бы — появление живого, пусть и мокрого человека из неглубокого, просматриваемого почти до дна родникового озера, могло заставить дрогнуть не одно храброе сердце.

Растянувшись на берегу, Дункан осознал, насколько он устал.

Что ж, мир, вроде, неплохой, можно обсохнуть, раздобыть съестного, ну и передохнуть часок другой. Тем более что нужный Проход имел место у ворот неблизкого местечка.

Страной правила королева Майе — золотой век.

Год назад она отошла от дел, отдав бразды правления своему сыну Бренану — золотой век кончился. Все это Дункану поведали в первый же час в ближайшей харчевне.

По слухам, Майе нагуляла бастардчонка от какого-то заезжего вельможи.

Последнее выдавали на закуску, страшным шепотом, словно величайшую тайну.

Перекусив и справившись, как добраться до города, Трегарт отправился в путь.

Он стоял на равнине, Проход, как и в мире трех солнц открывался в коре похожего на раздувшуюся бочку дерева.

Пол десятка полосатых существ неслось по полю. Четыре ноги, лошадиное тело, из которого поднимался вполне человеческий торс, увенчанный гривастой головой.

Верхние конечности, напоминающие руки, потрясали короткими копьями.

Кентавры!

Полосатые зебры-кентавры!

Шум, крики, какофония звуков. Музыканты нещадно терзали инструменты, сиюсь перекричать соседей.

Лица, множество лиц.

Лица улыбающиеся. Лица грустные. Лица задумчивые. Лица глупые. Лица со слезами и лица со вздернутыми бровями.

Одинаковое выражение не сходило с них, словно запечатленное в камне. Если бы не крики, доносящиеся из сведенных судорогой ртов и не дерганье в некоем подобии танца примыкающих к лицам тел, их вполне можно было принять за статуи.

Трегарт не сразу сообразил, что попал в самую гущу некоего костюмированного шествия, а неизменные лица не что иное, как маски.

Прыжок — и снова праздник.

Гуманоиды монголоидного типа веселились у накрытых прямо под открытым небом столов.

Пузатый старик в увитом цветными лентами смешном одеянии тренировал захмелевшее горло.

— Ма-арико! Марико Дэнтадайси, где вы!!

Кажется, Дункан спугнул парочку, примостившуюся в кустах у небольшой площадки, посыпанной песком.

Картины праздников расслабили его. В следующем мире, он едва не погиб.

Едва слух и зрение вновь стали на службу владельцу, с первым вдохом воздуха нового мира, пришел первый звук. Что-то чиркнуло по скале у плеча и упало к ногам Дункана.

Он присмотрелся — дротик — короткое копьё с массивным наконечником.

Чудом, шестым чувством, божественным наитием почувствовав опасность, Дункан сделал шаг, спрятавшись под каменный карниз, нависающий над тропинкой, недалеко от

Прохода.

В следующий миг, с неба обрушился целый шквал, или град подобных орудий убийства. За ближайшим нагромождением камней послышались крики боли. И оттуда же, почти сразу — снизу вверх, вознеслась туча стрел.

Дальше Дункан соображал плохо — потемнело в глазах, внезапно накатило головокружение, тучами, насмотревшись на стрелы, по телу поползли полчища мурашек. Ощущения были сходны с испытываемыми в близости Проходов, однако здесь, они оказались в десятки, сотни раз сильнее.

Какие-то тени падали с неба, кажется, крылатые, кто-то поднимался им навстречу. Фальцеты раненных и умирающих подпевали свисту оружия и басам азарта, сливаясь в общую симфонию боя.

Пока — бесконечно долгий, или бесконечно малый промежуток не закончился громовым хором торжествующих победу.

На короткий миг зрение вернулось к владельцу, или измученный рассудок сыграл злую шутку, крылатые люди, потрясая оружием, грозили вслед растворяющимся в небе точкам.

Сухая морщинистая рука подкинула танцующим лепесткам новую порцию пищи. Костер ответил рождением, рождением себя, своих детей — новых лепестков, расширив круг света, отвоевываемый у малопроглядной тьмы.

— Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой, горя не зная, не зная трудов, и печальная старость к ним приближаться не смела, — треснула словами безгубая щель рта.

— А? — Трегарт понял, что вновь потерял нить разговора. Точнее, говорил в основном его собеседник с серой — в отблесках костра — кожей.

— Этой песне меня научил отец, а его — его отец, а того — чужак, путник, подобно тебе, появившийся на наших землях ниоткуда.

Очередной сноп искр, возомнив себя звездами, вырвался из пламени, осветив серые и морщинистые — подобно обладателю — крылья за спиной аборигена.

— С спокойной и ясной душой... так мы, жили когда-то...

Далекие от приятных ощущения, терзавшие Трегарта весь день, к вечеру немного отпустили, или он привык...

— Они тоже пришли ниоткуда — на землях Аненов достаточно мест, из которых появляются чужаки...

Старик прав — мест более чем достаточно. Довольно скоро Дункан понял, что его необычное состояние, являлось следствием обилия Проходов. На планете, во всяком случае, в той местности, где оказался Трегарт, они находились, буквально на каждом шагу.

— Они забирали наших женщин, детей, заставляли работать мужчин — с утра до ночи. Провинившихся или противящихся — убивали.

Планета была настоящим кладом для Прыгунов между вселенными. Она вполне могла претендовать на звание второй Хитры. Удивительно, то этот мир до сих пор не обнаружили.

— И мы восстали! Аненам чуждо насилие, чужды ненависть, жажда мести... чужаки научили нас. Насильничать, ненавидеть, убивать — жестокий урок, и учителя поплатились — все, до единого, благо, их оказалось не так много, наверное, они случайно попали в наш мир...

Старик замолчал, сухая рука набрала хвороста... подумала... возвратила его в кучу.

— Я помню тот день. Казалось, он останется самым счастливым днем в жизни. Может,

так оно и было. День свободы! День всеобщего счастья!

На рассвете аборигены обещали показать Дункану место, указанное Беном Гааном. С восходом солнца, он покинет эту планету.

— Дух войны, дух соперничества, лидерства, неравенства навсегда поселился в наших сердцах. Возврата вообще нет, ни к чему — все меняется, чтобы не говорили полуоблезлые старики. Мы начали воевать друг с другом. Мы начали замечать, что на скалах соседей гнездится больше птиц, а их дочери — красивее. Мы поняли, что это можно взять. Но самое страшное — как.

Рука в отчаянии подкинула хворост — хоть на краткий миг, хоть таким способом, разогнать тьму, окутавшую планету.

12.

Проход отпустил его, и тьма опала паутиной, разрываемой ветром, и мир предстал перед путешественником.

Это был мир, описанный Д'арно, мир, безуспешно разыскиваемый вездесущей Гильдией и стремящимся к вездесущности Повстанцами. Мир с которого, если верить Карте, открывался Проход на Эталонную Планету.

Это был один из самых необычных, и один из самых красивых миров, виденных Дунканом.

Лазоревый океан простирался до горизонта, чтобы там, перейти в такое же небо, слиться с ним.

Темные острова перекликались с белыми облаками, плеск волн с шумом ветра и было непонятно то ли это океан такой голубой от отражающегося в нем неба, то ли небо окрасилось отсветами водной глади.

Они росли прямо из воды — шары около метра в диаметре. Цветные пятна на пузатых боках рождали ассоциации с мыльными пузырями. Застывшими пузырями и оттого помутневшими. В результате метаморфоз пусть и утратившими толику привлекательности, но совсем небольшую толику. Вьющиеся стебли с небольшими листочками, пуповиной, соединяли шары с утробой океана.

Они казались одним целым, гармоничным единением — острова, океан, облака, небо, колышущиеся на легком ветру сферы.

Тот же ветер, наверняка, попадая в некие пустоты на поверхности растений, извлекал нежные, нескончаемые звуки.

Из каждой — свой.

И они пели, сливаясь, перекликаясь, подпевая, вторя. Подхватывая неоконченные трели соседей, виртуозом-пианистом, пробегая интервалами нотного ряда, с легкостью преодолевая условные границы слышимого диапазона.

Музыка сфер.

Проход находился на соседнем островке. Дункан перешел на него по коралловой дорожке, словно специально выстроенной недалеко от поверхности.

И шары, праздничным оркестром, сопровождали судьбоносное шествие.

Он почувствовал его задолго до того, как увидел, а когда увидел... рядом, на

вынесенном океаном или заботливыми руками валуне, отчетливо выделялись знакомые символы. «Проход безопасен».

Дрожащие пальцы прошли бороздками камня. Метка, оставленная самим Хитом Санниковым — основателем. Десятки, сотни лет, века, она ждала следующего путешественника.

Или показалось, но музыка сфер изменилась, в ней начали преобладать торжественные, порою, зловещие нотки. Даже ее ритм, он убыстрился, сферы словно подталкивали к действию, или предупреждали...

Не в силах дольше сдерживать себя, Дункан активировал Проход.

13.

- Он приближается.
- Да, приближается.
- Совсем близко, почти добрался.
- Он один?
- Один.
- Как обнаружил?
- Мы спасли его.
- Мы многих спасали, но они не доходили сюда.
- Этот — упорный.
- Упрямый.
- Может, слишком.
- Ему будет тяжело, очень тяжело.
- И больно.
- Всем больно.
- Помочь?
- Нет, пусть пройдет сам, до конца...

Сказка

Давным-давно это было. Шел как-то один агент по заброшенной планете, и вдруг ему повстречался Призрак. А надо сказать, что Призраков агент знал только по рассказам. Завидев агента, Призрак закричал громовым голосом:

— Эй, ты, человек! Знай, что от меня еще никто не уходил, не вздумай, и ты бежать! Я тебя сейчас убью! Готовься!

Агент весь задрожал, но собрался с духом и ответил:

— А я очень много слышал о вас, многоуважаемый! Значит, вы и есть Призрак? Здесь такое глухое место, совсем без Проходов, что мне никак от вас не убежать. Я готов, делайте со мной, что хотите. Но не согласитесь ли вы сперва выслушать мою просьбу?

— Ну, что еще у тебя за просьба? Говори живей! — крикнул Призрак.

И агент сказал:

— Люди говорят, будто Призрак может прыгнуть куда угодно и откуда угодно. И мне, прежде чем быть убитым вами, хотелось бы удостовериться, доподлинно ли вы Призрак.

Призрак захохотал во все горло.

— Это мне ничего не стоит. Говори же, куда мне перенестись?

— Прыгните на планету Тифонию, во вселенной Хеб, на которую не ведет ни одного Прохода. Ту самую, на которой драгоценные камни и минералы валяются прямо под ногами, — сказал Агент.

Призрак исчез, и тут же, в мгновение ока вернулся, и в руке его лежал самый большой из всех драгоценных камней, виденных Агентом.

Агент потрогал минерал и произнес:

— Конечно же, вы Призрак! Не успел я и подумать, как вы появились с таким замечательным камнем!

— Теперь ты убедился в моем могуществе? Хватит с тебя? — спросил довольный Призрак.

Но агент попросил еще раз:

— Уж очень мне хочется, чтобы вы перенеслись на планету Баньяна и принесли мне веточку этого чудо-растения.

Призрак тотчас же исчез и вновь появился, сжимая ветку живого дерева. Агент опять принялся на все лады восхищаться Призраком, а под конец добавил:

— Вот вы без труда прыгнули в два таких отдаленных места, какие я пожелал. А сможете ли вы перенестись в совсем необычное место? Покажите, пожалуйста, еще раз ваше умение. Прыгните, например, в жерло действующего вулкана, и в доказательство, принесите кусок лавы.

— Хм, только и всего? — засмеялся Призрак, наморщив свое страшное лицо.

И он сразу же перенесся в жерло действующего вулкана.

Да там и сгорел.

Он никогда за десятки, может, сотни Прыжков, совершенных в прошлом, не испытывал такого.

Боль? Нет, боли не было. Не было никаких неприятных ощущений, не было никаких ощущений ВООБЩЕ. Ни одного.

Только он и темнота, и тишина, и безвестность промежутка.

Он уже давно должен был перенестись. Никогда ранее Прыжок не длился дольше нескольких мгновений.

С другой стороны, никогда ранее он не прыгал на Эталонный Мир.

Время, тягучим студнем, замедляло вечный бег.

Сколько он здесь?

Минуту?

Час?

Десять часов?

Паника, страх потихоньку начали расправлять безмолвные крылья.

Сколько пробудет еще?

Дабы отвлечься, он начал считать.

Сбился на первом десятке.

Повторил.

Тот же результат.

Да что же это, дьявол забери, такое!

А может... нет никакой первой планеты, Эталонного Мира. Карта — ловушка для простодушных дураков. Да и кто в своем уме, добровольно укажет путь к собственному могуществу? Может, все дошедшие так и болтаются здесь. Ни там, ни сям — в пустоте промежутка.

Вечность!

Когда пришли первые звуки, Дункан испытал облегчение.

Это были крики — шум толпы на базарной площади, казалось, можно было различить звонкие голоса зазывал; или... толпа перед праздником, возможно, религиозным — хорошо поставленные голоса риториков силились перекричать скопление верноподданных; или... та же толпа у здания власти, не важно какого — мэрия, королевский дворец, палаты сената или пещера вече. Толпа требует, толпа настаивает, и отдельные голоса благоразумных тонут в общем праведном, или неправедном гневе.

Шум изменился. Это была все та же толпа — огромное скопление народа, возможно, тех же людей, или не людей, на этот раз они кричали, истоиво, срывая глотки, выжимая из легких остатки воздуха, накаляя себя перед битвой.

Потом пришла она — битва.

Лязг оружия.

Хрипы воинов.

Стоны раненых.

Проклятия умирающих.

Она кипела с боков, спереди, сзади, сверху, снизу, вокруг Дункана.

И все это в отсутствие визуальных образов.

Шум сражения сменился гимном восхваления, вдалеке слышались голоса, смех, ласковые интонации влюбленных.

Звуки мира сменились мольбами о помощи. Истовыми и дежурными.

Осмысленными — сотрясти мир, и навно-детскими — получить игрушку.

Мольбы сменились требованиями, требования — прокленами.

Голоса, голоса, десятки, сотни, тысячи голосов, они звучали отовсюду, червями-паразитами забирались в уши, нос, рот, корнями, пуская ветвистые отростки в самом мозгу.

Не в силах сдерживаться, Дункан закричал — одиночный крик поглотило море многоголосья. Он обхватил голову, закрыл уши, выискивая малейшие щели в преграде пальцев, голоса, теснясь, продолжали вползать внутрь.

Самое страшное — происходило это в абсолютной темноте.

— Здравствуй, Дункан Трегарт, — улыбаясь, произнес тот, что выше. Его напарник, тот, кого Дункан окрестил «маленький» продолжал хмурить буйные заросли бровей.

— Здравствуйте.

В голове водили хороводы тысячи, миллионы вопросов, он ждал этой встречи, готовился, складывая их заранее... губы разлепились и выдали первое, что пришло на ум:

— Откуда вы знаете мое имя?

На этот раз развеселился маленький.

— Ну дает! Все, кто не приходит, задают это вопрос.

— Не смейся, ты сам не лучше.

— Ты-то откуда знаешь, тебя тогда не было.

— Рассказывали.

— Ладно, — маленький повернулся спиной к Дункану, — пошли.

— Куда? — Трегарту внезапно сделалось страшно.

— Хочешь — оставайся.

— Нет, я с вами!

Внезапно — все кончилось.

Звуки ушли.

Все.

Трегарта вновь опутала безголосая темнота.

Кажется... повеяло ветерком.

Показалось.

Откуда в промежутке ветер?

Появился... запах, запах луговых трав, распустившихся цветов, запах леса, весеннего леса, пробуждающейся природы.

До полного комплекта недоставало шелеста листвы. Словно выговорившись всласть, темнота не рождала ни одного звука.

Цветы, зелень сменились запахами залежавшегося дерева, прелых листьев, потянуло сыростью, плесенью.

Потом, без перерыва, накатила волна зловония — тухлые яйца, гниение плоти, кислые овощи.

Подобно звукам, они полезли в уши, нос, рот, намереваясь проникнуть внутрь.

Дункан закричал, точнее, хотел закричать, и понял, что не может сделать вдоха. Он задыхался, легкие, тело молили о глотке воздуха, но расправить легкие, самому, добровольно втянуть это в себя, казалось невысказанным. Более чем невысказанным — невозможным.

Вопросы — сотни, тысячи вопросов, вспомнив о своем существовании, вновь хлынули в мозг.

— Это Эталонный Мир? — Трегарт обращался к высокому, тот казался... добрее, в отличие от маленького, который постоянно хмурился.

— Ну да, а еще — первая планета и мир-прародитель и Заморье, как ее называют эльвы. Они летели над поверхностью, внизу, насколько хватал взор, простиралась каменистая пустыня.

Пейзаж, мягко говоря, не впечатлял.

— Значит, первая планета, от которой произошли остальные миры.

— Первая — не первая, произошли — не произошли, откуда мы знаем!

— То есть как? — опешил Трегарт.

Само собой подразумевалось — в конце пути он получит ответы на все вопросы, и от кого же получать эти самые ответы, как не от жителей Эталонного Мира.

— А вот так! — вновь ответил маленький.

— Но Камни, Камни Перемещения, они-то здесь есть?

— Конечно...

Дункан выдохнул — хоть в чем-то предания не вдали.

— ... да вон, выбирай любой, — маленький указал вниз.

До рези в глазах, Дункан впился в проплывающий ландшафт — все та же пустыня — земля, усеянная камнями.

Камнями!

Нет, не может быть!

А где же знакомая структура, блеск...

Что-то сверкнуло внизу — солнечный луч отразила гладкая поверхность. Ветер сдул вездесущую пыль с одного из камней, и освобожденная грань мигнула знакомым изумрудом.

— Вы хотите сказать, что все это... Все! Камни Перемещения! Настоящие Камни Перемещения! — они летели уже довольно долго, а каменистой пустыне не было конца.

Трегарт вспомнил, как трусились, дорожили там, на остальных мирах каждым осколком.

— Ага, — зевнул маленький, — только на что они тебе?

Нежные руки касались его, гладили, ласкали.

Запахи ушли, так же неожиданно, как и звуки, им на смену пришло осязание.

Прикосновение ветра, щекотание пера, нежные ладони матери, требовательная, шершавая рука отца.

Ласки любимой.

Потные прикосновения сластолюбцев.

Равнодушные постукивания друзей.

Щекотка.

Он засмеялся.

Даже собственный голос не пробился сквозь студеную тишину.

Кто-то ущипнул его за ногу.

Трегарт вздрогнул.

Затем в него ткнули твердым предметом.

Ощущения не из приятных.

Затем ударили, не больно, так, для острастки.

Затем больнее.

Невидимая ладонь залепила пощечину.

В подставленную челюсть врезался кулак.

Дальше удары посыпались барабанной дробью.

Дункан вздрагивал, кричал, пытался уворачиваться, всегда безуспешно.

Темнота и тишина выступали противниками.

— Кто вы? — Трегарт внутренне напрягся в ожидании ответа.

Потомки древней расы, создатели межвселенья, властелины Проходов... — ответы, тысячи ответов — спутников вопросов складывались в голове.

— Люди, и не люди — те, кто живет здесь, — пожал плечами высокий.

Ответ, мягко говоря, не удовлетворял.

Дункан вспомнил легенды о Призраках, будоражащие миры, страх, даже ужас, внушаемый ими, способности Призраков появляться, когда вздумается и так же исчезать, да и собственное чудесное — иначе не скажешь — вызволение из сот.

— Обычные люди?

На этот раз ответ заставил себя ждать.

— Не совсем...

Затем навалилось все вместе.

Крики, шепот, стоны, мольбы, проклятия оголтелыми стервятниками терзали уши.

Запахи, тысячи запахов — от забивающего дыхания зловония до изысканных, едва ощутимых фимиамов врывались в ноздри.

Поглаживания, щекотания, удары сыпались из темноты.

Его словно вывернули на изнанку, подставив податливое нутро ласкам раздражителей.

Или разрезали на куски, мелкие кусочки, каждый из которых был Дунканом Трегартном и жил собственной жизнью, собственными чувствами, испытывая, наслаждаясь или ужасаясь звукам, запахам, прикосновениям.

Зрение по прежнему оставалось единственным чувством, которое пока не давало о себе знать.

Как ни странно, именно это — отсутствие сигналов, пусть чрезмерных, даже болезненных причиняло наибольшие мучения.

Ожидание страшнее наказания.

— Мы не знаем, откуда взялся, как возник или для чего создан этот мир. Возможно, как у всего в мире, у него имеется смысл, рациональное зерно существования. А, возможно... — на этот раз словоохотливым оказался «маленький». Говорил он довольно долго, сбиваясь с темы на тему, Дункан слушал его, открыв рот. — Да и так ли важно — отчего, почему, зачем, что с этим делать? Поймем, в свое время, или не поймем, если так, значит, не должны, не доросли, не достойны.

Разве ты, живя во вселенной, остальной вселенной, разумеешь ее законы? Разве муравей, ползая по лесу, осознает устройство экосистемы, пищевую цепочку? Пользуясь звездолетами, мало кто имеет понятие о принципах астро, или какой там, физики. Так ли важно, так ли нужно разложить все по полочкам с неизменным наклеиванием ярлыков?

Кто создал, для чего, с какой минутной или далеко идущей целью?

Планеты.

Вселенные.

Проходы.

Прыгунов.

Эталонный Мир.

Камни.

Высшая раса?

Бог?

Дьявол?

Само собой?

— Согласно одной из теорий, — слово взял «высокий», — мы прыгаем не между вселенными, или планетами одной вселенной, а перемещаемся во времени, в различные периоды существования одной вселенной. Порою, довольно отдаленные друг от друга. В частности этим объясняется неизменная трехмерность при небольшом различии физических законов.

— Или большом, один Дворец Времени чего стоит! Возможно, существуют и двенадцатимерные миры, просто попасть в них нам — трехмеркам невозможно, или попавшие не возвращаются. Ломать голову можно до бесконечности, как вам, например, такая теория — весь наш мир: вселенные, планеты, Проходы — плод воображения какого-нибудь выжившего из ума писателя...

— Почему выжившего из ума?

— Ну ладно, не сумасшедшего, хотя все они немного того, но мы — все мы — лишь персонажи — выписанные и не совсем, главные и не очень, барахтаемся в пределах одной книги, сами не сознавая собственной ограниченности, оживая в иллюзии жизни, поступков, лишь на миг, когда страницы листает скучающий книголюб.

— Не весело.

— Теория, не хуже прочих.

Дункан ругал себя, кричал, сиюсь перекричать звуки, запахи, боль.

Последними словами.

Зачем, для чего, он сунулся сюда?

Чего ему не хватало?

Острых ощущений!

Если так — ожидания оправдывались с лихвой.

Осел бы себе на какой-нибудь относительно цивилизованной планетенке, подальше от Гильдии и Повстанцев.

Женился, завел детей, отрастил пузо.

Или лучше — остался дома! На Земле.

Положение, деньги, безбедное будущее.

Нет же, сам влез, еще и Д'арно втянул.

Будь проклят...

Пустыня кончилась, они шли по лесу, обычному лесу — утоптанная тропинка под щебет птиц извивалась между коричневыми стволами шуршащих деревьев.

— Почему вы помогали мне?

— Мы помогли?

— Да, вытянули из Сот, свели с Д'арно.

Высокий сорвал травинку и с удовольствием засунул ее в рот.

— Мы всем помогаем, по мере сил, возможностей.

— По настроению, — ввернул «маленький».

— По настроению, — согласился высокий.

— Но вы направляли, сюда, к этой планете.

— Да нет. То, что ты добрался к нам — твоя личная заслуга. Никого мы не направляем, но и не гоним.

Наконец, когда думал, больше не выдержит. Когда каждая клеточка, каждый нерв молил о пощаде, просто молил — все кончилось.

Изматывающие ощущения ушли.

Пришел свет.

И шорох легкого ветерка казался сладчайшей музыкой.

Разреженный, насыщенный пылью воздух — чистейшим кислородом.

Каменистая почва, принявшая измученное тело — изощренными ласками.

— Межвселенье прекрасно, какие возможности, перспективы, наконец, можно просто путешествовать, наслаждаться.

— Межвселенье прекрасно! — поддержал напарника «маленький».

— Чего стоят только звездные острова Иггдраселя, или радужные скалы Нормы, Дворец Времени, наконец. И все это рядом, доступно, без утомительных многомесячных перелетов, опасных течений и черных дыр. И волшебный дар у нас!

— Радоваться, наслаждаться, — поддержал «маленький».

— Вместо этого Гильдия, Повстанцы, даже эльвы — организации, расы, осчастливленные даром, посмотри, чем они заняты.

— Грызня за власть, интриги, раздел Проходов, сфер влияния, борьба за Камни...

— Возней, обыкновенной возней грызунов на куче мусора, за зловонными отходами и оскаленными мордами сородичей, не замечающих красот окружающего мира.

— Всего мира.

— Огромного мира!

— А межвселенье прекрасно! — повторился «маленький».

Было хорошо, просто лежать, просто вдыхать воздух и видеть... просто видеть.

За треволнениями Прыжка как-то забылось, стерлось, куда он перемещался.

Сейчас он лежал и ощущал лопатками поверхность ЭТАЛОННОГО мира, вдыхал воздух ПЕРВОЙ планеты!

Неужели!

Свершилось!

Добрался!

Тысячи лет.

Сотни исследователей.

И вот он — Дункан Трегарт — уроженец планеты Земля, находится в мире, куда

безуспешно стремились поколения Прыгунов!

Трегарт поднялся.

Обычная планета.

Ни загадочного свечения.

Ни развалин древних городов.

Ни головастых аборигенов с мудрыми глазами.

Клонящееся к закату солнце озаряло оранжевым, приятным глазу светом, каменистую пустыню.

Добрался.

Свершилось.

Будничный пейзаж отнюдь не способствовал вымучиванию соответствующего настроения.

Из-за деревьев, им навстречу вышел высокий худой человек. В «традиционной» одежде Призраков.

— Вот, кстати, и знакомое лицо, — один из сопровождающих махнул человеку, тот послушно подошел ближе.

Большие, словно у девушки, глаза с пушистыми ресницами внимательно изучали Дункана.

— Не узнаешь? — спросил «маленький».

Трегарт присмотрелся, нет, как Призрака новопоявившегося он не знал, однако, что-то в его облике... этот рост, сложение, эти глаза удивительно не гармонирующие с мужественной внешностью...

— Не может быть!

— Почему это не может? — улыбнулся незнакомец, точнее, уже не незнакомец.

— Но вы же...

— Смелее.

— ... Хит Санников! Легендарный основатель Гильдии! Это же по вашей Карте я попал сюда!

— Рад слышать.

— Но вы же... умерли!

— Как видишь, не совсем.

— Но как такое...

— Я говорил, мы не совсем люди, впрочем, даже наши тела не выдерживают тысяч лет, — встрял «маленький». — Просто существуют места, в которых время течет вспять, иногда очень быстро, пробыв там минуту, омолаживаешься на год.

— Но... мистер Санников, вас ведь ждут, там, очень ждут, многие верят в возвращение...

— Да знаю я, — махнул рукой человек-легенда. — Не время пока. Подождут. Вернусь, как-нибудь.

Ну и что дальше?

Когда он добирался сюда, как-то не задумывался над вопросом, что станет делать, оказавшись в Эталонном Мире.

Само собой подразумевалось — дошедший получит ответы на все вопросы на месте. Он

на месте, вопросов море, а ответов... кот наплакал.

Впервые Дункан задумался, как станет выбираться отсюда.

Он чувствовал — Проходов ни одного, во всяком случае, поблизости.

Камень?

Если Прыжок через Проход его чуть не угробил, как обернется с помощью Камня?

Оранжевая, в свете солнца, пустыня хранила молчание.

Не сидеть на месте!

Точно, не сидеть!

С другой стороны, куда идти?

В пустыне все направления одинаково хороши.

— Излучение изменяет нас.

— Чье излучение?

— Да вот его, — высокий кивнул на мелькнувшее в просвете листвы солнце. — В худшую, лучшую ли сторону. Считается — в лучшую. Продолжительность жизни повышается, чувства обострены, ну и способности Прыгуна...

— Мы можем перемещаться, между мирами без Проходов, без Камней, одной силой мысли, или желания.

— Да что на нас, солнце действует даже на неодушевленные предметы. Практически любой камень на планете можно использовать, как Камень Перемещения.

— А-а-а, вы пытались исследовать, изучать?

— Старожилы, вроде Санникова, те, кто первыми прибыл на планету, поначалу ставили какие-то эксперименты, разделяли спектр, отсеивали лучи, привозили животных с других мест... а потом.

— Потом поняли — зачем? Для чего? Так ли уж важно, почему и отчего происходит в мире эдак, а не иначе. Разве мир от этого становится менее прекрасным, волнующим?

— Сейчас мы просто живем.

— Живем и наслаждаемся.

— Открывшимся возможностям.

Они появились из ниоткуда. Казалось, соткались из самого воздуха.

Пыльного воздуха оранжевой пустыни.

Знакомые темные одежды развевались на ветру. Призраки!

Незнакомые лица внимательно изучали Трегарта.

В первую минуту нахлынуло облегчение — не одинок.

Во вторую — если Призраки здесь, было бы неплохо встретить знакомого Призрака, то самого, что следил за ним на Нетоне, а затем вызволил из Сот.

Дункан сразу их окрестил: «высокий» и «маленький», главным образом из-за роста.

Следом за облегчением, пришла очередь настороженности.

Глядя на Трегарта, маленький хмурил широкие, кустистые брови.

За настороженностью — опаска.

Но тут, высокий широко и приветливо улыбнулся.

— Здравствуй, Дункан Трегарт.

— А я, я тоже начал меняться? — с волнением в сердце, Дункан ожидал ответа.

— Конечно, — пожал плечами высокий.

Дункан прислушался к себе — никаких изменений он не ощущал.

— Выходит, теперь я могу путешествовать без Камня, появляться, где захочется и исчезать, когда вздумается?

— Э-э-э, не совсем. По нашим подсчетам, на полный цикл трансформации требуется около года. Впрочем, у каждого — индивидуально. Так что пока — по старинке. Выбирай любой камень, и вперед. Есть вопросы — задавай, поможем советом, кстати, решишь оставить планету, держать и уговаривать не станем.

— Там, в миру, у меня осталось одно дело... один человек, мой друг, из-за меня попал в... словом, я должен помочь, выручить...

— Поможешь, а если что, поможем все вместе.

— Еще один вопрос.

— Ой ли, только один.

— Нет, но... ваша одежда, плащи... они что-то означают, скрывают... мутации?

Двое Призраков дружно переглянулись, и так же дружно расхохотались.

— Ну рассмешил, — вытирая слезы, ответил маленький. — Хотя что-то в этом...

— Похожее облачение своего рода... униформа.

— Пижонство, вот что это!

— Возможно. В ней мы выйдем... загадочнее что ли.

— Темные развивающиеся одежды, вкуче с немигающим взглядом из-под лба навевают страх на обывателей. Проверено годами.

— Кстати, можешь заказать и себе такой же костюмчик.

— Только со взглядом потренируйся.

— А можешь так ходить — как пожелаешь.

— Точно, как пожелаешь.

2.

Час, день, год, тысяча лет.

Время скачет масляными каплями.

Бежит кисельной речкой в извилистых берегах тины.

Тянется бесконечно лентой, змеей, ухватившей зубами собственный хвост.

Час, день, год, тысяча лет.

Они не могли, не имели права судить его — Вольного Прыгуна, судить по законам Гильдии, которой он не подчинялся! Первые... промежутки вечности, мысль тешила обилием разнообразия.

Разнообразие чувств.

Смогли, сделали, осудили.

На час, на день, на год, на тысячу лет.

Где ты, Дункан Трегарт? Отыскал ли искомое?

Блаженствуешь в Эталонном Мире, или над полировкой твоих костей трудятся солнце и песок забытой планеты?

Напрасна ли была моя жертва?

Да?

Нет?

Какая разница.

Здесь, в каменных шестиугольниках, отходят, теряют значимость дразги, судьбы, проблемы... свои, друзей, мира.

Меркнут, засланные тенью вечности.

Час, день, год, тысяча лет.

Тень нарушила неизменный рисунок каменного пола.

В царстве статичности, даже появление безмолвной тени сравни мировому катаклизму.

Галлюцинация?

Игра распалившегося воображения?

Шуршание крыльев темных одежд.

Призрак!

Здесь?

Точно, галлюцинация!

Призрак улыбается.

У Призрака знакомое лицо.

Нет!

Может ли такое быть.

О разум, зачем ты играешь со мной!

Призрак протягивает руку.

И говорит будничное:

— Пошли отсюда.

3.

Она сидела в своей комнате.

Тесной клетке в несколько квадратных метров со стандартной мебелью.

Тесно. Скучно, особенно в сравнении с покоями богини.

И грубое сукно униформы нельзя сравнить с шелками правительницы.

И сухие приказы старших с обожанием миллиардов.

И...

Сейчас это волновало менее всего.

Как и мало волновало то, что Повстанцы по непонятным причинам, оставили вселенную Орт и ей намекнули на возможность вновь занять вакантное место правительницы.

Гильдия, бывшая домом девушки, ее проблемы, бывшие проблемами Орты...

Куда все делось?

Почему так плохо, так... муторно на душе.

Почему она болит?

Разве может болеть орган, которого нет?

Может.

И Орта знала причину, источник боли.

Дункан Трегарт, будь ты проклят!

Будь проклят тот день, когда я спасла тебя!

Когда ты... спас меня...

Пришелец из иного мира, ты разбередил мир наш и особенно — мир ее, Орты.

Зачем, зачем ты вернулся! Зачем вообще приходил сюда!

Ты жив, жив!

Но потерян... потерян навсегда.

Не раз и не два, девушка порывалась отправиться в соты.

Искать!

Может быть чудом, может сердце подскажет!

Во время посвящения в агенты, она была на этой планете. Единственный раз.

Даже сейчас, спустя годы, она помнила тот страх, тот ужас, те чувства маленького человечка, муравья, песчинки в сравнении с всеподавляющей бесконечностью — вечности и пространства.

Будь проклят...

Или почудилось...

Холодок пробежал телом, закололо, ощущения, словно открылся Проход.

Здесь?

В ее комнате?

В самом сердце штаба Гильдии!

Не может...

Шорох одежд.

Орта оглянулась.

Дункан Трегарт стоял посреди комнаты, ее комнаты и улыбался ей.

Кинуться на грудь!

Обнять, поцеловать, расплакаться!

Нет!

Рассудок, или остатки его сдержали девушку.

— Этого не может быть, — убеждая себя, или галлюцинацию, она произнесла фразу в слух.

— Почему?

Этот голос, эти глаза, эта улыбка... о, коварный рассудок, за что ты так играешь со мной!

— Ты в сотах.

— Нет, я здесь.

А вдруг!.. Нет, нельзя позволять надежде, сколь она ни желанна, обмануть себя. Больно, слишком больно будет возвращение к реальности.

— Это не можешь быть ты... ни кто бы то ни было... капсулы с Камнями! Охрана штаба! — разум искал аргументы в подтверждение собственной нормальности. — Никто не пойдет сквозь Камни!

Дункан протянул ей руку.

Знакомую, казалось, уже недостижимую руку.

— Пойдем, я подарю тебе мир!

Сотага: Направь взор долу, в бездну пространств! — попытайся продвинуть его вдоль бесчисленных звездных верениц, пока мы медленно проплываем мимо — так — и так! — и так! Разве даже духовное зрение не встречает повсюду преграды бесконечных золотых стен вселенной? — стен из мириад сверкающих небесных тел, одною своею бесчисленностью слитых воедино?

Сонио: Вижу ясно, что бесконечность материи — не греза.

Сотага: В Эдеме нет грез, но здесь говорят шепотом, что единственная цель бесконечности материи — создать бесконечное множество источников, у которых душа может утолять жажду познания, вечно неутолимую в пределах материи, ибо утолить эту жажду — значит уничтожить бытие души.

Он Рагдэ

«Диалоги»

Беззвучный смех бежал кляксами и нитями Великой Паутины.

Кляксы — Вселенные.

Нити — Проходы.

По одной из нитей плыла светящаяся точка. Телепат замедлил время, приблизил, — огонек разделился на два. Близко, близко — звездочки, люди неслись Паутиной. Скользили в самую сердцевину, куда вел единственный Проход, и которая виделась как слепящая, затмевающая близлежащие вселенные сфера.

Еще двое проторили дорогу к Эталонному Миру.

Когда-то и он — Телепат...

Организация, группа, подобно нынешней Гильдии, возомнившая себя хозяйкой межвселенья. Он состоял в ней. Как же она называлась?..

Название, идеи, принципы, далеко идущие и близлежащие планы, имена лидеров и руководителей, проблемы, козни, период расцвета и времена смуты — все поглотило безразличное время. Как поглотило имя Телепата, его прошлые чувства, сомнения, желания, внешний облик... как поглотило миг счастья, когда он — сам, достиг Первой Планеты. Как поглотило имена и личности, прошлые личности сородичей.

Сородичей...

Он называл их так.

Они, не рожденные близким видом, стали им.

Время и Первая Планета.

Первая Планета и Время.

Бездушные изменители, стиратели, уравниатели.

Две точки, слившись в одну, достигли Слепящей Сферы, исчезнув из поля зрения Телепата.

Что ж.

У него, у них будет время.

Увидятся.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net